А. А. ПОПОВ

НГАНАСАНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЭ
ЭК 845а2
Пров-ка
1966-67
И7

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
НОВАЯ СЕРИЯ т. III

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ
5905

А. А. ПОПОВ

НГАНАСАНЫ

Вып. I

МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1948

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№ 42295
Академии Наук СССР

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. Г. ЛЕВИН

ОТ РЕДАКЦИИ

Народы Сибири представляют громадный интерес для этнографической науки. Между тем многие из них, особенно принадлежащие к мелким северным группам, почти совсем не изучены. Сюда относятся и нганасаны („тавгийские самоеды"), живущие на северо-востоке Таймырского полуострова. Дореволюционные источники о нганасанах сводятся к работе Степанова (1835) и немногим трудам второй половины XIX ст. — Кривошапкина (1865), Третьякова (1869) и Миддендорфа (1875). Все они содержат весьма краткие и беглые наблюдения отдельных этнографических явлений и совершенно не дают общей картины жизни нганасанов. Небольшие отрывочные сведения имеются также в работах Кострова (1857) и Мордвинова (1860). С тех пор, на протяжении полувека, никаких новых источников о нганасанах не появлялось. Не богата интересующим нас материалом и советская литература. Работы Л. Н. Добровой-Ядринцевой („Туземцы Туруханского края", 1925) и А. Я. Тугаринова („Туземцы Приенисейского Севера", 1927) приводят весьма краткие данные справочного, этнографического и экономического характера. Статья Б. О. Долгих „Население полуострова Таймыра" (журн. „Советская Азия", 1929, № 2) сообщает аналогичные сведения, но ставит впервые вопрос об этногенезе нганасан.

В 1936 г. появилась впервые специальная публикация о нганасанах, принадлежащая автору настоящего труда А. А. Попову („Тавгийцы"). Командированный Институтом этнографии Академии Наук СССР для изучения южных соседей „тавгийцев" — долган (1930—1932), А. А. Попов имел возможность наблюдать нганасанов лишь попутно и ограничился, поэтому, кратким предварительным описанием отдельных элементов культуры. Работа эта, исполненная специалистом-этнографом, сообщала много совершенно новых данных о материальной культуре, обычаях и религиозных представлениях нганасанов и была первым вкладом в познание этой этнографической группы. В 1938 г. опубликованы Б. О. Долгих „Легенды и сказки нганасан", записанные по-русски, но являющиеся ценным историческим и этнографическим источником. Этими немногими изданиями исчерпывается вся литература о „тавгийцах".

Слабая изученность этой небольшой группы, представляющей исключительный научный интерес, побудила Институт этнографии командировать А. А. Попова для всестороннего ее исследования.

Полевые работы автора в Таймырском национальном округе продолжались два года (1936—1938). За это время он провел четырнадцать месяцев в передвижениях по тундрам и покрыл свыше 8 тыс. км пути по маршруту: Дудинка (окружной центр) — Норильск — сел. Кресты (на р. Пясина) — тундры (к северу от „тракта" Кресты — Хатанга). Крайние северные пределы маршрута — южные склоны северо-восточного плато, у дельты р. Хатанга, примерно на 75° с. ш. А. А. Попов ознакомился со всеми локальными, хозяйственно различными группами нганасанов: авамской, таймырской и вадеевской — западной (губской) и восточной. Совместное двухлетнее проживание с населением, усвоение его языка, при громадном полевом опыте А. А. Попова, дали ему возможность глубоко проникнуть в жизнь нганасанов и собрать исключительно ценный и разнообразный, очень богатый, по сравнению со многими другими народами Сибирского Севера, материал об их культуре.

Некоторое представление об исполненной А. А. Поповым работе дает следующий перечень собранных им материалов: фотографии (800) и рисунки всех трудовых процессов, коллекции из 500 музейных предметов, зарисовки орнамента, записи по фольклору, вопросам космогонии и религии, словарный (4000 слов), грамматический и синтаксический материал. Автором открыты совершенно уникальные, неизвестные ранее сибирской этнографии явления, говорящие об исключительном своеобразии и архаичности всего жизненного строя нганасанов. Он наблюдал такие способы охоты, как промысел диких оленей при помощи изгородей и сетей и песцов каменными пастями, описал ледяные хранилища (ящики) для продуктов, свадебные и погребальные обряды, нигде не встречающееся в Сибири празднество чистого чума, представления о душе, о семейных и родовых духах-покровителях, о становлении шамана. Вот почему труд А. А. Попова — несомненно событие не только в отечественной, но и в мировой этнографической науке.

Предлагаемая вниманию читателя работа является первой частью монографии А. А. Попова „Нганасаны" и посвящена материальной культуре. Во вторую часть, также законченную автором, входит описание социального строя, религии и изобразительного искусства.

Незабвенной памяти
безвременно погибшей
жены и друга
МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ
СТЕПАНОВОЙ - ОМЕЛЯНСКОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый труд является результатом двухлетних исследовательских работ, выполненных на Таймырском полуострове по поручению Института этнографии Академии Наук СССР. Нганасаны — народность почти вовсе неизученная в прошлом. В задачи, поставленные автору, входило всестороннее изучение еще сохранившегося к тому времени старого уклада нганасанов. Изучение этого уклада представляет тем больший интерес, что в данном случае можно наблюдать процесс перехода от натурального хозяйства к социалистическому.

До Великой Октябрьской социалистической революции нганасаны были одним из самых заброшенных малых народов Сибирского Севера, обреченных на вымирание. Затерянные в необозримой тундре, они были изолированы от внешнего мира. Элементы цивилизации почти не проникали в их быт.

Полная неосвоенность в прошлом Таймырского полуострова была причиной того, что советское национальное строительство среди населяющих этот полуостров народностей могло развернуться в полной мере лишь в годы 2-й Сталинской пятилетки. Работа изображает, соответственно поставленным перед автором задачам, старый жизненный уклад народности, хотя уже ко времени его пребывания общественный уклад нганасанов в значительной мере изменился в связи с началом советского строительства.

Со времени пребывания на Таймыре прошло более 8 лет. Коренным образом изменился облик этой окраины; переменилась совершенно и вся жизнь нганасанов. В результате нового социалистического размещения производительных сил, на Таймыре появились местные промышленные предприятия — очаги советской культуры. В открытых на глухих станках школах учатся дети нганасанов. В тундре появилась первая железная дорога, на ее реках — катеры и пароходы. Развивается сельское хозяйство, и за Полярным кругом произрастают теперь овощи.

Стоявшие в прошлом на грани первобытности оленеводы-охотники и рыболовы, нганасаны объединены теперь в промыслово-производственные

артели. Старые, чисто натуральные отрасли хозяйства стали приносить нганасанам денежный доход. Материальное благосостояние населения быстро повысилось. Совершенно ликвидированы отношения социальной зависимости в туземной среде и положен, таким образом, раз навсегда конец существовавшей в прошлом эксплоатации богатыми оленеводами бедных.

Меняется весь быт и сознание народности, и эти изменения, представляющие огромный интерес, ждут своего исследователя.

ТРАНСКРИПЦИЯ НГАНАСАНСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

$\dot{u}$ —*u*; $\dot{d}$ —*d*; $\dot{l}$ —*l*; $\dot{n}$ —*n*; $\dot{r}$ —*r*; $\dot{s}$ —*s*; $\dot{t}$ —*t*; $n_{\cdot}$ —*ng*; $\dot{h}$ —*h*.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. РАССЕЛЕНИЕ

Страна, населяемая нганасанами, представляет собой северную часть Таймырского национального округа, расположенную на протяжении от р. Енисея до р. Хатанги и имеющую южной границей линию, проходящую несколько севернее станков по тракту Енисей — Хатанга, а северной — линию, идущую от побережья Енисейского залива по хребтам плато Бырранга и Северо-Восточного вплоть до Хатангского залива. В основном южные границы расселения нганасанов совпадают с окраиной лесотундры.[1] На указанной территории, по исследованиям Н. Н. Урванцева, имеются два геоморфологических участка.

Первый участок — это Таймыро-Пясинская Северно-Сибирская равнина или низменная тундра, граничащая на юге с северными уступами Центрального Сибирского плато, достигающего в среднем 500 м высоты над уровнем моря, на севере — с южными склонами плато Бырранга и Северо-Вос-

[1] При описании естественно-географической среды использована следующая литература:

1. Т. М. Емельянцев. Геологические исследования в районе рек Хеты, Хатанги и Таймырского п-ова. Сб. „Геологические исследования Нордвиг-Хатангского района и Таймырского п-ова по работам 1933—1936 гг.", Л., 1939.

2. Ф. Б. Самбук. Краткий очерк растительности Таймыра. Проблемы Арктики, 1937, вып. 2.

3. Н. Н. Урванцев. Геология и полезные ископаемые Хатангского района. Проблемы Арктики, 1937, вып. 2.

4. Н. Н. Урванцев. К геологии Енисейско-Ленской области. Проблемы Арктики, 1937, вып. 3.

точного. Эта Таймыро-Пясинская тундра представляет собою холмисто-увалистую равнину, шириной в 300—400 км, высотой 50—70 м, с относительными высотами увалов от 5 до 20 м. По всей низменности и главным образом вблизи плато разбросаны гряды и возвышенности высотою в 100—150 м, состоящие из ледниковых морен, расположенных в широтном направлении. Эти гряды и возвышенности спускаются к югу пологими увалами, незаметно переходящими в мелкий сопочник тундры.

Кроме возвышенностей ледникового происхождения, по Северно-Сибирской низменности проходят водораздельные хребты крупных речных систем, образовавшиеся в результате эррозии. Таков водораздельный хребет между рр. Хетой и Дудыптой — Янкан. По южной и северной стороне его расстилаются обширные пространства низменной тундры, по которым с одной стороны протекает р. Дудыпта, с другой — Хета. Эти пространства тундры имеют холмисто-увалистый рельеф, сильно заболочены в низменных частях и испещрены многочисленными мелкими озерами.

Такие же водораздельные хребты имеются и между другими реками Северно-Сибирской низменности, например между Хетой и Боганидой, Новой, Малой и Большой Балахней и т. д.

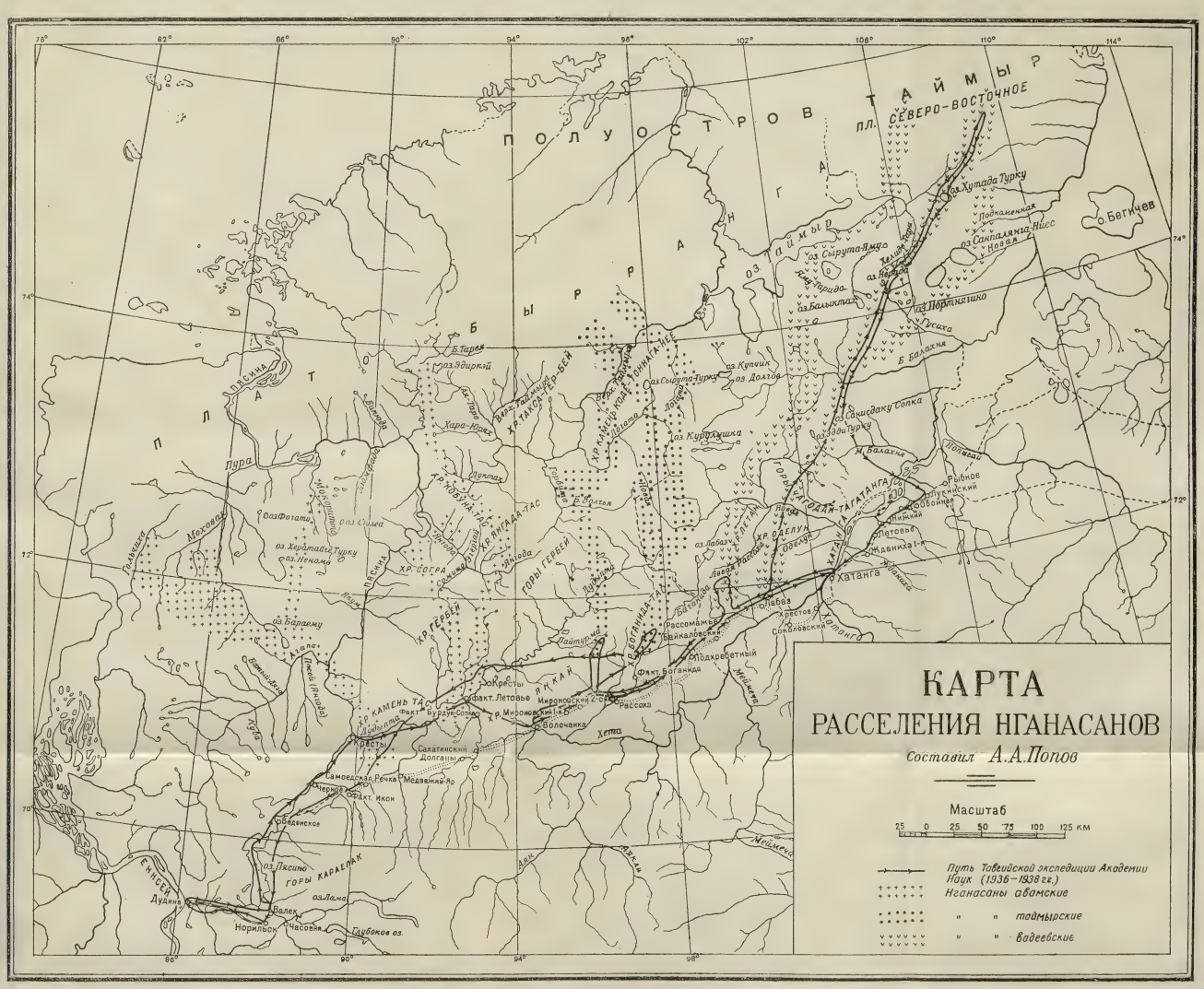
Часть Пясинско-Таймырской низменности, по которой протекают реки Хета и Хатанга, представляет невысокую, в 100—110 м абсолютной высоты, болотистую низменность с большим количеством озер. В южной части эта равнина покрыта лесной растительностью, постепенно убывающей и совершенно исчезающей с переходом в тундру.

Плато Быранга представляет собою массив высотой 500—600 м, обращенный на юг крутыми обрывистыми склонами, переходящими к северу в пологие увалы и возвышенности не более 50—100 м абсолютной высоты. В своем начале вблизи Енисея плато представляет лишь скопления пологих увалов и возвышенностей до 100—200 м высоты, которые снижаясь подходят к Енисею двумя ветвями — у р. Гольчихи и о-ва Диксон. Направляясь на восток, плато Быранга пересекает р. Пясину под 73° 10′ с. ш., приобретая характер сплошного массива, тянущегося далее на восток. Выходя к Таймырскому озеру, плато Быранга резко обрывается.

Малоисследованное Северо-Восточное плато (рис. 1), высотою, как полагает Толмачев, около 450 м, является как бы естественным продолжением плато Быранга за Таймырским озером. К югу оно обращено довольно крутыми склонами, на севере переходящими в низину, которая простирается до побережья Ледовитого океана.

Описанная часть Таймырского п-ва орошается многочисленными реками, из которых наиболее значительны Хатанга, Хета и Пясина.

Река Хатанга впадает в Хатангский залив под 72° 17° с. ш. Она образуется в результате слияния рек Котуя (700 км) и Монеро (600 км) и имеет, примерно, 1100 км длины. Хатанга принимает в себя целый ряд притоков, из которых заслуживают внимания реки Хета (600 км), Новая (250 км), Большая Балахня (400—500 км) и др.



КАРТА
РАССЕЛЕНИЯ НГАНАСАНОВ

Составил А.А.Попов

Река Пясина (900 км) берет свое начало в Пясинском озере. Из ее притоков наиболее значительны: Дудыпта, Янгода, Тарея, Пура и Агапа.

Центральное место на Таймырском п-ве занимает большое Таймырское озеро площадью 700 км². С юго-западной стороны в него впадает р. Верхняя Таймыра, берущая свое начало у юго-восточных склонов плато Бырранга, с притоками Логата, Горбита и Луктах, с юго-восточной — небольшие речки Дяму-тари и Дямутарида, имеющие экономическое значение в хозяйстве нганасанов.

Климат описываемой территории холодный и резко континентальный. Средняя годовая температура северо-восточной части Таймырского п-ва составляет 16° С. Для данного климата характерны поздние весенние и ранние осенние заморозки при малом количестве зимних оттепелей. Количество морозных дней в году на Хатанге 263, дней без оттепели 236. Количество осадков за год постепенно уменьшается с юга на север. Зимой, особенно в тундре, преобладают сильные ветры. Под влиянием северных и южных ветров снег в тундре делается настолько плотным, что на нем не остается даже следов от нарты.

В Хатанге первый снег выпадает в конце сентября. Весна наступает мгновенно, таяние снега происходит очень быстро. Благодаря полярному дню с большим количеством солнечной теплоты тундра успевает в самое короткое время украситься яркими цветами и, безмолвная и мертвая зимой, сразу оживает от крика многочисленных стай пернатых. Вызывает изумление та исключительная выносливость, которой обладают яркие полярные

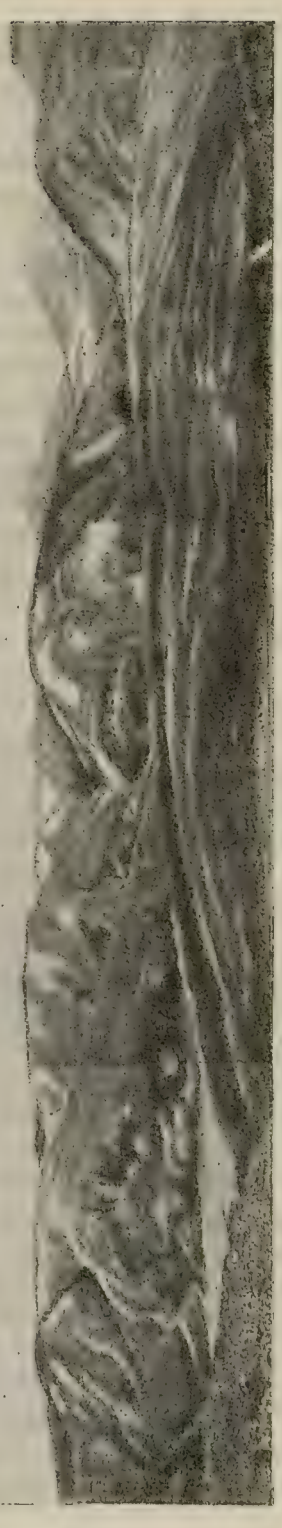


Рис 1. Панорама „Anikā petti" южного склона Северо-Восточного плато 1937 г.

цветы. Я помню, как в августе, несмотря на наступление холода и выпадение снега, склоны отрогов Северо-Восточного плато продолжали оставаться сплошь покрытыми коврами из яркоголубых альпийских незабудок (Myosotus Alpestis).

Растительность Таймыра, согласно исследованиям Ф. Б. Самбука, распадается на шесть зон, из них на описываемой мною территории встречаются только две.

Первая зона растительности начинается от р. Гольчихи, идет вдоль склонов плато Быррaнга и пересекает р. Хатангу под 74° с. ш; в ней имеется пять следующих растительных группировок, характеризующих растительность Северного Таймыра:

1) Полигональная или сухая пятнистая тундра. В полигональных тундрах растительность ютится вокруг обнажений по трещинам и состоит из мелких видов камнеломок (Saxifraga caespitosa), лишайников и мхов.

2) Каменистая или щебенчатая тундра с преобладающей лишайниковой растительностью и кустарниками, вроде куропаточьей травы и богульника. Почва каменистая или щебнистая.

3) Луговины. Они встречаются на крутых и защищенных склонах. Растительность на них состоит из отдельных видов разнотрава, растущих на некотором расстоянии друг от друга и тем самым не образующих сплошного покрова.

4) Болотистая тундра. Располагается в углублениях на плоских местах, увлажненных снеговой водой. Преобладающей растительностью болотистой тундры являются осоки и разные виды пушицы (*Eriophorum angustifolium*, *Erusseolum*, *E. Scheuchzeri*).

5) Дюны, расположенные у устьев рек, покрытые песчаниковыми растениями.

Вторая зона растительности располагается южнее первой и состоит из следующих растительных группировок:

1) Лишайниковая тундра. Встречается по склонам песчано-щебнистых холмов, в местах снежных забоев, образующихся с подветренной стороны.

2) Дерновинная тундра, с сухой поверхностью, покрытой густым дерном дриады. Располагается она на склонах и вершинах гряд и холмов на хорошо дренированных суглинках и супесях.

3) Моховая тундра. Встречается как на севере у Таймырского озера, так и на юге у контакта с лесотундрой. В моховой тундре растут различные виды пушиц (*Eriophorum vaginatum, E. brachyantherum* и др.).

В этой же зоне распространены кустарниковые группы, исчезающие к северу.

Низинно-осоковые болота встречаются больше на севере и по своему характеру бывают кочковатыми.

Редколесье лесотундры состоит из древесной, кустарниковой, травянисто-кустарниковой и мохово-лишайниковой растительности. Деревья растут очень редко, стволы лиственниц низкорослые, кривые, высотою от 1 до

3 м. Между Енисеем и Пясиной растет сибирская лиственница, восточнее Пясины — даурская.

Из представителей фауны описываемой территории в экономике нганасанов особое значение имеют дикий олень, песец, различные виды гусей и уток, а также и рыбы. Такова природная среда, окружающая нганасанов.

По предположению М. А. Кастрена, предки нганасанов представляли собой часть самоедских племен, некогда обитавших на юге Сибири, в Саянах. Возможно, что в образовании нганасанской народности принимали участие также и более ранние насельники Таймырского края, по всей видимости пришедшие с востока и когда-то очень давно жившие за „большой водой". В частности, об этом говорят местные предания, записанные мною и Б. О. Долгих. [1]

В XVII в., до прихода долган, нганасаны жили южнее занимаемой ими ныне территории. Это видно хотя бы из того, что „экстракты" ясашных книг г. Мангазеи [2] говорят об уплате нганасанами в казну ясака соболями, т. е. шкурками тех пушных зверей, которые не встречаются в тундре.

В челобитной служилых людей на стрелецкого сотника Ивана Патрикеева говорится, что он в 138 (1630) г. пришел на Хету реку и „у русских людей и у ясачной самояди юколу и костие и варку и жир и соболи на себя выкупил, а у иных и загрозами поотымал". [3] Следовательно, в описываемое время нганасаны проживали на Хете, тогда как в настоящее время они не заходят южнее границы лесотундры.

По сообщениям затундренных якутов и долган, нганасанские могилы („ледовки") встречаются и за Хатангой. Так, на п-ове Кара-тумус находится

---

[1] Б. О. Долгих. Легенды и сказки нганасанов. Новосибирск, 1938, стр. 21—22. „Где-то на низу пять или больше людей неводили диких. Добыли и стали возвращаться в чумы. Пошли по своим следам обратно и увидели, что дорогу домой преградила им большая река. Тогда они пошли вверх искать людей. Пришли в здешнюю землю. Здесь тогда жили хантайские ненцы (энцы. — *А. П.*) и ненцы-юраки. Сперва была война между пришедшими людьми и хантайскими, но последние, увидя удаль пришедших, дали им жен и помирились. Но ненцы сказали: «Почему эти люди пришли сюда промышлять на нашей земле, взяли наших баб?». Настала война с ненцами. На сопке у Дудыпты стояли ненцы, стрелами осыпали пришедших пять или больше людей.

„Предки пяти авамских родов стреляли снизу. Все ненцы упали на землю, и с тех пор зовется эта сопка по-нганасански «Комогоу-юрак».

„До прихода на Таймыр предков авамских нганасанов здесь жили еще чукчи. Ездили эти чукчи на оленях, но мясо не ели, а только нюхали. Когда пришли нганасаны, чукчи убежали за море. Рыбы они не знали. Раз увидели рыбу в котле и убежали. Последний чукча попал рукой в пасть (ловушка для песцов. — *А. П.*) крестьянина Андрея Аксенова около Чукча-сопки да так и замерз. На сопке Чукча между Большой и Малой Волчьими реками лежат обломки чукотского ковшика и санки. Где-то на востоке есть люди, которые носят женские нганасанские парки. У них же есть все пять нганасанских родов. Это тот народ, от которого отделились когда-то авамские нганасаны". (Из легенды о том, откуда взялись авамские нганасаны).

[2] Архив Академии Наук СССР. Мангазейские копии Миллера, № 21.

[3] Там же, № 62.

нганасанская могила, на левом же берегу р. Попигая имеется скала Дяко, названная по имени когда-то проживавшего там нганасана.

Но, очевидно, и в XVII в. бо́льшая часть нганасанов — нганасаны авамские — проживала все же в тундре.

Русские впервые встретились с нганасанами в 1610 г., когда мангазейские казаки проникли на р. Пясину и обложили ясаком „пясинскую самоядь". Нганасаны, как это видно из следующего официального сообщения, не легко подчинялись русским: „На каменю тая тавгицкая самоядь Пьячка и Уритка и иные многие воры их, служилых людей Тимошку и Ондрюшку и с ними рядовых стрельцов десять человек, да авамских тавгицких ясачных зборщиков Шумилка Федорова с товарищи пять человек, да двух человек самоедских толмачей того ж Авамского зимовья, да четырех человек тунгусов Турыжского зимовья, да промышленных двенадцать человек убили до смерти, а иных многих ранили". [1]

Но впоследствии царская власть сумела расположить к себе самоедских „лутчих" людей, и мы видим, что уже в 1670 г., когда ненцы из рода „асяда" осадили Хантайское зимовье, „ясашная тавгицкая самоядь" выручила русских, отогнав ненцев от зимовья.

Сами нганасаны называют себя „*n*a" (табл. 1, *1*, *2*, *3*). В письменных памятниках XVII в. нганасаны известны под именем „тавгов", или „тавгицкой самояди". Под сходным названием „tawъs" нганасаны известны у ненцев. По сообщению Г. Н. Прокофьева, нганасаны называют себя также „*ng*anuo *ng*anasa" — настоящий человек. До революции нганасанов называли авамскими и вадеевскими самоедами. Ближайшие соседи нганасанов, долганы, зовут их „самай".

В административном отношении территория, занимаемая нганасанами, разделяется на три национальных совета: Авамский (площадью 56 718 км²), Таймырский (38 184 км²) и Вадеевский (37 672 км²). Все три национальных совета занимают площадь в 132 574 км². На этом огромном пространстве, по данным 1935 г., обитало всего 699 нганасанов (авамских 267, таймырских 184 и вадеевских 248).

Территория Авамского национального совета расположена в западной части Таймырского округа. Авамские нганасаны, в основном, осваивают бассейн р. Пясины с притоками Пура, Мокорито, Агапа, Тарея, Янгода и Дудыпта.

Территория Таймырского национального совета расположена в безлесной тундре между Авамским и Вадеевским советами. Таймырские нганасаны осваивают, в основном, бассейн р. Верхней Таймыры с притоками Луктах, Логата и Горбита и южные склоны плато Быранга.

Территория Вадеевского национального совета, самого восточного из них, простирается, примерно, с 73°5 до 75° с. ш. и от 98° до 108° в. д.

---

[1] Архив Академии Наук СССР. Мангазейские копии Миллера, стр. 274.

Нганасаны по своему образу жизни—кочевники-охотники. Кочуют группами по издавна установленным путям (см. карту-вклейку).

Нганасаны Авамского национального совета летом кочуют тремя группами. [1]

Первая группа проводит лето по правым притокам Янгоды, Дептумала и Бенгода. С летних кочевок она направляется по правому берегу р. Пясины до междуречья Угарной и Буотангкага, пересекает Дудыпту и зимует севернее фактории Бурдук-сопка и Летовье на р. Дудыпте.

Вторая группа летует по р. Тарее, откуда идет на юго-восток, пересекает Янгоду и, через водораздельный хребет между Янгодой и Дудыптой, выходит к месту зимовок в район фактории Летовье на р. Дудыпте.

Третья группа летом кочует по левобережью р. Пясины по р. Мокорито, возвращается левым берегом Мокорито через верховье правого притока Пуры, Буотангкага, на оз. Бараему, откуда, пересекая Пясину около устья Агапы, выходит на места зимовок севернее станков Тунгусы и Самоедская речка. Часть семейств кочует в пределах Ненецкого национального совета, летом выходя на р. Гольчиху.

Нганасаны Таймырского национального совета кочуют также тремя группами.

Первая группа летует в бассейне верховьев р. Верхней Таймыры, в междуречьи Луктах, Кингка-тари (правый приток Таймыры), Логата (от устья до левого притока Коптуда-тари) и по р. Горбите с притоками. Часть охотников легкими аргишами (караванами) уходит в горы плато Бырранга охотиться на диких оленей. Возвращается группа к зимним стойбищам через Логату, пересекая реки Волчья и Дудыпта в верховьях хребта Мандангку, севернее фактории Пайтурма.

Вторая группа занимает территорию, смежную с первой. Летует она на территории между Кингка-тари и Буотангкага (приток р. Таймыры). К зимовьям группа возвращается, пересекая среднее течение р. Логаты, через верховье р. Новой в районе озер Кенту, Чирдах до верховьев р. Рассохи, и зимует севернее фактории Боганида.

Третья группа летует в верховьях р. Таймыры, начиная от р. Буотангкага по р. Логатаку и откочевывает на юг через Логату при слиянии ее с Логатаку, с западной стороны оз. Тоновского, до зимних стойбищ в верховьях р. Рассохи, правого притока р. Дудыпты.

Нганасаны Вадеевского национального совета кочуют двумя группами.

Первая группа уходит весною к истокам р. Оделун, пересекая реки Новую и Малую Балахню, через ее верховья, откуда выходит на оз. Эддитурку и переходит р. Большую Балахню. Далее часть семейств идет в горы

---

[1] Сведения о путях кочевания авамских и таймырских нганасанов заимствованы мною из отчета экспедиции Красноярского земельного управления. Эти сведения при проверке оказались весьма точными.

Северо-Восточного плато за дикими оленями, часть — к верховьям р. Дямутарида.

Вторая группа после перехода р. Большой Балахни следует на восток до верховьев р. Подкаменной. Часть семейств идет в горы Северо-Восточного плато за дикими оленями.

Зимою обе группы вадеевских нганасанов располагаются севернее линии станков Рассомашье — Лабаз.

Часть вадеевских нганасанов зимою 1937 г. распоряжением Хатангского рика была переброшена на обслуживание станков Лукунский, Обойная и Нижний, расположенных за Хатангой — единственный случай выхода вадеевских нганасанов за Хатангу.

ГОДОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ. ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Бо́льшую часть своей жизни нганасаны уделяют охоте и рыболовству, поэтому все занятия их носят строго сезонный характер и распределяются по временам года и месяцам (kiťeda).

Счет времени у нганасанов ведется лунными месяцами. Количество дней в этих месяцах (как и у долган) не всегда определенное, поскольку пурга, облачность, туман и другие метеорологические явления исключают возможность точного учета наступления ущерба луны и полнолуния.[1] Наш год у нганасанов считается за два года (*tuo*): летний и зимний.

Летний год состоит из следующих четырех месяцев:

1. Anьja tuoju kiťeda — (отела) первых телят месяц; он соответствует второй половине мая и первой половине июня. В этом месяце охотятся на диких оленей с ружьем и сетью, ловят куропаток сетками.

2. Bьduoja kiťeda — летованья месяц, или kolь kiťeda — (появление) рыбы месяц, или sieľaku tuoju kiťeda — (отела) последних телят месяц; он соответствует второй половине июня и первой половине июля. В этом месяце мужчины охотятся на уток с ружьем и сетками, до появления рыбы охотятся на куропаток

[1] В пасмурные и туманные дни наступление утра нганасаны определяют по тому, сколько раз успели поесть олени, которые за ночь принимаются есть корм дважды. По окончании второго рациона считается, что утро уже наступило. Иногда это не соответствует действительности, так как хорошим кормом олени насыщаются быстро и в этих случаях утро „наступает“ слишком рано.

с ружьем, настораживают на гусиных и утиных гнездах капканы, занимаются сбором яиц и ловят рыбу ставными сетями, ремонтируют и приготовляют летние нарты. Женщины укладывают на лето зимнюю одежду, занимаются вышивками, приготовляют летние нюки и одежду, чинят обувь, которая особенно быстро изнашивается у охотников. Подростки пасут оленей.

В продолжение этого месяца нганасаны живут относительно оседло, ожидая окончания отела важенок.

3. Deptu kiteda — (линьки) гусей месяц; соответствует второй половине июля и первой половине августа. Мужчины охотятся с ружьем на диких оленей, бродящих в это время года поодиночке, иногда применяя при этом приученных оленей-манщиков; коллективно охотятся с сетями на линяющих гусей. Женщины занимаются вялением гусей и мяса и вытапливанием жира, а также вышиваньем и шитьем одежды. Подростки пасут оленей, частично принимают участие в охоте на гусей и диких оленей.

4. Konunemь kiteda — (линьки) гусиных птенцов месяц; он соответствует второй половине августа и первой половине сентября. Мужчины в это время занимаются главным образом охотой на диких оленей; частично, в начале месяца, затравливают собаками гусиных птенцов. Часть охотников легкими аргишами выезжает охотиться на диких оленей в отроги Бырранга и Северо-Восточного плато; в конце месяца устраивают поколки оленей, занимаются кузнечеством. К концу месяца, когда месяц останется „величиною с ноготь", приготовляют байки (боковые части сиденья) и полозья для нарт и начинают делать зимние нарты. Женщины занимаются вяленьем мяса диких оленей, вытапливают жир из костей, приготовляют зимние одежды из новых шкур.

В этом месяце нганасаны начинают откочевывать обратно на юг к краю леса.

Зимний год состоит из следующих восьми месяцев:

1. Kau kiteda — большой месяц, месяц сохатого (лося), соответствует второй половине сентября и первой половине октября. В этот период мужчины охотятся на диких оленей с ружьем, загоняя их запряженными в нарту оленями, охотятся на них также и с оленями-манщиками. В тех местах, где озера и реки еще не замерзают, занимаются поколками оленей. С выпадением снега и замерзанием озер охотятся с ружьями на песцов; с помощью ставных сетей, железных удочек и костяных спиц ловят подо льдом рыбу; охотятся на диких оленей сетями; занимаются выделкой зимних полозьев. Женщины обрабатывают шкуры и шьют из них зимнюю одежду, а также обувь, рукавицы.

Продолжают откочевывать к лесу.

2. *Ngutu* kiteda — осени месяц, соответствует второй половине октября и первой половине ноября. Мужчины продолжают охотиться на диких оленей с ружьем и сетями, на песцов — с ружьем, настораживают на песцов капканы и пасти. Рыболовством занимаются только от случая к случаю. Женщины из-за темноты перестают шить и выполняют только мелкие работы по хозяйству.

Продолжают откочевывать к лесу.

3. Me*l*kumsa ki*t*eda — комолого (оленя) месяц, соответствует второй половине ноября и первой половине декабря. Мужчины охотятся на диких оленей — гоном, с ружьем и со щитком, настораживают капканы на песцов на крови убитых диких оленей и пасти. Кончается сезон рыбной ловли. Женщины занимаются только мелкими работами по хозяйству.

Продолжают откочевывать к лесу.

4. Fojmaru*ngda* ki*t*eda — темный месяц, соответствует второй половине декабря и первой половине января.

Нганасаны приезжают к границе лесов и живут относительно оседло. Мужчины заготовляют дрова для топлива, настораживают капканы на песцов.

5. *D*al*ь* bierapsie ki*t*eda — восхода солнца (после полярной ночи) месяц, соответствует второй половине января и первой половине февраля. Занимаются тем же, что и в месяце fojmaru*ngda* ki*t*eda.

6. *S*jesusena ki*t*eda — с инеем (на деревьях) месяц, соответствует второй половине февраля и первой половине марта. Мужчины охотятся сетями на диких оленей, изредка с ружьем, настораживают капканы на песцов, охотятся сетями на куропаток. Женщины занимаются только мелкими работами по хозяйству.

7. Fe*n*iptidi ki*t*eda — почернения (деревьев) месяц (ветви деревьев освобождаются от снега), соответствует второй половине марта и первой половине апреля. Мужчины ремонтируют нарты и приготовляют их к весне и лету. Охотятся на диких оленей с ружьем, сетями и со щитком, настораживают капканы на песцов. Женщины занимаются только мелкими работами по хозяйству.

Начинают откочевывать на север.

8. Torulie ki*t*eda — холодный месяц (когда дрожат от холода яловые важенки), соответствует второй половине апреля и первой половине мая. Мужчины охотятся на диких оленей с ружьем и сетями, ловят сетками куропаток, настораживают капканы на песцов. Кончается сезон песцовой охоты. Женщины занимаются только мелкими работами.

Как видим, наиболее важное хозяйственное значение в жизни нганасанов имеет охота на диких оленей.

Северный дикий олень (Rangifer tarandus sibiricus Myrray; по-нганасански — bafi) имеет распространение по всей территории Таймырского п-ова. Зимняя окраска его меха серовато-бурая; летом его мех приобретает кофейно-бурый цвет.

По данным Л. П. Шастина,[1] Таймырский олень под 76°45′ с. ш. начинает линять в апреле и окончательно освобождается от остатков зимней шерсти в конце июня; если весна стоит холодная, то линька затягивается.

---

[1] Л. П. Шастин. Наземные млекопитающие северо-западной части Таймырского п-ова. Труды Научно-исслед. инст. полярн. земледел., животнов. и промыслов. хоз-ва. Серия „Промысл. хоз-во", вып. 8, Л., 1939.

5905

До периода случки дикие олени держатся маленькими стадами или даже разбредаются поодиночке. В конце сентября или в октябре происходит гон. В это время самцы собирают около себя большие стада важенок и никуда их от себя не отпускают.

По словам нганасанов, в этот период времени стадное чувство у оленей бывает настолько развито, что, если убить вожака стада, важенки несколько раз возвращаются на то место, где он был застрелен, и ищут его. Отел важенок происходит, примерно, в мае у отрогов плато Бырранга или Северо-Восточного или на побережье Ледовитого океана.

Примерно, с июня дикие олени начинают жиреть, причем важенки (*namangku*) и телята (*tirhe*) никогда не бывают особенно жирными. По словам нганасанов, они покрываются таким же толстым слоем жира, как и быки, только за р. Хетой у якутов, где земля сплошь покрыта ягелем, напоминающим по своей белизне снеговой покров.

Дикие олени дважды в год совершают длительные переходы с юга на север и обратно, проходя громадные расстояния: километров тысячу и более в одну сторону. Часть диких оленей на севере доходит до берегов Ледовитого океана, на юге — до хребта Миддендорфа.

Часто миграции диких оленей с севера на юг принимают грандиозные размеры. Стада, насчитывающие по нескольку десятков тысяч оленей, проходят лавиной, превращая на своем пути снег в сплошной ледяной наст. Узнав заранее о таком массовом переходе диких оленей, оленеводы стараются угнать свои стада в сторону от их пути, так как в противном случае дикие олени могут увести за собой домашних.

Мне пришлось быть очевидцем массовой миграции диких оленей в октябре 1936 г. у станка Черное на р. Пясине. Дикие олени в течение нескольких дней переходили через р. Пясину по льду сплошной массой, не боясь криков и стрельбы охотников.

Миграции диких оленей с юга на север и с севера на юг вызываются определенными причинами. В северной части Таймыра, примерно с 74° с. ш., ягель перестает расти, и начинается болотистая тундра, покрытая травой и кустарником. Растущая там трава и верхушки ползучей ивы (*Salix reptans* Rupr.) являются прекрасным кормом для диких оленей только до осени; оставшись без корма, дикие олени вынуждены возвращаться на юг. Надо полагать, что эту миграцию вызывают также и суровые климатические условия севера. Зимой в безграничных просторах тундры свирепствуют метели и ураганы, снежные просторы становятся пустынными, все живое скрывается, где только может. Дикие же олени, которые совершенно не выносят ветра, поспешно устремляются на юг. Летом диких оленей гонит на север жара со своими неизменными спутниками — комарами и оводами. Но даже на севере, у хребтов Северо-Восточного плато (примерно, на 75 с. ш.), комары и оводы успевают вылетать в те немногие теплые дни, которые случаются там в течение короткого лета. В эти дни дикие олени забираются на вершины гор, где всегда бывает прохладно, и отлеживаются

на снегах, которые, не оттаивая, скапливаются из года в год в глубоких лощинах. По сообщению охотников, дикий олень умеет обманывать оводов. Преследуемый оводами, он бежит в прямом направлении, затем внезапно круто сворачивает в сторону и ложится где-либо под прикрытием большого камня. Оводы теряют оленя и продолжают лететь дальше по прямому направлению.

Переходы диких оленей с юга на север и с севера на юг из года в год происходят не только в одном и том же направлении, но часто по одному и тому же пути, по которому даже протаптываются тропы. Такие регулярные переходы имеют громадное хозяйственное значение в жизни нганасанов. Если присмотримся к путям нганасанских кочевок, то увидим, что они до некоторой степени повторяют пути миграции диких оленей. Зная пути массовых переходов диких оленей, нганасаны до самого последнего времени собирались у больших озер и рек и устраивали там поколки.

Уже в феврале дикие олени начинают уходить из лесотундры на север, возвращаются же назад в октябре или ноябре. Эти сроки не постоянны. Случается, что иногда после ранней весны вдруг наступают морозы. Тогда стада диких оленей, убежавшие на север, вынуждены бывают из-за холодов возвращаться назад, причем слабые олени зачастую замерзают. Нганасаны не любят охотиться на таких возвращающихся оленей, так как они бывают очень тощи.

В июле и августе, когда случается резкое похолодание, часто сопровождающееся проливными дождями, при которых, по выражению нганасанов, „сгнивают крылья у гусей“, дикие олени мерзнут и также сбегают в низины. К этому времени они становятся достаточно жирными, отчего перестают быстро бегать и потому зачастую становятся добычей волков. Чтобы уберечься от них, олени в это время пасутся всегда вблизи озер и глубоких речек, чтобы в случае нападения волков сейчас же броситься в воду, где волки их не преследуют.

Сезон охоты на диких оленей начинается в августе и кончается в ноябре; случайная охота на них может происходить и в другие месяцы, но она не имеет такого важного хозяйственного значения, как в указанное время. Таким образом, за сравнительно короткий период, длящийся не более 4 месяцев, нганасанская семья должна обеспечить себя продуктами питания и одеждой на целый год. Понятна поэтому та спешка, которая всегда сопутствует охоте на диких оленей.

Если в настоящее время нганасаны на лето откочевывают на 600—700 км от лесотундры (в одну сторону), то это делается исключительно ради охоты, причем иногда даже в ущерб оленеводству. Дело в том, что далекие перекочевки неблáгоприятно отражаются на домашних оленях, которые, разжирев за лето, ко времени прибытия к ягельным пастбищам, расположенным южнее, уже становятся тощими, поскольку с наступлением осени трава на севере рано блекнет и делается малопитательной.

При откочевывании на север каждый охотник стремится как можно раньше дойти до плато Бырранга или Северо-Восточного — этой обетованной земли нганасанов, дальше которой никто из них не ездит. На сравнительно небольшой территории в районе указанных гор, как правило, охотится большое число охотников (особенно у вадеевских нганасанов), что заставляет преследуемых диких оленей зачастую изменять свой обычный путь. Это случилось, например, в 1937 г., когда часть семейств вадеевских нганасанов, прибыв к охотничьим территориям позже, осталась без добычи, так как стада диких оленей ушли к тому времени на восток к местам кочеваний долган и захатангских якутов. В старину этого не случалось, поскольку вадеевские нганасаны не уходили дальше р. Большой Балахни, ожидая там прихода с севера диких оленей.

В прежнее время у нганасанов универсальным орудием охоты не только на диких оленей, но и на других зверей, а также и на дичь, служил лук, встречающийся иногда и теперь.

По Миддендорфу (первая половина XIX в.) нганасаны изготовляли луки сами, однако позже они стали пользоваться исключительно привозными. Теперь встретить самодельные луки почти невозможно, так как у нганасанов существовал обычай класть их в могилу вместе с покойником. Рисунок (2, *а*) и краткое описание нганасанского лука опубликованы А. Ф. Миддендорфом.[1] Считаю необходимым привести здесь это описание полностью:

„На первый взгляд лук таймырских самоедов, повидимому, чрезвычайно прост; при всем том, однако же, требуется не мало опытности и инстинкта, чтобы толково приготовить для него дерево смолистых корней глубоко северной лиственницы. Затем весь лук при помощи налимьего клея красиво обклеивается берестою, вследствие чего отчасти укрепляется, отчасти предохраняется от проникновения сырости в дерево и от ослабления упругости. Познанные опытом слабые части укрепляются посредством неоднократного обматывания их берестою. В заключение кобылка (a_1) по обеим концам придает луку больше упругости и правильно распределяет напряжение различных частей лука. Нужно заметить, что лук натягивается не по направлению дуги, как могут думать не посвященные в это дело, а в противоположную сторону".

Впоследствии луки привозились русскими купцами от кетов и были известны под названием „остяцких", а также получались с востока от якутов путем обмена. Бывали, говорят, раньше и татарские луки, но они не пользовались у нганасанов большим успехом, так как были недостаточно тугие. Лучшими считались якутские луки, они ценились по 12—20 рублей (при такой же стоимости оленя).[2]

Старый нганасанский лук, как это можно видеть по рисунку Миддендорфа

---

[1] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II, стр. 598.

[2] Позже стоимость оленя возрасла до ста рублей.

Рис. 2. *а* — старинный нганасанский лук (по Миддендорфу); *б* — стрелы (дл. 70 см); *в* — наконечники для стрел.

дорфа, по своему устройству сильно отличается как от кетского, так и от якутского. Он представляет как бы мозаику из отдельных склеенных кусочков лиственничной крени. Для сохранения полной симметрии в кривизне лука необходимо было, чтобы отдельные кусочки правой и левой половины лука точно совпадали друг с другом как по форме, так и по размерам. Для достижения такой точности при наличии в качестве орудия одного только ножа требовалась, разумеется, исключительно тщательная отделка деталей. Способ прикрепления тетивы с обратной стороны изгиба лука также отличал нганасанский лук от лука соседних народностей. Тетива старинного нганасанского лука изготовлялась из ремня.

Нганасанские стрелы (bidi), по Миддендорфу (рис. 3), имели шесть различной формы наконечников. Железные: треугольной формы *1*, в виде

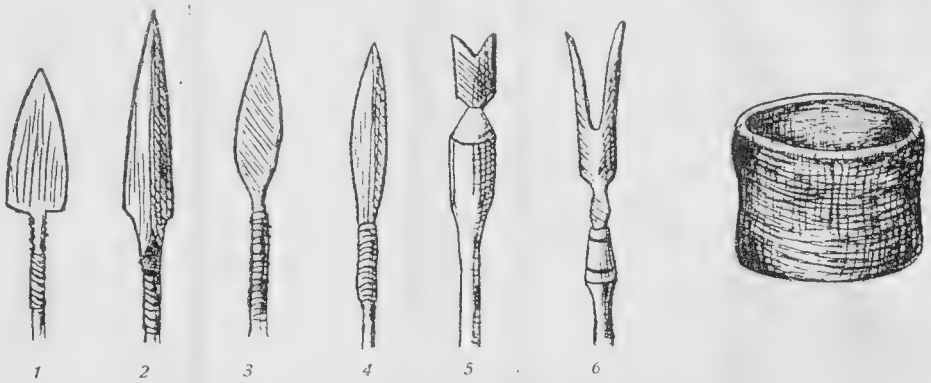


Рис. 3. Наконечники стрел. Кольцо для предохранения пальца при стрельбе из лука. (По Миддендорфу).

удлиненного треугольника *2* и лавролистной формы *3*. Они употреблялись для убоя крупных зверей, например диких оленей. Стрелы, имеющие кеглеобразный костяной наконечник *4*, были предназначены для нанесения открытой раны с близкого расстояния. Стрелы с раздвоенными железными наконечниками *5* и *6* употреблялись при охоте на птиц. Мне удалось видеть железные наконечники только двух видов: боевые и на крупного зверя, ромбовидной формы с широкими краями и полукруглым выемом на плоском переднем конце (рис. 2, *б*), а также на птиц — раздвоенные (рис. 2, *в*), несколько напоминающие рисунок стрелы, приведенный у Миддендорфа (рис. 3*)*.

Наконечники нганасанских стрел вставлялись в расщеп переднего конца древка и оклеивались спиралеобразно тонкой полоской бересты. На заднем конце древка стрела имела тройное оперение из перьев куропатки и выем для тетивы лука. Пространство между оперением и концом стрелы для крепости также оклеивалось тонкой и длинной полоской бересты.

Ромбовидные наконечники имели в длину 7—8 см, раздвоенные—10 см, древко стрелы было длиной в 60 см.

При стрельбе из лука употреблялась костяная или железная пластинка с ременными завязками, служившая для защиты запястья левой руки от удара тетивы. На большой палец левой руки для предохранения его от обратного удара тетивы также надевалось металлическое или роговое кольцо. Рисунки этих пластинок и колец приведены в работе Миддендорфа.[1]

При стрельбе из лука большой и указательный пальцы, держа стрелу за конец, одновременно натягивали и тетиву. При битвах воины выпускали сразу по две стрелы; при этом конец второй стрелы придерживался между средним и безымянным пальцами.

Луки хранились в налучниках (fuotada), сшитых из замши, раскрашенных в красный и черный цвета и расшитых подшейным волосом оленя. Налучники одного типа, длиной 140 см, привязывались широкими кожаными лентами к левому боку нарты; налучники же другого типа, длиною 117 см, не имели завязок и укладывались в сиденье нарты рядом с ездоком (табл. 19). Стрелы хранились в колчанах, также орнаментированных черной и красной красками и шитьем из подшейного волоса оленя. Колчаны одного типа возились на нарте, другого — прикреплялись за плечами в вертикальном положении при помощи специальных ремней, надеваемых на плечи (табл. 19). Из таких колчанов при стрельбе стрелы вынимались правой рукой через левое плечо за нижние концы древка. Длина колчанов первого типа 53 см, второго — 43 см.

В настоящее время луки употребляются очень редко; их можно встретить лишь при охоте на птиц и на диких оленей сетями. Луки теперь повсюду заменились ружьями (tujbidi) различных систем: кремневыми, винтовками, дробовиками, берданками и другими.

Кремневые ружья ныне почти не встречаются, так как для своей зарядки они требуют значительно больше времени, чем другие, что не удобно при сильных морозах. С исчезновением лука ружье стало самым необходимым инвентарем нганасанского охотничьего хозяйства, основным орудием для добывания продуктов питания. Несмотря на это, нганасаны подчас очень небрежно обращаются с ружьями, оставляя их под дождем, вследствие чего железные части ружья покрываются ржавчиной. В результате небрежного хранения оружия нередко бывают случаи разрыва канала ствола или замковой части, приводящие иногда к трагическим последствиям.

Пользоваться прицельными рамками ружья нганасаны не умеют и целятся на-глаз. Часто при летней охоте на диких оленей темная мушка ружья заменяется светлой (медной) ввиду того, что первая бывает мало заметной на черной шкуре оленя. Возят ружья в чехлах (fuotada), сшитых из черного сафьяна, привязываемых, подобно налучнику, с левой стороны нарты (рис. 4, *А*). Охотники, не имеющие чехлов, возят ружья открыто на своих нартах, причем для предохранения от сырости замковую часть обертывают тряпкой.

---

[1] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II, стр. 599.

Необходимой принадлежностью каждого ружейного охотника является „натруска" (naturuska) — ременный охотничий пояс (рис. 4, *Б*), надеваемый через плечо, к которому привешиваются: пороховница из оленьего рога (*d*uobaba — *д*), мешок из ровдуги для пуль (bitidibaba — *а*), дробовница (fuleraruobaba — *в*), костяной проталкиватель пули в дуло ружья (bitidi m*ud*utuopse — *е*), пистонница (*n*uorumuobaba — *в*) и мерка для пороха (mèrke — *г*).

Пули (bidi) отливаются в покупных формах (пулелейках — *t*unda kusa) или же нарезаются небольшими четырехугольными кусочками от длинного свинцового бруска и затем разжевываются зубами для придания им округлой формы.

Охота на диких оленей считается у нганасанов одним из самых выгодных и в то же время благородных занятий, ради которого они бросают другие, не менее прибыльные промыслы, например рыболовство. Массовый характер принимает охота на диких оленей сразу же после линьки гусей. В это время люди нервничают и при крике „дикий олень!" готовы бежать куда угодно.

Такое состояние охотников очень красочно описывает А. Ф. Миддендорф.[1]

„Дичь стала приближаться: я не узнал своих друзей. Кровь их закипела, как у самой горячей охотничьей собаки. Возбужденная до крайности страстность их сказывалась в отрывочных замечаниях: по временам они обменивались коротенькими восклицаниями, свидетельствовавшими о спертом дыхании, и когда животные, повидимому, хотели уйти в сторону, то охотники стали издавать громкие, похожие на вой, протяжные вопли в высоких тонах; ими вполне овладела самая страстная возбужденность, и мне, привыкшему к строгому соблюдению порядка при европейских облавах, казалось, что теперь все дело испорчено. Но открытая тундра обширнее, чем ее себе представляет новичок, ветер был выбран превосходно, животные ничего не слышали и даже вдруг пошли прямо на нас. Как пораженные молнией, сотоварищи мои по охоте пали на землю за снеговые покрытия. Несколько минут спустя стадо с лишком в 30 голов подошло к нам и пробежало мимо нас шагах в пятидесяти. Две, даже три стрелы каждый самоед успел вынуть через плечо из своего колчана и пустить в животных, прежде нежели они ушли из-под выстрела, но даже и на таком расстоянии бóльшая часть стрел не попала в цель. Так неукротим был дикий охотничий пыл у этих детей природы, умевших иногда убивать чаек на лету!".

С наступлением охотничьего сезона в корне нарушается обычный распорядок дня. В эту пору приходится удивляться неисчерпаемой энергии этих людей, не знающих усталости. Приведу иллюстрацию из жизни одной во многом типичной) семьи нганасанов. Дело происходит во второй поло-

[1] Там же, ч. II, стр. 594.

вине июля. Уранник Окуо, глава семьи, уже пожилой, во время стоянок до двух-трех часов ночи занимается рыбной ловлей. Два его взрослых сына

Рис. 4. *А* — чехол для ружья из черного сафьяна (дл. 1 м. 25 см); *Б* — натруска (охотничий пояс); *В* — костяная подставка для ружья в виде полоза; *Г* — охотник с металлической пластинкой в губах; *Д* — металлическая пластинка с отверстиями, предохраняющая нижнюю губу от изъязвления.

все время недосыпают, так как ночами по очереди сторожат оленей. После краткого сна, продолжающегося не более двух часов, сыновья Уранника охотятся на диких оленей или участвуют в коллективном промысле сетями

диких гусей. В это время днем по очереди пасут оленей подростки — дочери Уранника.

Пойманная дичь во избежание порчи немедленно свежуется женщинами; мясо диких оленей, гусей и рыб нарезается кусочками и развешивается для вяления. Выпотрошить в течение дня несколько сот гусей, несколько десятков рыб и оленей — работа не легкая. Кроме того, необходимо вытопить жир из гусиных и рыбьих внутренностей и кожи. Вечером нужно заняться чинкой и просушкой охотничьей одежды и особенно обуви. Женщины ложатся только под утро и тоже спят не более двух-трех часов. Из этого можно видеть, сколько труда и энергии требует сезон охоты не только от мужчин, но и от женщин.

Подготовка к охотничьему сезону начинается еще с зимы. Главы семейств договариваются, кому из них с кем кочевать совместно, строго размежевывают территории кочевых групп, чтобы охотиться рационально, не разгоняя зверя. Границы летних охотничьих территорий (как и состав самих охотничьих групп) ежегодно изменяются, но в продолжение одного сезона остаются неизменными. Уже с весны охотники запасаются свинцом, порохом, дробью и пистонами. Во время охоты ездят на специальных оленях (basupsa), которые в другое время года в качестве ездовых не используются. Обычно для этого выбираются важенки, так как они считаются выносливее быков, при этом большей частью малообученные, дикие, не пригодные для езды в аргишной упряжке. Заранее заготовляется много „подполозников" — деревянных брусков, подбиваемых с нижней стороны полозьев нарт для предохранения последних от стирания при быстрой езде охотников по каменистой тундре. Во время охотничьего сезона беспокойных лающих собак убирают в чум или даже убивают, чтобы они не распугивали зверя.

Летом на диких оленей охотятся главным образом пешком (Табл. 2, *1*). Встают охотники рано утром, осенью и зимой даже до рассвета, чтобы к восходу солнца быть уже на месте, так как дикий олень к вечеру становится более чутким. Некоторые предпочитают поэтому охотиться при свете луны. В большинстве случаев на промысел отправляются натощак, подкрепляя себя на месте сырым мясом убитых оленей, так что при неудачной охоте зачастую возвращаются домой голодными.

Дикий олень очень чуток, поэтому подкрадываться к нему можно только с подветренной стороны. Ветреные и пасмурные дни считаются самыми удобными для охоты, так как ветер хорошо заглушает звуки, а в пасмурную погоду олень хуже видит.

Авамские нганасаны при летней охоте привязывают снизу к ложу ружья маленькие лыжеобразные подставки из оленьего рога или мамонтовой кости (tьnta), длиной 16 см. Этот снаряд служит им при стрельбе для упора ружья (рис. 4, *B*).

Дикий олень, преследуемый охотником, бежит рысцой, время от времени останавливаясь и оглядываясь. Охотник гонится за ним, скрываясь за кустами, глыбами камней и другими естественными прикрытиями, ста-

раясь зайти к нему спереди. Быстрота бега нганасана изумительна: о некоторых мне говорили, что они догоняют телят диких оленей и схватывают их за заднюю ногу. Иногда охотнику приходится бежать за одним оленем километров десять. Важенки бегают быстрее самцов и не так скоро изнуряются, поэтому догнать их значительно труднее. Особенно много труда тратит охотник, преследуя раненых оленей. Если охота происходит в горах, раненый олень поднимается на самый верх горы, где искусно скрывается за каким-либо естественным прикрытием; если же охота происходит вблизи озера, он заплывает на самую середину озера и выжидает, пока охотник не уйдет. Преследовать оленя, у которого прострелена нога, считается делом почти безнадежным, так как и тяжело раненый олень, даже с простреленным желудком, часто находит в себе силы убежать далеко. В этих случаях охотник не преследует оленя, а уходит домой. Оставленный в покое олень ложится невдалеке от места ранения и околевает; на следующий день охотник без особого труда его находит. Случается, что подстреленный олень не околевает, а лишь обмирает и очнувшись убегает. Поэтому подстреленного оленя охотник добивает ножом. В редких случаях, и лишь тогда, когда олени многочисленны, на них охотятся с ружьями одновременно несколько человек.

При индивидуальной охоте с ружьем стрелки стараются выбирать из стада самых жирных и больших оленей; часто, прежде чем выстрелить, выжидают, пока несколько оленей не станут рядом, чтобы одной пулей можно было убить несколько животных. Из одного стада в лучшем случае убивают 5—6 оленей, но это удается только самым опытным охотникам. На охоте каждый старается проявить свою находчивость, придумывая всевозможные уловки для добычи зверя; так, один из охотников передавал мне: „Я иногда при охоте на дикого хитрю. Увидев его издалека, на длинной веревке пускаю своего оленя. Дикий олень через некоторое время начинает следовать за ним. Тогда я, воткнув в землю палочку, привязываю своего оленя, а сам прячусь. И когда дикий олень подойдет к моему оленю, стреляю в него".

Встарину, когда домашних оленей было немного, охотнику приходилось убитого дикого оленя тащить на себе. Чтобы доставить к чуму одного оленя, требовалось участие двух людей. Туша разрезалась на две части. Одну половину взваливал на спину один охотник, другую — другой. Внутренности оленя, завернув в шкуру в виде свертка, несли в руках. Если дикого оленя убивали на вершине горы, то спускали его вниз, скатывая по склону; при этом от его брюшины почти ничего не оставалось.

Пеший охотник, убив дикого оленя, вынимает внутренности, снимает с него шкуру и прикрывает ею сверху тушу, придавливая края камнями или дерном. Затем он надевает на рога оленя одежду или же около туши втыкает палку (шомпол) и привешивает к ней тряпку, чтобы создать нечто вроде пугала и уберечь тушу от чаек, приносящих много вреда охотникам и рыболовам (Табл. 2, *3*).

Охотник редко сам привозит добычу домой; обычно за ней едет кто-либо из его домашних, чаще всего женщины. Летом на одной легковой нарте, запряженной тремя или четырьмя оленями, можно привезти тушу одного быка или двух важенок. Если нарта прочная, она выдержит и трех (маленьких) оленей, при условии, если возчик будет итти пешком.

На оленях охотники ездят летом только на большие расстояния; остающиеся семьи предупреждают их, на каком месте они предполагают устроить свое новое стойбище, чтобы при возвращении охотники могли найти их, не блуждая. Дальние охотничьи поездки летом продолжаются 2—3 дня. Обычно они совершаются в горы. Охотник, прибыв на место, распрягает своих ездовых оленей и оставляет их в долине, пустив на длинной веревке, а сам поднимается в горы искать зверя. Такие поездки совершаются километров на 100—150 от стойбища. При этом снаряжение охотника бывает чрезвычайно бедным. Приведу один пример.

Два молодых нганасана Недяку и Нгоробие поехали 1 августа 1937 г. охотиться на диких оленей в хребты Северо-Восточного плато. Поехали они на двух нартах, запряженных четырьмя оленями каждая. На случай к нартам привязали еще по одному запасному оленю. Снаряжение этих двух охотников состояло из пистонного ружья, винтовки, аркана для ловли оленей, маленького медного чайника, двухсот граммов байхового чая, четвертушки листового табака, двух коробок спичек, пороха, пуль, пистонов и около 10 патронов. Кроме того, они взяли с собою по две пары обуви, по одной паре стелек из шкуры гагары (чтобы не отбить пяток при ходьбе по камням), топор и лучковое сверло, на случай поломки нарты. Провизии не взяли никакой, если не считать двух горстей мелко нарезанного вяленого мяса, которое было насыпано женщинами (помимо желания охотников в один из запасных бакарей. Все снаряжение (за исключением топора и сверла, положенных на сиденье нарты) уложили в мешочек. К нему привязали веревочную петлю, чтобы надевать его на шею при переправах через глубокие горные речки, когда заливает нарты и охотники вынуждены переправляться, стоя ногами на сиденье нарты. К передку одной из нарт привязали железную кружку для чая. Кроме того, каждый из охотников захватил с собой по два совика (меховая одежда с капюшоном): один — вместо постели, другой — вместо одеяла. Когда я спросил охотников, почему они не взяли провизии, они ответили мне, что предполагают „согудать“ [1] мясом убитых диких оленей. Во время поездок, в случае дождя или снега, шалашом служит поставленная на бок нарта, покрытая совиком или шкурой убитого оленя (Табл. 2, *2*).

В середине августа охотники (ta*ng*arutuo) небольшими группами, втроем или вчетвером, оставив свои стада в тундре, выезжают на легковых нартах в отроги хребта Бырранга или Северо-Восточного: образуются маленькие караваны, состоящие из немногочисленного стада свободно идущих ездовых

[1] Согудать — местный термин, означающий употребление сырьем мяса или рыбы.

оленей и нарты с несколькими жердями для чума, с одним или двумя нюками. Вместе с караваном едет одна женщина, на обязанности которой лежит устанавливать чум, приготовлять пищу для охотников, а главное — чинить их обувь и вялить мясо добытых диких оленей. Охота продолжается дней 15—20; охотники пешком обходят хребты и долины горных речек. Оленей используют только для привоза убитой добычи. Чтобы лучше замаскироваться, охотники надевают старую одежду с облезшей шерстью, а на голову — шапку из черных камусов оленьих телят. Такая одежда хорошо подходит под цвет камней.

С выпадением снега пешая охота заменяется санной (табл. 2, *4*; табл. 3, *2*). В легковую нарту запрягают четырех оленей, преимущественно

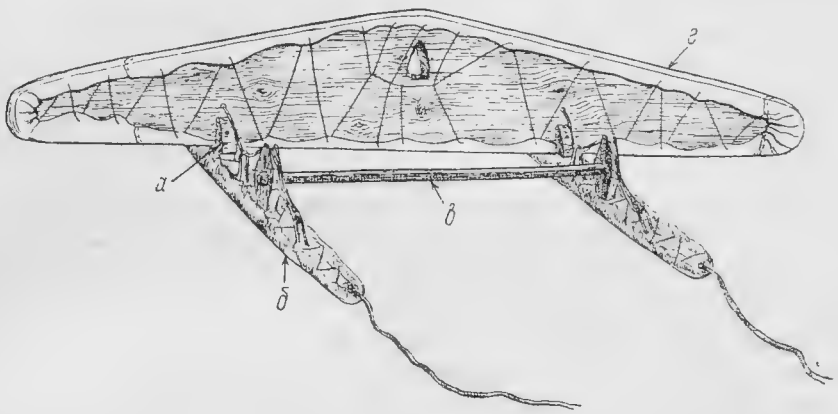


Рис. 5. Щиток, употребляемый при подкрадывании к дикому оленю.
а — стойки для скрепления доски; *б* — камусы, натянутые на лыжи; *в* — поперечина.

важенок, как более выносливых, и пускаются в погоню за дикими оленями. Последние всегда стараются перебежать дорогу охотнику, который, пользуясь этим обстоятельством, останавливает свою нарту и стреляет. Во второй половине октября или в ноябре, когда у диких оленей начинается гон, самцы нередко пристают к стаду домашних оленей. Часто их пригоняют к домашним оленям и сами охотники. Делается это так: один из охотников, объезжая вокруг стада диких, с большой осторожностью подгоняет их постепенно к стаду домашних, а другой, укрываясь за оленями, подкрадывается и стреляет в приставших диких. Иногда случается, что сгоряча пристрелят и своего оленя. Важенки диких оленей бывают очень осторожны и не так легко пристают к стаду домашних.

Некоторые охотники идут на дикого оленя со щитком; для маскировки передняя сторона щитка залепливается комками снега, смоченными слюной.

Щиток (Iofo — рис. 5) делается из тонкой доски, длиной 160—170 см, в форме широкого треугольника с закругленными углами и отверстием посередине для стрельбы из ружья. Устанавливается щиток вертикально при

помощи двух стоек (fel*titi*), вкладываемых в специальные пазы. Нижние концы стоек втыкаются в отверстия небольших лыж (kanda*nguottu*), подбитых камусами (*tang*imiti), и для устойчивости стягиваются ремнями. Чтобы при подползании лыжи не расходились в разные стороны, стойки соединяются длинной перекладиной (*ngaru*ptuti). К задним концам лыж щитка прибивается по колечку из загнутого гвоздя. К колечкам прикрепляются длинные ремешки для привязывания щитка к сиденью нарты при поездках. Доска щитка с передней стороны оставляется у нганасанов гладкой, в отличие от долган, у которых она украшается резьбой. По словам нганасанов, доски с зарубками, будучи залеплены снегом, становятся очень тяжелыми и неудобными для перевозок.

При частом употреблении щитка и смачивании снега слюной, от прикосновения снега к подбородку получаются иногда язвы. Во избежание этого охотники привязывают к нижней губе согнутую медную или железную пластинку с отверстиями (рис. 4, *Г*, *Д* и табл. 3, *5*). Отверстие делается для того, чтобы выпускать слюни при смачивании снега, и этим предохранить его от прикосновения к подбородку.

Весной с появлением проталинок, снеговая маскировка для щитка не годится, так как снег, налепленный на доску, отличается по цвету от естественного; поэтому доску щитка затягивают белой материей, края которой загибают и стягивают нитками (рис. 5).

Охотник кладет ружье на развилки верхнего конца стоек щитка, затем, подталкивая щиток вперед, подкрадывается поближе к дикому оленю с подветренной стороны и стреляет в него через отверстие доски. Охотник надевает белый совик без обычного султана на капюшоне (табл. 3, *1*), иногда подшитый спереди собачьей шкурой, чтобы не производить при подползании шума.

Во время гона на диких оленей охотятся также с помощью оленей-„манщиков“, либо специально для этой цели обученных (sonuo), либо необученных. Обученными манщиками бывают только важенки; дрессируют их летом в продолжение двух месяцев: ударяя по ногам, приучают не наступать на веревку. Обученного манщика охотник пускает вперед на длинной, в 300 м, веревке к стаду диких оленей, а сам подкрадывается сзади под прикрытием щитка, дергая время от времени веревку и заставляя этим манщика принимать соответствующее положение.

Веревка для манщика сплетается из ремней наподобие аркана, но только вдвое тоньше; делается она также и из одного ремня (табл. 3, *3*, *А*). Такую веревку охотник предпочитает, так как при ударе о поверхность снега она не издает звука, но она недостаточно крепка и часто рвется. Устройство конца нганасанской веревки манщика, надеваемой на шею оленя, несколько отличается от долганской. У долган веревка манщика имеет две костяные зубчатые пластинки, подвязываемые под нижней челюстью. У нганасанов эти пластинки заменяются одной изогнутой, зубчатой (*ng*amta) в 29 см длиной, привязываемой к затылку оленя (табл. 3, *3*, *А*, *а*).

При втором способе охоты с манщиком выбирается необученный бык, олень, имеющий широкие, ветвистые рога (*d*asanirsa). На концах разветвления рогов делаются ножом зарубки и на них натягивают в виде петли сухожильную веревку (jajь — табл. 3, *3*, *Б*). Конец ее крепко привязывают к основанию рога. Чтобы манщик успешно приманивал к себе быков диких оленей, на рога ему надевают снятую в виде кольца кожу с полового органа убитого быка дикого оленя или же смачивают рога мочой оленя. Бык-манщик, отпущенный к стаду диких оленей, начинает бодаться с быком диких оленей. Последний во время драки срывает рогами петлю и затягивает ее на себе. Хороший манщик, упираясь передними ногами, не отпускает пойманного. В это время подходит охотник и убивает оленя выстрелом из ружья. Чтобы манщик не мог сбежать, к его передней ноге привязывают веревку с большим, величиною с кулак, узлом (*tu*futapti). Когда манщик бежит, веревка обвивается вокруг его ног и останавливает его.

Петля манщика (jajь), длиной около 9 м, сучится из лучших сухожилий и имеет на одном конце кольцо.

Пользуясь тем, что двухгодовалые самцы домашних оленей бывают очень задорными и драчливыми, встарину приспосабливали их для охоты на диких во время их гона. Для этого у домашних двухгодовалых самцов срезывали рога до основания, за исключением одного переднего отростка. К этому отростку привязывали острием вперед нож или копье на коротком древке и отпускали к диким оленям. Бодаясь с быками диких, такой олень закалывал их ножом или копьем. По словам нганасанов, этот способ охоты выдумал один бедняк, не имевший ни лука, ни стрел. Впоследствии такая охота была запрещена русскими властями по просьбе самих же нганасанов. Рассказывают, что некий владелец 15 оленей отпустил к стаду диких одного быка с привязанным к рогу ножом. Олень этот убежал так далеко, что его не смогли изловить. Ночью он вернулся к своему стаду и заколол всех оленей своего хозяина, оставив в живых только раненую важенку. Князья наказали хозяина оленя розгами и поведали о случившемся русским властям, которые строго запретили охотиться подобным образом.

Большой интерес представляют сохранившиеся у нганасанов до нашего времени виды коллективной охоты, имевшие в недалеком прошлом большое хозяйственное значение: поколки и загоны диких оленей в сети.

Необходимой принадлежностью летних облав на диких оленей были „махавки“ (labaka)—длинные лоскутья кожи, выкрашенные в черный цвет, или белые веера из крыльев куропатки, подвешенные к концам длинных палочек (табл. 3, *4*).

Охотники, выследив стадо диких оленей, втыкали махавки в виде двух расширяющихся аллей, оставляя между ними расстояние в 4—6 м. Возле одного ряда махавок, у широкого конца аллеи, прятались „махальщики“ (seriti). Наиболее искусный охотник, разъезжая на паре оленей, загонял в аллею стадо диких. Махальщики при этом вскакивали и, крича и размахивая одеждами, загоняли оленей дальше. У суженного конца аллей их встречали

выстрелами два или три охотника, вооруженных луками. Махавки служили как бы изгородью, препятствующей бежать оленям в сторону. Этот способ охоты назывался *ngatangiru* (рис. 6, *А*). Если диких оленей находили возле озера, то махавки втыкались в одну линию. Против этой линии, лежа на некотором расстоянии от нее, располагались люди, заменявшие собой второй ряд махавок. Затем по образовавшемуся подобию аллеи с помощью собак загоняли оленей в воду. Тогда охотники, находившиеся на противоположной стороне озера, тотчас выезжали на своих челноках и закалывали диких оленей копьями на длинных древках. Этот способ охоты назывался suodisiti bantanu (рис. 6, *Б*).

Описанные два способа охоты на диких оленей производились чаще всего летом, во время линьки гусей, силами немногочисленного коллектива. Например, поколки могли происходить при участии трех или даже двух охотников. В то время как один из них обходил озеро, другой, с помощью собак, которых дикие олени очень боятся, загонял их в воду. Когда олени заходили в озеро, второй охотник быстро выезжал на своем челноке и закалывал оленей копьем.

Большие коллективные поколки на р. Пясине происходили обычно весною, в других местностях — осенью, когда начинались заморозки и гуси улетали обратно на юг. Так как пути массовых миграций диких оленей были хорошо известны нганасанам, то и коллективные поколки производились из года в год в одних и тех же местах. У авамских нганасанов, места поколок находились на р. Пясине, между устьями рек Тареи и Пуры, на устьях рек Пуры, Мокорито, Люмфада и Тареи (поколка Танако-дико); у таймырских—на р. Верхней Таймыре (Нгамсу-дико, Сатырбонгка, устье Логаты, Ламбеси, Кика, Сумкохой-мыла, Сятага-мыла, Ане-мыла и Няромо) и у вадеевских — губа Таймырского озера, озера: Бобирянгку, Бала-турку, Термяин-турку, Вадией на р. Большой Балахне и др.

В настоящее время поколки происходят редко, так как они запрещены местными советскими властями, и видеть поколки мне не удалось; придется говорить о них только со слов очевидцев.

При озерной поколке выбиралось озеро, окруженное с одной стороны высокими берегами, с другой — имеющее плоский берег с глубоко вдающейся в озеро пологой косой. Таким местом поколки является, например, Бала-турку у р. Большой Балахни.

Поколка на оз. Бала-турку производилась следующим образом. На высоком берегу озера обычно располагались чумы охотников. Чтобы не вспугнуть зверя, они устанавливались на некотором расстоянии от обрыва. На противоположной стороне озера, на плоской косе, втыкались друг за другом палки (jumba), длиной до 1.5 м, образующие расширяющуюся аллею. На них нанизывались куски дерна (рис. 6, В). Правый ряд аллеи (jumbumu), состоявший из 20—30 палок, тянулся приблизительно на 2 км и упирался в другое озеро. Левый ряд из 40—50 палок упирался одним концом в речку. Таким образом, получалось нечто вроде изгороди. Говорят,

что встарину вместо палок употреблялись иногда белые махавки из крыльев куропатки.

Распорядителем поколки выбирался старый опытный охотник (sutuda barba). Покольщиками (naratata) выбирали молодых и сильных людей,

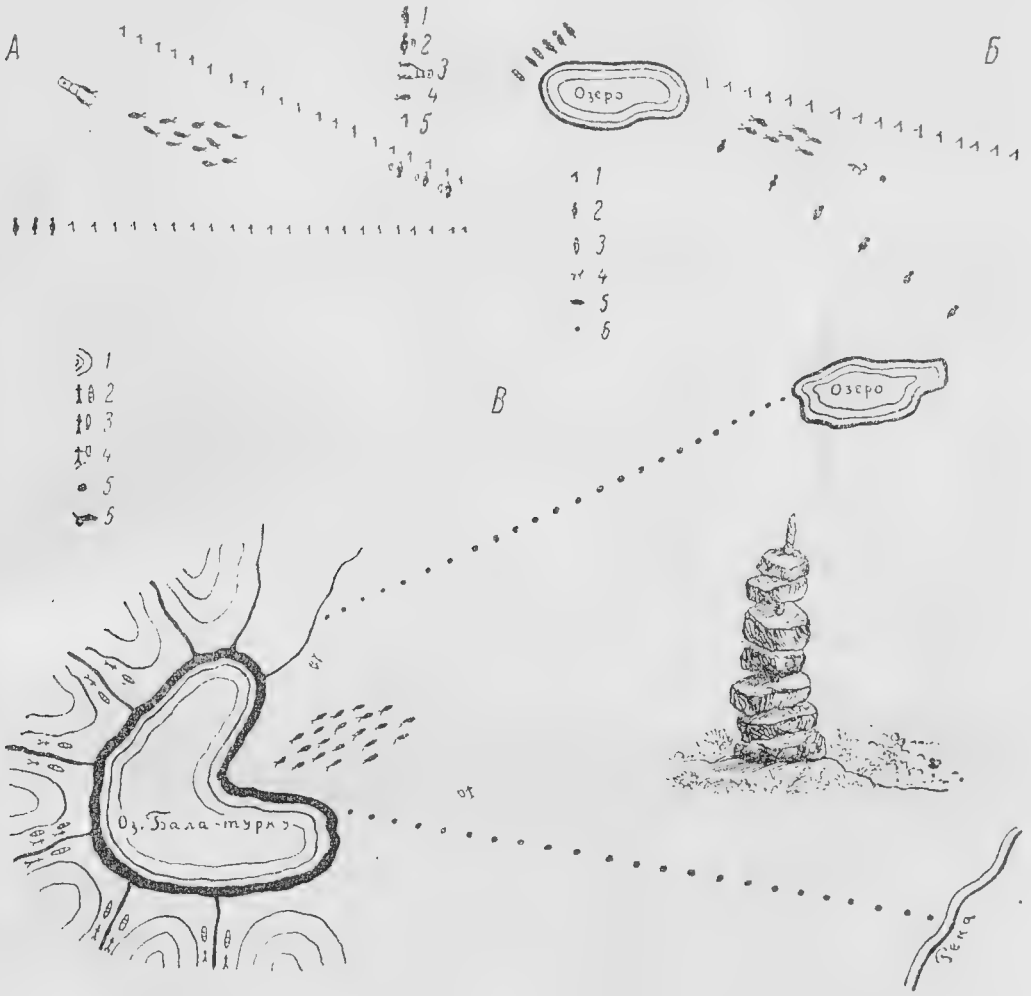
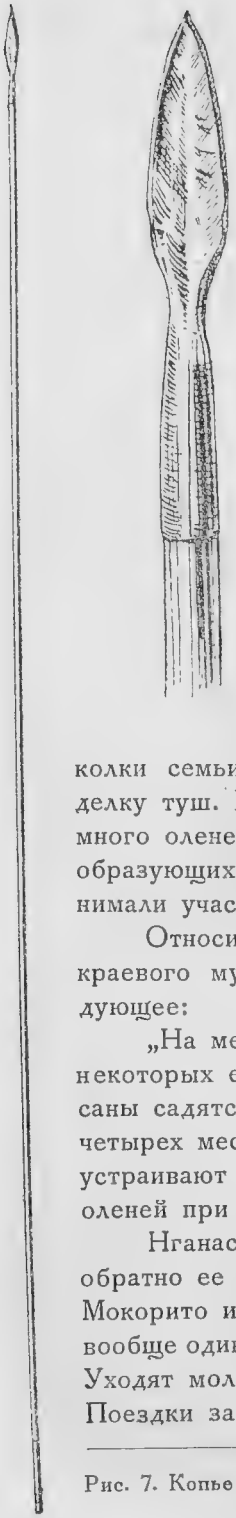


Рис. 6. Планы коллективных способов охоты на диких оленей. *А* — *ngatangiru* — старинный облавной способ охоты: *1* — махальщики; *2* — стрелки из лука; *3* — погонщик на оленях. *4* — дикие олени; *5* — махавки. *Б* — suodisiti bantanu — старинный способ поколки: *1* — махавки; *2* — лежащие охотники; *3* — ветки; *4* — собака; *5* — дикие олени; *6* — погонщик; *В* — современная поколка на оз. Бала-турку: *1* — горы; *2* — ветки и лежащие около них покольщики; *3* — охотники с луком; *4* — махальщик; *5* — палки с дерном; *6* — дикие олени.

которые были бы и опытными гребцами. После установки аллеи ждали (иногда по нескольку дней) появления диких оленей. Покольщики вместе со своими ветками скрывались по долинам речек, прорезающих высокие берега озера. В конце левого крыла аллеи ложился охотник (jumbuo),



подстерегавший оленей, чтобы они не могли уйти в стороны. Другой охотник (kerietь), держа в руках снятую одежду, прятался по середине правого крыла аллеи. Когда появлялись дикие олени, jumbuo не пускал их в сторону, а kerietь, пропустив вперед, вставал и, размахивая одеждой, загонял их в воду. Один из охотников с луком прятался у основания правого крыла аллеи. На его обязанности лежала стрельба по убегающим назад оленям. Когда олени заходили на середину озера, 5—6 покольщиков выплывали на челноках, имея узкие железные копья с древками до 4 м (рис. 7). Они быстро подплывали к оленям и закалывали их копьем, держа его в правой руке и стараясь попасть в заднюю часть животного, чтобы не испортить шкуры. Олени в панике зачастую нападали на охотников, стараясь передними ногами перевернуть их утлые челноки, поэтому охотники после каждого закалывания сейчас же отплывали назад. Заколотых оленей привязывали за шеи по нескольку штук вместе и притягивали на веревке к берегу.

Добыча при коллективных поколках распределялась поровну между всеми участниками. По окончании поколки семьи охотников собирались на берегу и принимались за разделку туш. Говорят, что в прежнее время на поколках убивали так много оленей, что черепа их использовались вместо дерна на палках, образующих загонные аллеи. Когда мужчин нехватало, в поколках принимали участие и женщины, помогая вместе с kerietь загонять оленей.

Относительно речных поколок научный сотрудник Красноярского краевого музея Б. О. Долгих любезно сообщил мне в письме следующее:

„На местах поколок, расположенных по р. Пясине, около устьев некоторых ее притоков (Пуры, Мокорито, Люмфада и Тареи), нганасаны садятся лишь осенью, во время хода дикого оленя. Кроме этих четырех мест поколок, куда дикие олени приходят стихийно, нганасаны устраивают еще «искусственные» поколки на самой р. Пясине, загоняя оленей при помощи махавок.

Нганасаны, пересекшие весною р. Пясину выше устья Тареи, обратно ее не переходят, проводя все лето в бассейнах рек Пуры, Мокорито и Люмфада. Идущие на Танако-дико выделяют молодежь и вообще одиноких людей на охоту за дикими оленями в плато Бырранга. Уходят молодые люди с устья Пуры на запад в сторону о-ва Диксон. Поездки за дикими оленями молодых людей являются для них боль-

Рис. 7. Копье для поколки оленей. Длина наконечника 18.5 см.

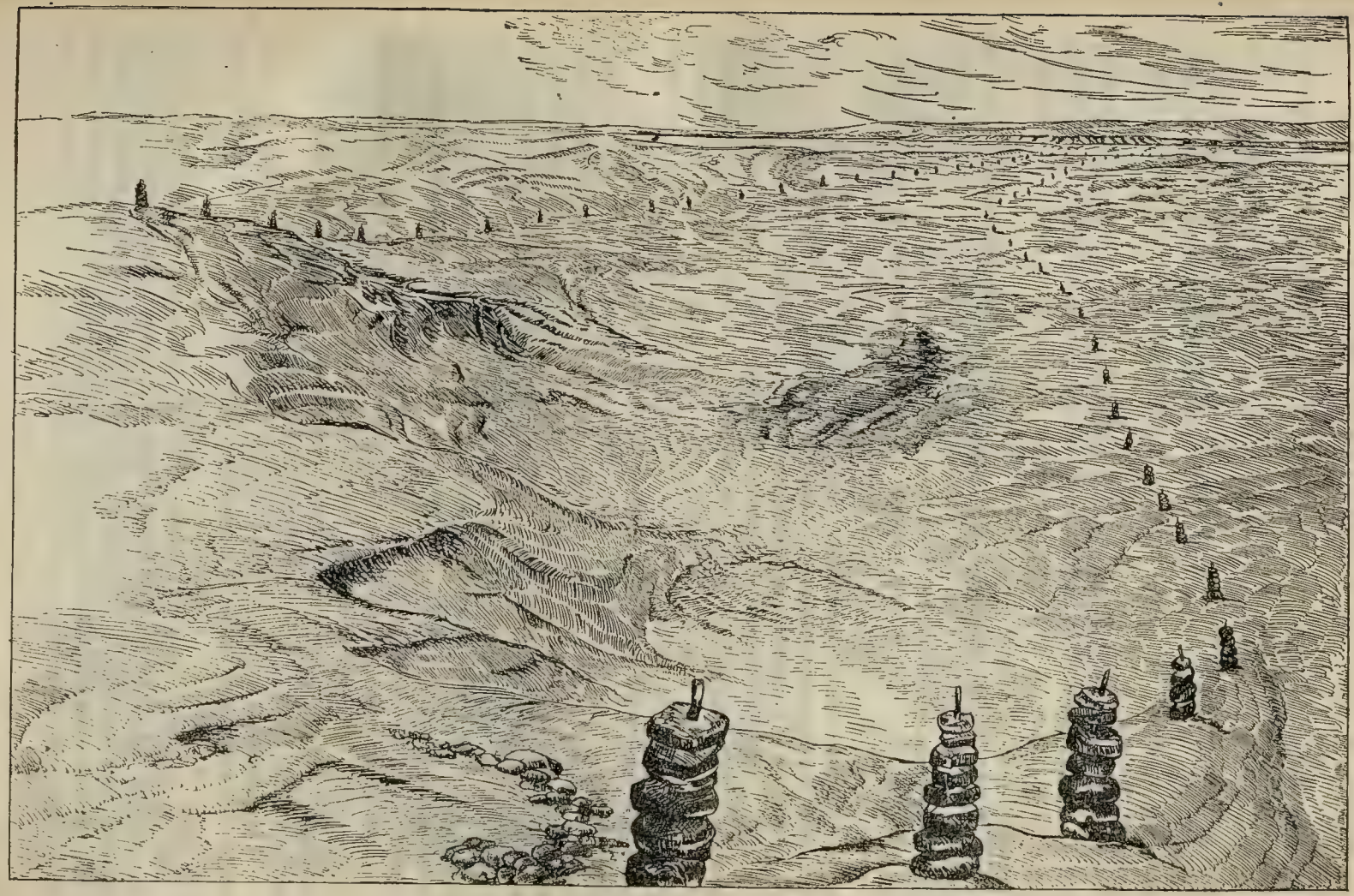


Рис. 8. Общий вид ограды из палок с дерном при поколке на р. Пясине (рис. художника А. П. Лекаренко).

шим праздником. С ними едут девушки и одинокие женщины, и, говорят, они там весело проводят время.

Охотовед Г. К. Сморыго 31 августа 1931 г. наблюдал ход диких оленей через р. Тарею у Танако-дико. Всего за сутки прошло 250—300 голов, табунами от 26 до 42 штук. В 1934 г. нганасаны добыли много диких оленей на поколке Пура и мясом их продолжали питаться еще в январе следующего года.

При речных поколках нганасаны устанавливают на двух якорях длинную бечеву, поддерживаемую поплавками. Бечеву устанавливают по течению реки, посередине ее. Бечева задерживает плывущих оленей и тем самым позволяет приблизиться к ним охотникам".

К этому можно добавить, что при „искусственных" поколках, как их называет Б. О. Долгих, на той стороне, откуда ожидается приход диких оленей, устанавливают в виде расходящейся аллеи длиной до 5 км два ряда махавок или палок с дерном. Узкий открытый конец аллеи, упирающийся в реку, имеет 50—100 м ширины. Длина и ширина аллеи зависят от местности. Обычно олени спускаются к реке по руслам ручьев и речек.

Для наглядности привожу рисунок, любезно предоставленный мне художником А. П. Лекаренко, очевидцем речной поколки (рис. 8).

Места поколок (sutuda) и пути следования к ним оленей нганасанами тщательно оберегались: по ним запрещалось кочевать и охотиться. Места поколок считались собственностью определенного рода. Так, у таймырских нганасанов поколки Нгамсу-дико, Сятаго-мыла, совместно с родом Окуо, принадлежали роду Нинонде; Сатыр-бонгка—роду Линанчар; устье Логаты, Самба-мыла, Ане-мыла—роду Нгуомджа; Ламбеси, Кика, Дико — роду Чуланчар; Сумхокой-мыла, Сятага-мыла, совместно с Нинонде, —роду Окуо; Няромо—роду Куокара; у вадеевских нганасанов у оз. Нгалбунча-турку—роду Нгойбуо, у оз. Балда-турку—роду Окуо, у оз. Сырута-турку—роду Асянду, у горы Вадеи на р. Большой Балахне—роду Купчик. Один из представителей рода Купчик, отец нганасана Салтале, продал это место поколки хатангскому якуту Чахара, который там обосновался и ежегодно производил поколку. С тех пор вадеевские нганасаны на эту поколку не ходят.

С поднятием экономического уровня хозяйства, в частности с развитием оленеводства, совершенствуются и орудия коллективной охоты; для охоты на диких оленей появляются сети (bafi bugur), требующие для своего изготовления большого количества материала и много труда.

Привезенная мною в музей Института этнографии трехстолбовая сеть имеет в растянутом виде 30 маховых саженей в длину и 2.5 в ширину.

Вяжется сеть из веревок (рис. 9, *I, II*), плетеных (наподобие аркана) из четырех ремней. К верхним и нижним ячеям прикрепляется тетива. Двойная верхняя тетива (sita рис. 9, *в*), сечением в 2.5 см, для трехстолбовой сети имеет в длину около 40 м, нижняя (kirim)—ординарная, длиной около 35 м. Изготовляется тетива тем же способом, что и веревки сети. Для

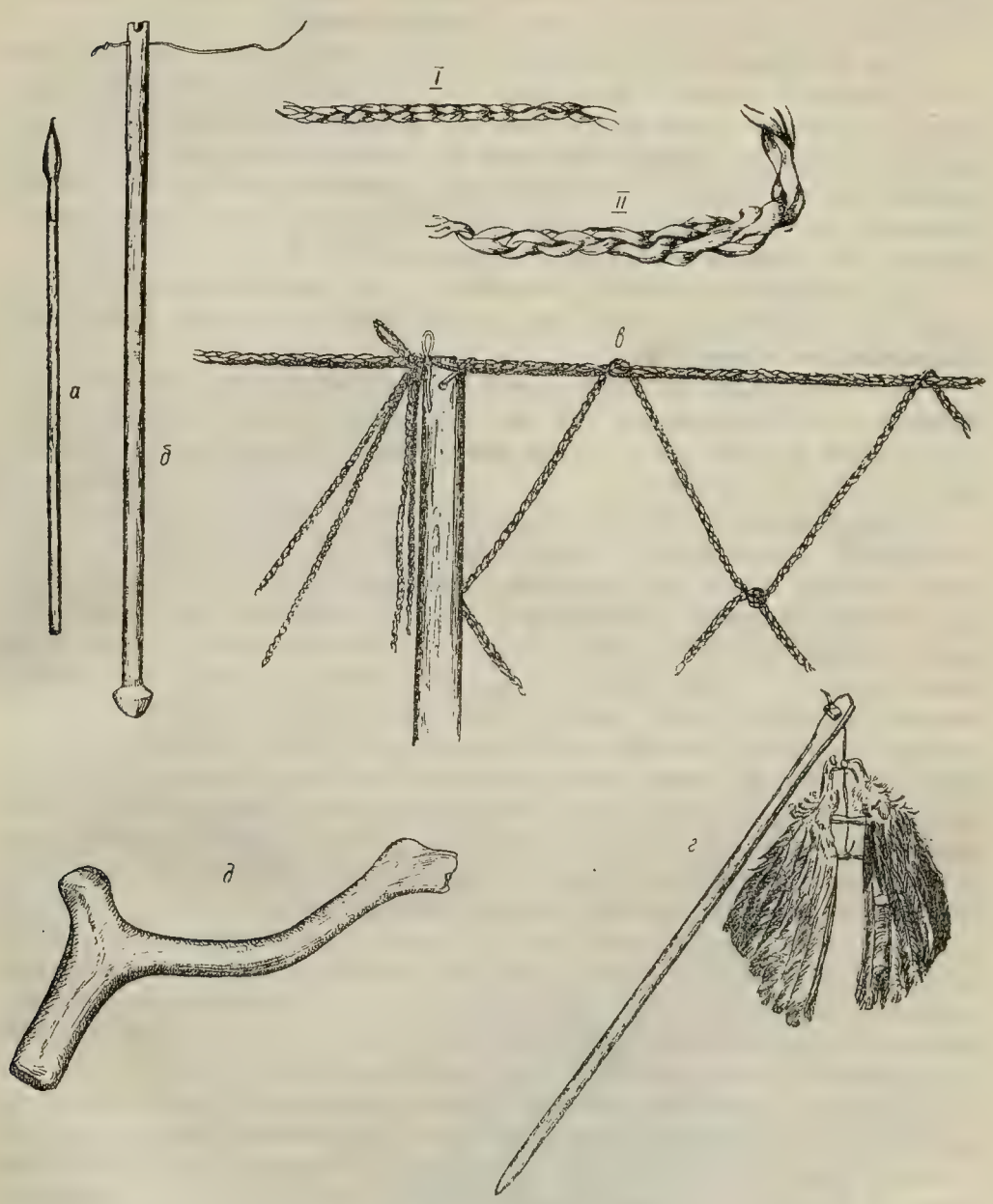


Рис. 9. Сеть и другие орудия для охоты на диких оленей загоном. *а* — копье для закалывания диких оленей, запутавшихся в ячеях сети; *б* — столб для установки сети, имеет на верхнем конце полукруглый вырез для пропускания верхней тетивы сети, на нижнем — утолщение для большей устойчивости столба на снегу; *в* — способ привязывания к столбу верхней тетивы сети и боковой веревки; *г* — махавка из гусиных крыльев; *д* — кирка из оленьего рога.

изготовления сети требуется 30—40 оленьих шкур средней величины; на верхнюю и нижнюю тетивы идет по 9 бычьих шкур.

Сеть устанавливается вертикально при помощи трех или четырех шестов (*nandьsь*), длиной 170 см (рис. 9, *б*). Каждый шест на верхнем конце имеет полукруглый вырез для прохождения верхней тетивы сети и отверстия, куда пропускаются сухожильные вязки для скрепления тетивы. Для устойчивости шесты имеют на нижнем конце луковицеобразные утолщения, которыми они втыкаются в ямки, выдолбленные в снегу специальными кирками (*t*ili), сделанными из рога оленя, длиной в 40 см (рис. 9, *д*).

Для закалывания оленей, попавших в сети, употребляются железные копья на коротких древках (рис. 9, *а*). Часто эти копья заменяются обыкновенными ножами.

Места для охоты на диких оленей сетями (bukuruobobo) известны всем наперечет; они оберегаются так же, как места поколок. Охота сетями производится в ясные дни и только зимой (рис. 10); в туманные пасмурные дни олень в сети не идет.

Сеть устанавливается под углом у подножия выступа какой-либо возвышенности, находящейся в тундре. Сначала сеть расстилают по земле, затем вдевают через ячеи верхнюю и нижнюю тетивы. К верхней тетиве привязывают за концы 3 столба (если четырехстолбовая сеть — то четыре); один посередине, два по краям невода. Столбы поднимаются и устанавливаются вместе с сетями вертикально. Укрепляются столбы при помощи арканов (maumka), одним своим концом привязанных к верхним концам столбов, а другим, петлеобразным, накинутых на кочки. Нижние края сети далеко отходят от линии столбов, образуя наклонную стенку, натянутую нижней тетивой, концы которой привязываются к верхней двойной тетиве, накинутой петлею на кочки по краям сети. Чтобы дикие олени не ушли в сторону, пространство между краями сетей и махавками заполняют опрокинутыми на бок нартами, малицами или совиками, которые подвешивают (*напь* bьпь) или кладут в виде чучел, похожих на людей (d*ung*fe), и дергают их за веревку, чтобы они шевелились. На самой вершине выступа с правой стороны ложатся *s*eriti—двое или трое подростков. Они, размахивая одеждой, загоняют в сети пробегающих мимо оленей. Рядом с ними, ближе к сетям, располагается один из опытных охотников—bukursьadsьtsь. Он стреляет из лука или ружья в тех оленей, которые не попали в сеть. Он также руководит действиями малоопытных *s*eriti. Охотники укрываются, лежа за глыбами снега с проделанными в них (для удобства наблюдения) отверстиями (табл. 4, *1*). С левой стороны мыса также лежат охотники с ружьями и копьями. Перед сетями за снежным щитком лежит *ng*atta — охотник с луком.

Он быстро загоняет оленей в сети и закалывает их ножом или копьем уже после того, как они запутаются рогами в ячеях. Позади охотников, лежащих в виде расширяющейся аллеи с правой и левой сторон выступа возвышенности, устанавливаются две линии из махавок, сделанных из гусиных

Рис. 10. Охота на диких оленей у сопки Безымянной в районе р. Большой Балахни зимою 1938 года.

крыльев (рис. 9, *г*).[1] Правое крыло аллеи (*ng*aptan*g*ilie labaka) состоит, примерно, из 35 махавок, левое (*t*idinie labaka)—из 25, расставленных на 10 м друг от друга. У дальнего конца длинного крыла аллеи располагается погонщик (suoruoptugiti) с тремя запряженными в нарту оленями. Из тундры стадо пригоняет suodututi до того места, где его поджидает suoruoptugiti.

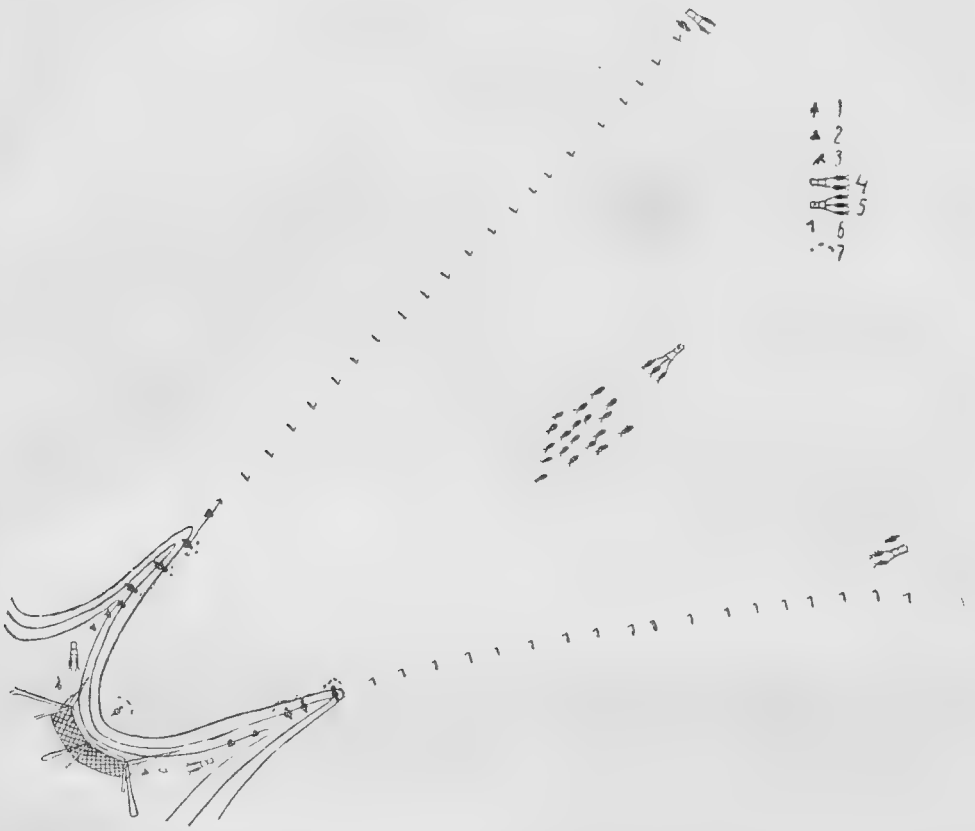


Рис. 11. План охоты на диких оленей сетями. *1* — погонщики и охотники; *2* — чучело из одежды; *3* — тоже из одежды, вдетой на палку; *4* — олени, запряженные в нарту; *5* — погонщик на оленях; *6* — махавки; *7* — заслон из снега. Кривыми линиями показаны склоны сопки.

Последний гонит стадо дальше, до seriti, seriti до bukurьadьtь, а тот до *ng*atta, т. е. до непосредственных загонщиков оленей в сеть (рис. 11).

Охота на песцов раньше не имела для нганасанов значения; она развилась лишь с проникновением в тундру русских купцов.

[1] Крылья линяющих гусей, которые добываются нганасанами сравнительно легко не пригодны для изготовления махавок. Для этой цели употребляются лишь крылья нелиняющих гусей, в которых приходится стрелять из ружья или лука; добывание их осложняется еще тем, что нганасаны почти не умеют стрелять в птицу налету. Комплект махавок составляется поэтому в течение нескольких лет и расценивается очень дорого.

Песец (*Alopex lagopus*—по-нганасански satara), или полярная белая лисица, водится по всему Таймырскому округу. Лето песец проводит в тундре, роет нору, где выводит своих щенят. Зимой, следуя за леммингом, он спускается к югу.

Шкурка песца идет на рынок, мясо его употребляется нганасанами в пищу только частично. Осенью на песцов охотятся с ружьем. Для этого запрягают в нарту хороших оленей и гоняют песца до полного его изнеможения. Уставший песец отбегает в сторону и ложится, а охотник его пристреливает. Зимой на крови убитого дикого оленя настораживают на песцов капканы (j*ongng*uj). Чтобы песцы не уносили их с собой, привязывают к дугам капкана „якоря" (se*ng*kumti—рис. 12, *а*) из дерева или кости, шаровидной формы, с большими железными или костяными шипами. Эти якоря вдавливаются ногами в снег. Деревянные пасти (f*a* j*ongng*uj), или ловушки, получили распространение у нганасанов только после Октябрьской революции (табл. 4, *2*). До этого они промышляли песцов ловушками, сделанными из больших камней с деревянной слегой (fala j*ongng*uj). Из четырех больших каменных плиток укладывалось подобие короба, открытого с одной стороны. Перед отверстием при помощи четырех колышков укреплялась в виде порога узкая и длинная каменная плитка. Поверх нее пропускалась слега из длинной тяжелой жерди. При настораживании она поднималась с помощью поперечной палочки, которая, упираясь нижним концом в каменный порог, одновременно покоилась на конце длинной палки со вдетой наживкой. Один конец слеги придавливался для большей тяжести камнем (рис. 12, *б*). Песец, пройдя по слегу, выдергивал палку с наживкой и ронял на себя слегу.

Волк (*Canis lupus*; по-нганасански *ngul*ada) распространен на Таймыре повсюду. Следуя за диким оленем, он летом уходит на север, а с наступлением зимы возвращается на юг. Осторожные волки не подпускают к себе охотника на близкое расстояние и поэтому не составляют существенного предмета охоты. На них охотятся лишь в сентябре или октябре, когда они, будучи сытыми, перестают быстро бегать и охотники могут догнать их на нартах.

Ранней весной, когда ощущается недостаток в пище, нганасаны охотятся на куропаток при помощи специальных сетей (kufu bugur), изготовленных из белых ниток. В ширину такая сеть имеет 50 см, в длину 10—15 м и устанавливается с наклоном в сторону ветра на трех или четырех палках длиной 65—70 см. Куропаток осторожно загоняют или приманивают, привязывая около сетей самку-куропатки.

В начале лета начинают охотиться на уток (toti). Расставляют на них особые сети (tuoti *ngud*upse), плетеные из нитей длиною до 10 м и шириною до 2 м, с ячеями в 8 пальцев. Подставками для сетей служат 3 или 4 пары колышков, связанных под углом. Чтобы колышки держались крепче, сверху через места их скрещения пропускают туго натянутую тетиву сети, чем и достигают большей ее устойчивости, так как концы колышков часто

упираются в скользкий мерзлый грунт или лед. Один из колышков ножки пропускается через ячеи сети, вследствие чего она всегда висит в наклонном положении. Перед сетями на длинной веревке, конец которой с прикрепленным к нему тяжелым камнем опускается на дно, привязывают за ногу в качестве приманки (marьsiti) живую утку или вокруг сетей кладут перевернутые кусочки дерна (tuoti *n*g*u*d*u*pse jumba). Летящие утки принимают их за сидящих уток, спускаются рядом с ними и попадают в сеть. Сети обычно устанавлива-

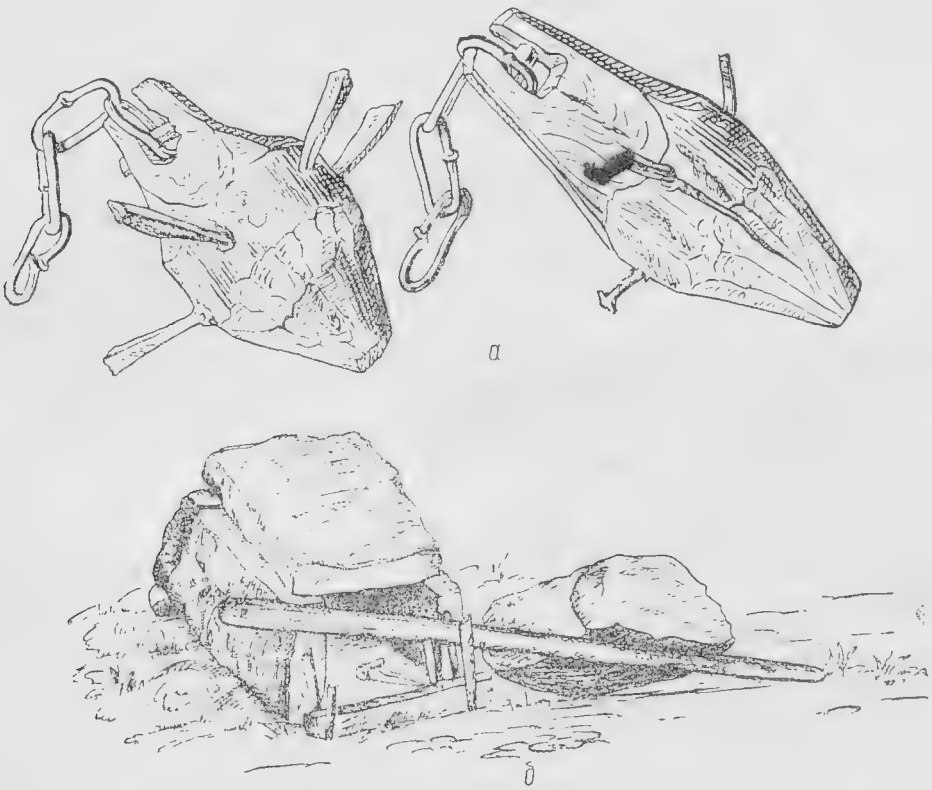


Рис. 12. *а* — деревянные якоря для удерживания капканов в снегу (дл. 17 см); *б* — пасть из камней для добывания песцов.

ются над маленькими озерками или болотами; при этом охотники сами загоняют уток с берега (рис. 13).

На уток и гусей (*d*eptu) охотятся и с ружьями, стреляя лишь по сидящей птице. Встарину на птиц употребляли специальные стрелы с раздвоенными наконечниками.

На гусынь, высиживающих яйца, настораживают капканы.

Сын моего хозяина Недяку нашел однажды гусиное гнездо с пятью яйцами. Гнезда он не тронул и на другой день пошел настораживать на нем капкан. Я отправился с ним. Недяку зарядил капкан и отложил его в сторону. Затем он вынул из гнезда все яйца, за исключением одного, осторожно

снял пух и на его место положил капкан, заряженный так, чтобы дуги его совпадали с окружностью гнезда. Через середину гнезда он пропустил нитяный спуск. К самому же капкану, чтобы гусыня не смогла его унести, Недяку привязал маленький железный якорек, который крепко вогнал в землю. Затем он прикрыл дуги капкана пухом, а якорь и цепь от него завалил дерном. В центре гнезда под нитяным спуском он положил яйцо. Чтобы гусыня села именно поперек спуска капкана, с обеих сторон гнезда Недяку положил по маленькой кочке (табл. 4, *3*).

Более эффективна и имеет большее хозяйственное значение в жизни нганасанов коллективная охота загоном на линяющих гусей, которые, при-

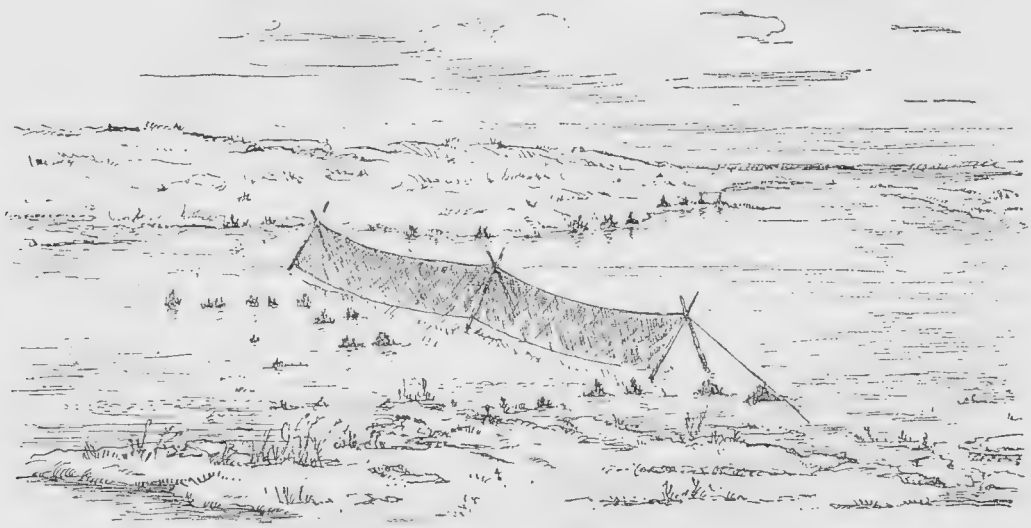


Рис. 13. Сеть для ловли уток (в настороженном виде).

мерно, со второй половины июля начинают линять. Приметой приближения времени линьки гусей считается взлет птенцов и начало линьки оленьих телят. В это же время идут беспрерывные дожди, от которых, как говорят, „сгнивают и выпадают гусиные крылья".

С начала линьки гусей и до конца ноября продолжается эта, требующая огромной затраты энергии, охотничья страда. Люди торопятся аргишить к местам гусевания, чтобы захватить птиц в первое время их линьки, пока они еще не спустили накопленного ими жира. С этого времени там, где преобладает охота (например, у вадеевских нганасанов), рыболовством почти не занимаются. Подготовка к гусиной охоте начинается заранее. Женщины заготовляют оленьи и другие желудки, в которых затем хранится гусиный жир.

Чтобы не распугать гусей, озера и реки, где они линяют, обходятся аргишами на далеком расстоянии. Впереди аргишей высылаются разведчики,

которые обходят места, высматривая, нет ли где линяющих гусей. Обнаружив их, разведчики возвращаются к аргишу и отводят его в сторону, а также угоняют в сторону и стада своих оленей.

При небольшом количестве гусей их выгоняют на берег и затравливают собаками. Для этого вокруг озера, в котором находятся гуси, ложится несколько человек с собаками (табл. 4, *4*). Один или два охотника, плавая по озеру на ветках, выгоняют гусей на берег. Если найденные гуси

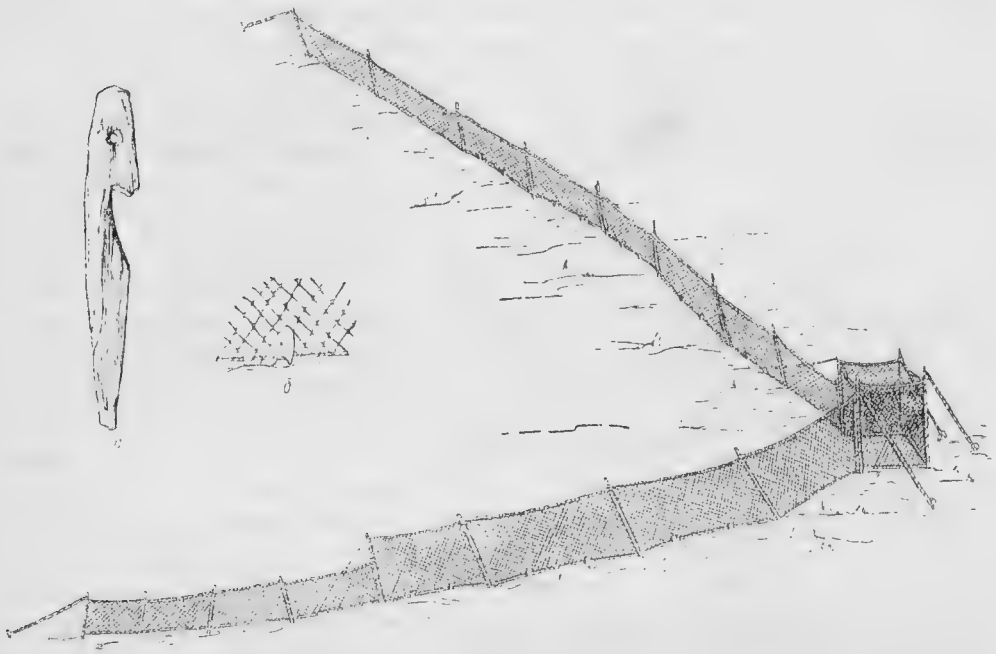


Рис. 14. Изгородь из сетей для ловли гусей. *а* — деревянный крюк для пристегивания нижней тетивы сети к земле (дл. 20—30 см); *б* — способ пристегивания тетив к земле.

гуменники, а не казарки, то выгнать их бывает не легко. В таком случае оставшихся на воде гусей приходится добивать из ружья или ударами весла. На это уходит много времени; приходится иногда часами (особенно в мелкой воде) преследовать ныряющих гуменников, пока они совершенно не обессилят.

Когда гуси выйдут на берег, охотники, лежащие в засаде, затравливают их собаками; обычно такая охота не дает больших результатов, так как часть гусей почти всегда разбегается. Более эффективна охота с помощью сетей или, по местному русскому выражению, с „околом".

Сеть для ловли гусей (*d*eptu bugur) состоит из мотни, или тупика (bьh), плетеного из тонких ремней, длиною 4 м и шириною 1 м (рис. 14). Устанавливается мотня в виде трех стенок при помощи тонких палочек (nogu), воткнутых в землю. Палочки эти для устойчивости стягиваются ве-

ревками с правой и левой сторон мотни. От боковых стенок мотни устанавливаются под углом устроенные из сетей „крылья“ (suoda), длиной от 30 до 35 м. При отсутствии специальных сетей крылья устраиваются из обыкновенных рыболовных. Сети крыльев устанавливаются при помощи палочек, втыкаемых с наклоном внутрь; при этом, чтобы гуси не могли убежать, нижнюю тетиву под сетями прикрепляют к грунту особыми деревянными крючками (batu — рис. 14, *а*, *б*), длиной от 20 до 30 см. Каждый крюк в расширенной своей части имеет отверстие для нанизывания на веревку при перевозках. Устанавливая сети, стараются как можно лучше использовать рельеф местности. Даю схему установки сети для гусей.

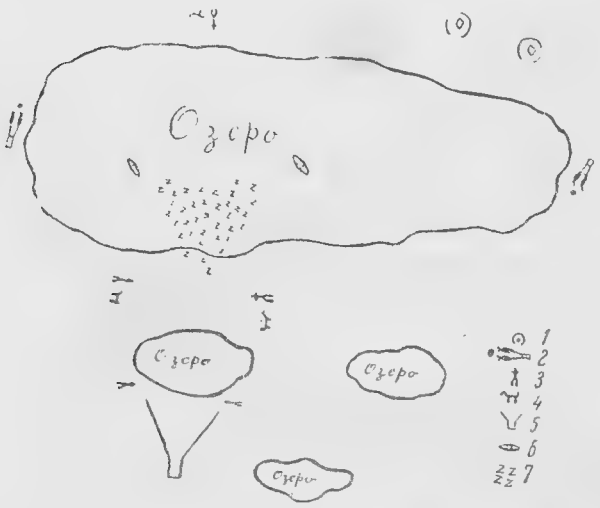


Рис. 15. План охоты на гусей сетями. *1* — чумы; *2* — люди с сетями, подстерегающие гусей, чтобы они не вышли на берег; *3* — лежащие облавщики; *4* — собаки; *5* — изгородь из сетей; *6* — облавщики на ветках; *7* — гуси.

Из многочисленных промыслов сетями, виденных мною у вадеевских нганасанов, опишу один, как наиболее интересный, происходивший 21 июля 1937 г.

Гусей обнаружили на большом безымянном озере, с одной стороны которого имелось три маленьких озерка (рис. 15). Не доезжая до большого озера, отправили вперед двух человек (marisiti) на оленях с привязанными позади нарт собаками. Эти люди, объезжая вокруг озера, должны были следить, чтобы гуси не вышли на берег раньше времени, а если это случится — затравливать их собаками. Два наших чума расположились на самом берегу озера, служа препятствием для выхода гусей. Привезли ветки и спустили их на озеро, после чего два облавщика с собаками залегли по бокам перешейка, отделяющего большое озеро от одного из малых озер, остальных же людей расставили с противоположной стороны озерка. Два охотника (kupturk*utu*) на ветках выгнали гусей из большого озера в малое, у противоположного берега которого тем временем уже была расставлена сеть. У края крыльев сети залегли два человека. Затем перетащили ветки из большого озера в малое и стали гусей выгонять на берег и загонять в сети. Когда гуси пытались разбегаться, двое охотников, лежавших у сети, подымали ноги и медленно размахивали ими, от чего гуси пугались и шли по направлению к мотне. После того как из малого озера были выгнаны все гуси, погонщики вылезли из веток и стали быстро загонять гусей в мотню и свертывать им шеи (табл. 5, *1*, *2*). В это же время охотники, рас-

ставленные вокруг большого озера, затравливали собаками оставшихся гусей, выходивших на берег (табл. 5, *3*).

В этот раз было упромышлено около 300 гусей, однако это далеко не рекордное количество: в удачные годы убивали за одну охоту по 1000 и более штук.

Если на озере находят очень много линяющих гусей, то мотня делается двойного размера. Раньше при малочисленности людей в стойбищах на охоте с сетями принимало участие всего два-три человека; недостающие люди заменялись одеждами, подвешенными на палки в виде пугал. Так поступают и сейчас при нехватке людей.

Обычно охота на линяющих гусей происходит на довольно значительном расстоянии от стойбища, и поэтому за убитыми гусями приходится еще раз приезжать. Охотники, уходя домой, складывают свою добычу в кучу и для защиты ее от чаек растягивают над нею сети (табл. 6, *1—4*).

Рыболовство занимает видное место только в хозяйстве таймырских нганасанов, живущих в летнее время почти оседло как на самом оз. Таймыре, так и на его притоках, отличающихся своими рыбными богатствами. Из рыб в этих местах главным образом ловятся чир (*Coregonus nasus* Pallas; нганас. bete*nge*), муксун (*Coregonus muksun* Pallas; нганас. muksūna или fa*ng*ka), кунжа (*Salmo salvenius*, *Salmo Artedi*; нганас. nuora), омуль, (*Coregonus autumnalis* Pallas; нганас. emil или sьrula[1] и пелядь (*Coregonus peled Gmelin*; нганас. sigāku). Другие породы рыб имеют меньшее хозяйственное значение. По словам нганасанов, на „губе" Таймырского озера кунжа часто достигает роста человека. Мне лично удавалось видеть таких же больших кунж на территории вадеевских нганасанов. Рыба эта, в отличие от чира, водится в озерах с каменистыми берегами; несмотря на свои крупные размеры, она проходит иногда по очень мелкой воде, касаясь дна брюхом. Я сам видел, как по ручейку, глубиною всего лишь в несколько сантиметров, соединяющему оз. Неродангку, находящиеся на территории Вадеевского кочевого совета, с р. Селие-тари, переползали большие кунжи, которых нганасанские женщины и дети вылавливали железными крючками, служащими для вытаскивания мяса из котла.

Авамским и вадеевским нганасанам, у которых преобладает охота, приходится уделять очень мало времени рыболовству, требующему оседлой жизни. Им приходится заниматься рыболовством только весною до прилета птиц, когда, ввиду ухода дикого оленя на север, ощущается большой недостаток в пище.

Орудиями рыболовства у нганасанов служат: 1) костяные спицы (fedir); 2) железные крючки (batu) и 3) сети (kolь bugur).

Спицы — длинные пластинки, изотовленные из ножных костей оленя и заостренные с обоих концов, с отверстием посередине для привязывания

---

[1] Омуль встречается главным образом в Хатангском районе.

лески. На один конец спицы насаживается наживка. Когда рыба проглатывает наживку вместе со спицей, последняя становится поперек горла рыбы. Так как оленья кость довольно мягкая, то спицы после выделки вешают на несколько месяцев в чуме, где они высыхают и становятся твердыми. Спицами (как и удочками) ловят главным образом кунж и налимов (рис. 16, *а*). Из спиц устраиваются и переметы (табл. 7, *1*).

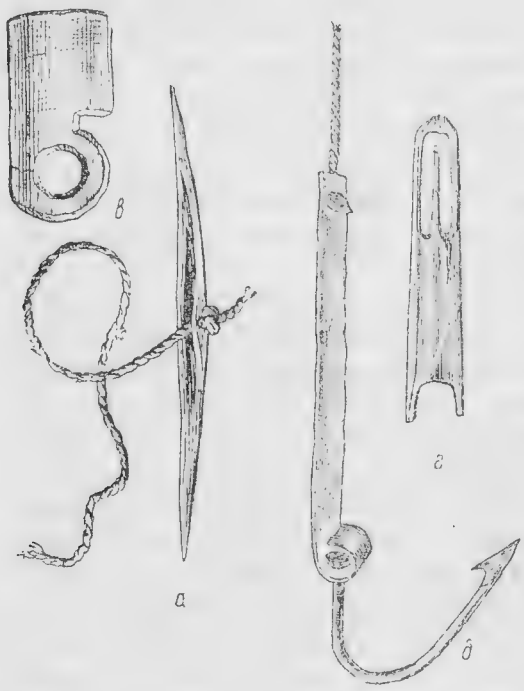


Рис. 16. *а* — костяная спица (дл. от 10 до 15 см); *б* — железная уда из гвоздя для ловли кунжи (дл. 13 см); *в* — мерка ячеи рыболовной сети из мамонтовой кости (дл. от 17 до 13 см.); *г* — игла из мамонтовой кости для вязания сети (дл. от 15 до 24 см).

Крючки для ловли кунж изготовляются из загнутых гвоздей. Чтобы кунжа не перервала леску, крючок прикрепляют к железной пластинке (рис. 16, *б*).

Сети у нганасанов — распространенный на Енисейском севере вид „пущален", т. е. ставных сетей, длиною 15—20 м и шириною до 1.5 м, плетеных из нитей или конского волоса, закупаемого у захатангского населения. В зависимости от того, для ловли какой рыбы предназначаются сети, ячеи (sejnagi) делаются различной величины. Поплавки (bota), привязываемые к верхней тетиве пущальни, делаются из узких деревянных пластинок или деревянных кругов с вырезом в середине. Для волосяных сетей поплавки изготовляются из свернутых в трубочку кусочков бересты. В качестве грузил (depsa) употребляются камни, привязываемые (чтобы не запутались в ячеях) к тальниковым обручам. По словам нганасанов, волосяные сети имеют большое преимущество перед нитяными. Они не преют, как нитяные, и сравнительно скоро высыхают. С волосяных сетей быстро и удобно счищаются приставшие к ним водоросли, — для этого достаточно взять сети в руки и перетереть их между ладонями, а из нитяных сетей приходится выбирать каждую соринку в отдельности. Весной, когда светло, предпочитают употреблять сети, плетеные из тонких белых нитей или из белого конского волоса. Осенью или зимой, когда лед покрывает воду, употребляются черные сети, которые тогда для рыб менее заметны. На некоторых озерах, например на оз. Портнягино, где регулярно, из года в год, производится улов рыбы, известны виски. Но поскольку на этих озерах лед часто не успевает оттаивать, обломки его иногда настолько загромож-

дают виску, что препятствуют рыболовству, как это и случилось в 1937 г. на многих озерах в районе вадеевских нганасанов.

Сети сушат, привязывая их к палке, воткнутой в землю, и расстилая по кругу в виде конуса (рис. 18), или же кладут их на землю (табл. 7, 2). Волосяные сети долго держать на солнце не рекомендуется, так как они от этого выгорают.

Летом с берега устанавливают пущальни, привязывая их за спуск к колышку, забитому в землю. Иногда две или три сети связывают вместе и тогда ими неводят, сидя в двух челноках-однодеревках.

Подледным ловом рыбы занимаются главным образом таймырские нганасаны, причем сезон этот у них продолжается, примерно, с октября до конца ноября.

По сообщению Б. О. Долгих, в 1938 г. р. Логата замерзла 1 октября. На другой день нганасаны уже переходили реку по льду, правда, на четвереньках, держа в руках куски дерева, чтобы увеличить площадь льда, на которую давит тяжесть тела. В тот же день, сообщает Долгих, нганасаны начали промышлять рыбу подо льдом, сидя в ветке, которая лежала на льду. В такой ветке нганасаны добирались и до дальнего конца пущальни, для чего рыбаки отталкивались от берега хореем и вновь приближались к берегу, подтягиваясь на веревке. Осматриваются пущальни обычно три раза в день.

Под лед пущальни пропускаются следующим образом. Во льду вырубают две проруби, в одну из которых спускают составной шест (norilа) такой длины, чтобы он мог подо льдом достать до другой проруби. Под тонким льдом шест виден хорошо, и поэтому направить его должным образом не трудно. К концу шеста привязывается бечева от пущальни, которую отвязывают, когда шест идет до второй проруби. Затем весь этот процесс повторяют сызнова и устанавливают таким образом в ряд до шести пущален. Пущальни привязываются за жердочки, длиной от 100 см, на расстоянии 20 или 30 см от нижнего конца. Верхний конец жердочки остается торчать из проруби на 50—60 см, смотря по толщине льда. При высмотре пущальни сперва выдалбливают лед, кусочки его вычерпывают плетеным черпаком, и лишь после этого вытягивают жердочку. Отвязав пущальню от жердочки, привязывают к ней бечеву и затем, проделав ту же работу у соседней проруби, вытягивают последние пущальни, выбирая из них рыбу. После высмотра пущальню привязывают к жердочке, к которой прикрепляют в виде крестозины поперечную перекладину, препятствующую опусканию жерди глубже, чем это желательно. Эта поперечина привязывается только при установке пущален на реке, так как сила течения может отнести

Рис. 17. Железный крюк для вытаскивания рыбы из сетей (дл. 41 см).

их под лед. Там же, где нет течения, поперечина к жерди не привязывается. При высмотре пущален рыбу схватывают одной рукой за жабры, а другой освобождают из сети, стягивая ее к хвосту (табл. 7, *3*). Если рыба сильно бьется, ей наносят удар особой колотушкой (кусок дерева, 35—40 см длиной, с небольшой ручкой). Иногда рыбу вынимают из пущален

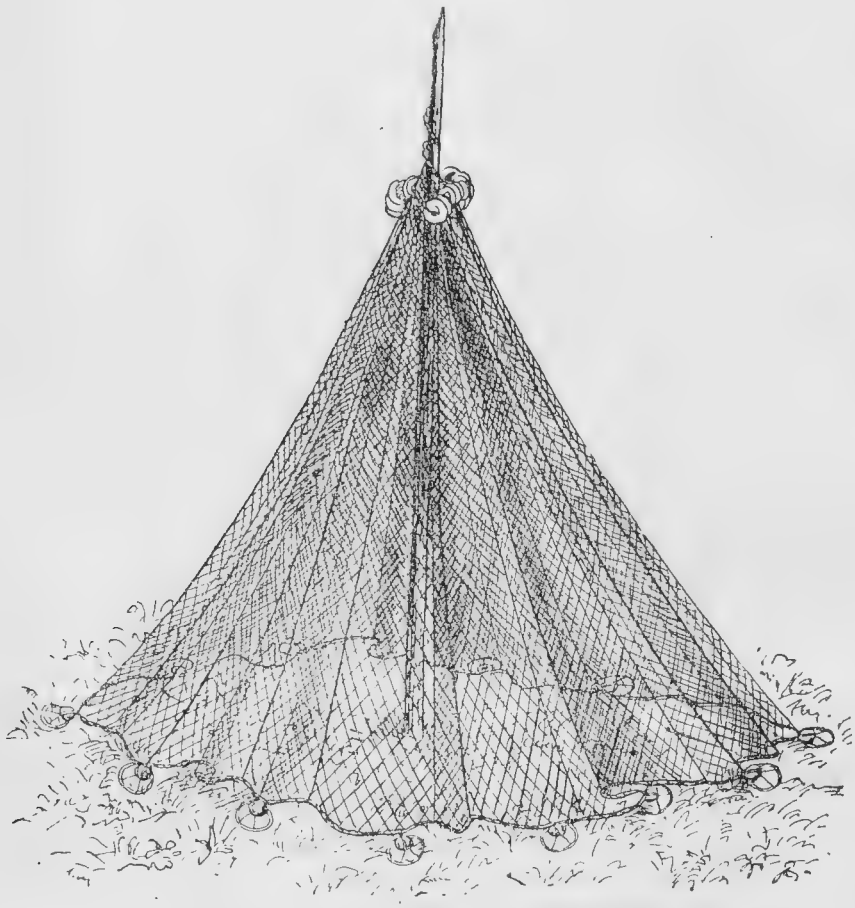


Рис. 18. Способ просушки рыболовной сети.

железным крючком, насаженным на деревянную рукоятку (рис. 17). Бросают рыбу на лед тут же около проруби. Затем приволакивают на себе нарту, складывают на нее рыбу и вывозят на берег. При хорошем улове вывозить рыбу приходится по нескольку раз.

Устанавливают и высматривают пущальни, как правило, мужчины; женщины лишь иногда помогают свозить рыбу на берег или тянуть бечеву, когда мужчина опускает пущальню в прорубь.

Переметы с крючками или спицами также пропускаются между двумя прорубями и своими концами привязываются к жердочкам, длиной около метра, которые, будучи свободно опущены в прорубь, вмерзают в нее.

При промысле гусей, рыбной ловле и для переправ через реки служат ветки (*ng*anduj) — челноки, выдолбленные из одного куска дерева. У нганасанов существует два типа челноков: 1) обский и 2) якутский (рис. 19).

Лодки обского типа, привозимые торговыми учреждениями, неохотно покупаются нганасанами. Они предпочитают платить гораздо дороже за челноки якутского типа, привозимые из-за Хатанги. Например, вадеевский нганасан Бульчу Нгойбуо купил якутский челнок за 13 песцовых шкурок

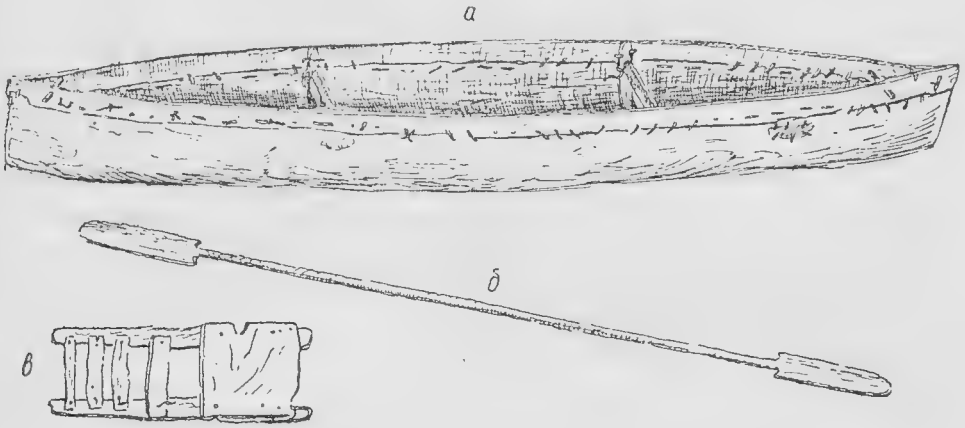


Рис. 19. *а* — „ветка" — челнок якутского типа; *б* — весло; *в* — сиденье гребца, сделанное из досок.

(при средней стоимости песца 175 руб.), за одну волчью шкуру (100 руб.) и за 6 оленей (по 100 руб.). Итого за челнок им было уплачено 2975 руб., тогда как ветка обского типа стоит лишь 150 руб. Не пользуются успехом обские ветки не только у нганасанов, но и у долган и якутов. Последние выработали свой тип челнока, более приспособленный к местным условиям.

Якутская ветка имеет нос и корму под прямым углом. Чтобы сделать борта ветки более высокими, ее обшивают с боков досками. В зависимости от величины якутская ветка имеет одну или две поперечины. В середине ее устраивается сколоченное из досок сиденье (noriema — рис. 19, *в*). В носовой части на досках обшивки вертикальными чертами обозначается цена ветки. Каждая черта означает оленя или шкурку песца. Длина якутской ветки 4—5 м, ширина —75 см. Весла (tuopsa — рис. 19, *б*) бывают только двулопастные.

Несмотря на большую стоимость, якутские ветки редко бывают без щелей. Поэтому после покупки их, как правило, приходится тщательно просмолить либо промазать щели смесью из жира и угля или экскрементами оленя. Кусок смолы или соответствующей смазки прикладывается

к щели и вгоняется в нее разогретым железным клинком. Если же ветка и после этого продолжает пропускать воду, то ее дно устилают мхом, который время от времени отжимают.

Ветки-долбленки нганасаны считают заимствованными от своих соседей-долган и якутов. В прежние времена, когда, по рассказам стариков, нганасаны мало пользовались водой, у них были, вместо деревянных, кожаные челноки, которые были настолько несовершенны, что в них не решались пускаться по воде в ветер, так как даже от небольшой волны они могли согнуться посредине.

Зимой, под влиянием полярной ночи и холода, жизнь как бы замирает, и все занятия нганасанов сводятся лишь к случайной охоте на дикого оленя, на песца, да к пастьбе оленей. В это время из-за холодов стойбище перемещается лишь тогда, когда истощаются ягельные пастбища. За этот период вынужденной относительной оседлости хозяйство нганасанов получает очень мало поступлений и потребляет то, что было добыто им в летне-осенний сезон, охватывающий время с июля по декабрь и являющийся наиболее интенсивным в хозяйственном отношении. В летне-осенний период делаются запасы продуктов питания и материала для одежды (шкуры диких оленей) на целый год. Если зимою стойбища состоят из относительно большого числа чумов, то с наступлением весны они распадаются на мелкие стойбища (из одного-двух, редко трех чумов), составляющие самостоятельные производственные ячейки. Такие мелкие хозяйственные единицы более удобны для освоения охотничьей территории; многочумные стойбища при существующих примитивных способах сообщения были бы не в состоянии освоить необходимую для их обеспечения обширную территорию.

Летние кочевые группы нганасанов формируются теперь не по строго родовой принадлежности, но надо думать, что в прежнее время в их состав могли входить только одни сородичи. Это видно хотя бы из того, что до сих пор места поколок, сопки для охоты сетями на диких оленей, рыболовные виски (tunde), особенно у таймырских нганасанов, закрепляются за представителями определенных родов по наследству. Посторонним аргишам строго запрещалось не только охотиться, но даже проходить мимо мест поколок или мимо сопок для охоты сетями на диких оленей. Если запрет этот нарушался и охота оказывалась неудачной, то распорядители ее обвиняли нарушителей в том, что они распугали и разогнали оленей, вследствие чего люди, лишенные из-за нарушителей добычи, вынуждены были закалывать своих домашних оленей. В таких случаях общество присуждало нарушителей возместить потерпевшим убитых ими домашних оленей.

Весною, после отела телят, устраивается совещание, на котором строго размежевываются территории кочевания каждой отдельной хозяйственной группы, точно определяется, которой из них где кочевать, на каких озерах промышлять гусей, на каких участках плато Бырранга или Северо-Восточ-

ного охотиться на диких оленей. Такое же строгое размежевание территории производится и между долганами и нганасанами. Так, на Малом Хребте (южном отроге Северо-Восточного плато) имеют право охотиться только долганы и затундренные якуты, хотя нганасаны при перекочевках на север проходят почти у самого подножия этого хребта. Точно так же в озерах, расположенных около Малого Хребта, могут охотиться на гусей только долганы и затундренные якуты.

Если охотник из другой хозяйственной группы или чужеземец пожелает охотиться на территории соседей, он обязан испросить у них на это разрешение.

Орудия охоты и рыболовства в большинстве случаев являются индивидуальной собственностью, но иногда крупные орудия охоты, требующие для своей выделки большого труда и много материала, составляют собственность нескольких лиц, особенно если эти орудия передаются по наследству. Так, у вадеевских нганасанов каждая сеть для ловли диких оленей была коллективной собственностью группы родных братьев. Но поскольку у нганасанов имущество наследовал всегда младший сын, живущий совместно с отцом до его смерти, постольку и сеть оставалась у него, хотя распоряжаться ею без согласия братьев он не имел права.

Все нганасаны с малых лет начинают охотиться с ружьем, но не все становятся хорошими охотниками. Нганасаны сами отмечают, что у каждого человека с детства вырабатываются наклонности к определенного рода занятиям. Плохой охотник зачастую бывает полезен для хозяйства в другом отношении: умеет хорошо делать нарты, пасти оленей, вязать сети и т. д. В стойбище, состоящем из нескольких чумов, обычно выделяются один или два рыболова или охотника, трудами которых кормится все остальное население, поскольку потребление у нганасанов носит коллективный характер. Но это не означает, что эти рыболовы или охотники при необходимости не будут в состоянии выполнить любую работу по хозяйству. У нганасанов преобладает натуральное хозяйство, и разделение труда еще не имеет столь четких границ. Коллективное потребление, однако, ни в какой мере не означает бескорыстного одалживания продуктов питания, орудий производства или предметов обихода, — напротив, все строится на строгом расчете. Семья охотника, например, делится с соседями мясом добытого дикого оленя. Дележка эта определяется размером одного „варева", по нганасанскому выражению. [1] Но соседи охотника, получая на варево, должны оказать помощь хозяйству охотника своим личным трудом или оленями; они обязаны пасти его оленей, чинить его рыболовные сети, одалживать ему своих оленей для езды и даже иногда снабжать его ружьем и огнестрельными припасами.

Если охотник не получал от своих соседей никакой помощи, то он считал себя вправе не делиться с ними на варево. Если он сам не делился

[1] От мяса на „варево" уделяют обычно мужчины, от рыбы — женщины.

с соседями, помогающими ему, то они могли принести на него жалобу старикам, говоря:" Из-за того, что наш охотник не делился с нами на „варево", мы обеднели и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были в течение такого-то времени убивать для еды столько-то домашних оленей из своего стада". В этих случаях охотника обязывали возместить соседям убитых ими домашних оленей.

Если добычи бывало недостаточно для дележа на полное варево, то женщины делились с соседями, испытывавшими острый недостаток в пище, кусочками мяса и рыбы прямо из котла. Случалось, что на „варево" посылали не только близко живущим, но и дальним соседям.

Обычай давать на варево носит в известной мере обязательный характер, тогда как другой способ распределения продуктов охоты — взаимный обмен — совершается добровольно. Охотник по своему желанию может подарить часть убитого им дикого оленя, взамен чего спустя некоторое время он получает равноценный подарок. Сосед охотника, получивший от него в подарок убитого оленя, обязан привезти его с места охоты к себе в чум, разделить его тушу пополам и возвратить охотнику причитающуюся ему переднюю половину туши и голову оленя; у себя он при этом оставляет заднюю половину туши, шкуру и внутренности. В этом случае, если сосед забудет отдарить охотника, тот вправе ему об этом напомнить.

Зимой 1937 г. бедняк Неяку получил от Уранника Окуо в подарок дикого оленя. Неяку привез его к себе в чум, но причитающуюся возврату переднюю часть туши Уранника не отдал. Такой поступок вызвал со стороны нганасанов большое осуждение, и Неяку упрекали в жадности.

У нганасанов охотники полностью и по своему усмотрению распоряжаются своей добычей. Так, сын вправе подарить убитого им оленя кому угодно, не спрашивая на это согласия родителей, тогда как в других отношениях он всецело от них зависит. Сын Уранника — Нгоробие застрелил при мне двух диких оленей: одного на суше, другого на воде. Первого оленя Нгоробие отдал своему соседу Бульчу, второго взял себе; этим он вызвал недовольство со стороны родителей, так как доставать второго оленя из воды им было чрезвычайно затруднительно, однако отменить решение сына родители не могли и, скрепя сердце, должны были с ним согласиться.

Обычай дарить убитых диких оленей приводит к ряду инцидентов. Например, охотнику Недяку помешал однажды его двоюродный брат Динте, спугнув тех диких оленей, в которых он целился. Узнав об этом, домашние Недяку сильно рассердились. Вспомнили, что Динте в свое время ездил охотиться на Северо-Восточное плато и, убив там десять оленей, не дал из них ни одного семье Недяку, хотя отец последнего поддерживал престарелого отца Динте, когда тот поехал со своим братом за грузами в Хатангу. Тяжесть проступка Динте заключалась еще в том, что он тут же, в присутствии Недяку, застрелил дикого оленя, но пожалел подарить его, так как олень был очень жирным.

Старик Бульчу жаловался мне на своего соседа, что тот не делится с ним, не дает ему убитых оленей, между тем как он, Бульчу, снабдил своего соседа огнестрельными припасами.

Подарки охотников, возвращающихся после продолжительной охоты на плато Бырранга или Северо-Восточном, носят совершенно иной характер и не требуют обязательного возмещения. Услышав о возвращении с гор охотника, ближайшие соседи приходят к нему в гости, и охотник одаривает их шкурами, а семья его — вяленым мясом и жиром диких оленей. Осенью 1938 г. семья моего хозяина Уранника получила в подарок, не считая вяленого мяса и жира, от дяди Гиндипте три оленьи шкуры, от младшего брата — десять, от родственника Черие и от приятеля Сидипте — по одной шкуре.

При индивидуальной охоте убитые из ружья утки и гуси, а также упромышленные сеткой куропатки идут в раздел в тех случаях, когда соседи терпят нужду в пище. Добыча охотников, отправляющихся легкими аргишами на хребты плато Бырранга и Северо-Восточного, также не считается коллективной. При неудаче одного из охотников товарищи его делятся с ним лишь на варево, чтобы он не голодал.

Если в оленя стреляют одновременно два охотника, то один из них уступает добычу по соглашению другому. Иногда бывает, что оленя преследуют двое, а убивает его один; в таком случае считается приличным со стороны победителя отдать застреленного оленя своему неудачливому товарищу.

Найденное гнездо гуся или утки, в которое птица снесла еще не все яйца, нганасаны отмечают кусочками дерна или сорванной кочкой. Такое гнездо считается ими частной собственностью нашедшего, и тот может спокойно ожидать, пока птица снесет в него остальные яйца.

Права собственности на рыболовные угодья у вадеевских нганасанов, в хозяйстве которых рыболовство не играет большой роли, почти не существует. Однако при сношениях с соседями (долганами, затундренными крестьянами и якутами) это право вадеевскими нганасанами осознается. Так, на оз. Портнягино нганасаны могут пользоваться только одной виской, тогда как остальные виски принадлежат затундренным крестьянам Портнягиным и якутам. Судя по рассказам, в прежнее время все озеро являлось собственностью затундренных крестьян, и они продали на нем нганасанам одну виску.

У таймырских нганасанов, в хозяйстве которых рыболовство имеет значительный вес, право собственности на рыболовные угодья существует. У них каждая рыболовная виска считается коллективной собственностью, хотя хозяином ее номинально является кто-либо из наиболее опытных рыболовов.

Рыболов, прибывший к условленному месту раньше своих товарищей, до их приезда не приступает к лову рыбы. Он начинает ловить рыбу один лишь тогда, когда товарищи его сильно запаздывают; но даже и в этих

случаях продукция, в виде юколы, этим рыболовом не потребляется, а запасается впрок; впоследствии он делит ее между остальными участниками лова поровну.

При индивидуальном лове рыбы, главным образом подледным способом, добыча считается частной собственностью. Подлежит обязательному дележу только первая рыба, пойманная весной. При этом, если в чуме живут две семьи, а поймана всего лишь одна рыба, то и ее делят, разрезая пополам вдоль спины.

В хозяйстве нганасанов еще до недавнего времени наряду с пережитками примитивного коллективизма имели место эксплоатация и имущественное неравенство. Так, многооленные хозяйства и зажиточные охотники, ссужая неимущих охотников оружием и охотничьими припасами, сплошь и рядом претендовали на львиную долю их добычи. На получение „подарков" от охотников рассчитывали также наиболее влиятельные старики и шаманы, которые сами уже переставали охотиться и поэтому не могли отдаривать охотников. Те же старики и шаманы, прикрываясь своим авторитетом, зачастую нарушали установленные веками правовые обычаи. Уже упомянутый старик Гиндипте отнял при мне у молодого охотника Чимаре застреленного им дикого оленя; мотивировал он это тем, что убитый олень якобы „пристал" к стаду его домашних оленей.

Как мы могли заметить, элементы коллективизма сохранились у нганасанов в охоте на оленей и в рыболовстве, т. е. в промыслах, имеющих для них почти исключительно потребительное значение. Совершенно иные отношения лежали до недавнего времени в основе охоты на песцов. Коллективность в распределении здесь совершенно отсутствовала, и шкурки, шедшие на рынок, являлись частной собственностью охотника. Мясо песца шло на „варево" только в голодные годы, так как нганасаны едят его неохотно.

Если не считать песцовых шкурок, наиболее ценным в хозяйстве нганасанов является продукция охоты на дикого оленя: оленье мясо, шкуры, камусы и сухожилия.

Поскольку охота—основное занятие нганасанов, ее продукция не служит предметом обмена между самими нганасанами или торговли и выступает как таковая лишь при сношениях с малооленными соседями—долганами и якутами, испытывающими большую нужду в шкурах для шитья одежды. В обмен на это нганасаны получают от долган и якутов челноки, сети, ружья, капканы, железные изделия, шесты для чумов, хореи и пр.

ОЛЕНЕВОДСТВО. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Вторым основным занятием нганасанов является оленеводство.

По количеству оленей нганасаны едва ли не самые богатые среди других народностей, населяющих Таймырский край. У долган хозяйства, имеющие 50 оленей, считаются богатыми; у нганасанов такие хозяйства считаются бедняцкими. По рассказам стариков, нганасаны прежде имели очень мало оленей, не более десяти голов на хозяйство, поэтому при перекочевках людям нередко приходилось тащить на себе нарты. Летом нганасаны и в настоящее время ездят на оленях сравнительно очень мало, предпочитая ходить пешком. Повидимому, это пережиток того времени.

Олени у нганасанов служат исключительно средством передвижения, а потому чрезвычайно ценятся и оберегаются. Их убивают на мясо лишь в самых исключительных случаях, например весной, до прилета птиц и появления рыбы. Зимой, в суровых полярных условиях, олени являются единственными ездовыми животными, вполне соответствующими природе края. Встарину для перекочевок не требовалось много оленей, так как при тогдашней бедности нганасанов вся их поклажа ограничивалась нюками для маленького чума и махавками для охоты на диких оленей. Кочевали в лесотундре, поэтому возить шесты для чума не требовалось, поскольку каждый раз делали на месте новые. В настоящее время (1938 г.) даже самое бедное нганасанское хозяйство (*ngьlьpsa*) с трудом может обслужить себя при наличии и 50 оленей, не говоря уже о том, что вещей домашнего обихода у

нганасанов стало несоизмеримо больше; не забудем, что каждая взрослая девушка возит теперь с собой минимум одну-две нарты приданого.

Нганасанские олени (*ta* — табл. 8, *1*) принадлежат к особой северной породе, характеризуемой низким ростом, слабосилием, но в то же время и большой выносливостью и приспособленностью к климатическим условиям; они легко переносят жестокие морозы и сильные пурги. Незаменимым качеством нганасанских оленей является их способность быстро поправляться после истощения. Им достаточно побыть на хорошем корму всего лишь несколько часов, чтобы снова восстановить свои силы. Нганасанские тундровые олени менее обучены и более дики по сравнению с долганскими или эвенкийскими—лесными. Они часто убегают из стада и пристают к диким оленям и поэтому для ухода за собой требуют от человека много сил и труда. Упорных оленей-бегунов нганасаны привязывают или надевают им на переднюю ногу деревянный „башмак" (sata, или вака), т. е. заостренный кусок дерева с вырезом на середине для продевания ноги (рис. 20, *а*). Олени-бегуны очень хитры и, заметив, что их собираются ловить, отделяются от стада и убегают.

Зимою нганасанские олени держатся более или менее скученно только в безветренные дни, а в тундре таких дней зимой бывает очень мало. Как только наступает пурга, олени бегут врассыпную, направляясь всегда против ветра, чтобы не раздувалась шерсть. Очень часто они отбегают от стойбища так далеко, что после пурги их приходится разыскивать при помощи оленегонных собак. Весной, когда появляются проталинки, олени разбредаются по одному, и, чтобы не упустить их из виду, приходится за день собирать их по нескольку раз. При этом пастух, сидя на нарте, запряженной двумя оленями с привязанной сзади собакой, подъезжает к оленям и кричит. Услышав его крики, олени сами начинают собираться в стадо. Пасти оленей приходится не только днем, но и ночью, когда земля, оттаявшая за день, замерзает комьями, отчего у пастушеских нарт быстро стачиваются полозья. Чтобы избежать этого, к нартам приколачивают с нижней стороны при помощи шипов подполозники, которые, однако, тоже очень быстро стираются и их приходится заменять новыми через каждые два-три дня.

Пора линьки гусей—время вылета оленьего овода. Рано утром, как только всходит солнце, овод начинает роиться, и олени в панике разбегаются в разные стороны. Это самая тяжелая пора для оленевода. Ни на минуту, ни днем ни ночью, нельзя в это время упускать оленей из вида. Однако, несмотря на принимаемые меры, олени зачастую убегают далеко, и их приходится разыскивать и пригонять с помощью собак. На больших озерах северной тундры лед долго не оттаивает и даже иногда переходит из года в год. В жаркие дни в поисках прохлады олени переплывают через полосу воды у берегов и пытаются перебраться на этот лед. А так как он бывает очень тонким, то не выдерживает тяжести оленей, проламывается, и последние зачастую тонут. По рассказам нганасанов, несколько лет назад таким образом утонуло в озере большое, из нескольких сот голов, стадо

оленей нганасана Серептие Яроцкого. Таким же образом в 1935 г. пропало много оленей у нганасана Еджебиля Купчика.

При продвижении нганасанов на север становится прохладнее, жаркие дни случаются реже, и овод значительно меньше беспокоит оленей, которые быстро отъедаются травой и, будучи сытыми, не разбегаются. Вопреки утверждению Флерова,[1] олени в это время года совершенно равнодушны к моче человека, а зимой они за ней бегают.

На севере, где нет ягеля, когда поблекнет осенью трава, олени, опережая аргиш, бегут к югу и это время требуют за собой усиленного наблюдения. Чтобы удержать стадо, его оставляют на несколько километров позади с таким расчетом, чтобы к тому времени, когда утром начнут сниматься со стойбища, стадо уже могло бы подойти. Такое стремление оленей к югу продолжается до тех пор, пока они не дойдут до ягельных пастбищ.

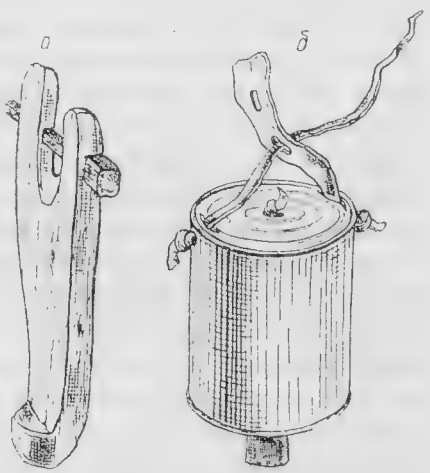


Рис. 20. *а* — деревянный олений „башмак" (дл. 37 см); *б* — колоколец из консервной банки.

С наступлением темных осенних ночей приходится усиленно стеречь оленей от волков; часто оленям привязывают на рога покупные или самодельные (из консервных банок) колокольчики (sa*ng*ku) (рис. 20, *б*; табл. 8, *3*).

В сентябре и в первой половине октября происходит случка домашних оленей. Бывают быки, рано кроющие важенок; они считаются нежелательными в хозяйстве, так как от них важенки рано телятся и телята замерзают от весенних апрельских и ранних майских холодов. В хозяйстве поэтому стараются держать быков, кроющих поздно. Во время случки окостеневают рога у самцов, и они становятся возбужденными, жестоко дерутся друг с другом и, хоркая целыми днями, бегают за важенками. Иногда в это время самцы нападают и на людей. К концу периода случки быки доходят до крайней степени истощения. Отел важенок нормально начинается в мае; так, в 1937 г. у вадеевских нганасанов первой отелилась важенка 10 мая, последней 21 июня (табл. 8, *2*). Уже в апреле стельные важенки становятся менее подвижными, мало едят и большею частью отлеживаются. В это время нганасаны, выжидая отела, целый месяц живут почти оседло или, как принято говорить, „веснуют", меняя стойбища только по мере необходимости, когда выбьется ягель. Такие перекочевки часто не превышают 5—6 км. Для отела выбираются холмистые местности, служащие

[1] Г. П. Адлерберг, Б. С. Виноградов, Н. А. Смирнов, К. К. Флеров. Звери Арктики. Л., 1935, стр. 168.

хорошим укрытием от пург, случающихся здесь иногда даже в первой половине июня. При сильных морозах для защиты телящихся важенок от ветра устраивают снеговые стенки. Несмотря на такого рода предосторожности, в бытность мою у нганасанов почти ежегодно большой процент отела замерзал. Чаще всего это случалось во время пурги, когда телят засыпало снегом. Вначале им бывало под ним тепло, и они лежали совершенно спокойно до тех пор, пока их не засыпало совсем; важенки своих телят не откапывали.

29 мая 1937 г. на р. Большой Балахне во время „весновки" разбушевалась невиданной силы пурга, от которой погибли почти все телята у вадеевских нганасанов, и важенки их несколько дней ходили хоркая в поисках своих телят.

Во время отела важенок отделяют от общего стада и угоняют подальше от стойбища, чтобы рождающихся телят не загрызли собаки. Некоторые важенки перед наступлением отела сами отделяются от стада и убегают далеко. В первые дни после отела нганасаны не позволяют дотрагиваться до телят голыми руками, предполагая, что важенки, почуяв запах человека, оставят своих детенышей. Случается, что молодые важенки-двухлетки без видимых причин бросают своих телят. Очень слабых телят, пока они не окрепнут, нганасаны возят на нартах.

Во время отела важенок из тундры набегает много песцов, которые загрызают еще беспомощных телят. Песцы скрываются в логовищах от пастухов и выжидают, когда те хоть на некоторое время отлучатся от стада. Иногда важенки домашних оленей спариваются с быками диких. Как передают нганасаны, теленок от быка дикого оленя остается диким, бросается на людей, а когда подрастает, не остается при стаде, а убегает к диким.

У нехолощеных самцов рога спадают сразу же после периода гона, у холощеных — в марте—апреле, у важенок — после отела. К августу рога отрастают в виде хрящевидных стволов, покрытых снаружи тонкой кожицей с низкой бархатистой шерстью. Затем хрящ окостеневает, и олень начинает тереться о камни или деревья, сдирая с рогов эту кожицу. Эта операция сопровождается кровотечением, но, по всей видимости, она протекает для оленей безболезненно. Олени, истощенные грузоперевозками, рогов не сбрасывают; не сбрасывают их также кастрированные олени (kuopta) в год кастрации.

У жирных, упитанных оленей рога бывают ветвистыми и толстыми, у истощенных — часто совсем не вырастают. Благодаря рогам олень, вопреки установившимся взглядам, не такое уж беззащитное животное. Так, самец-олень во время гона может забодать человека до смерти. Сильные быки в этот период иногда отбиваются даже от волков, пуская в ход не только рога, но и копыта. Сильная важенка также в состоянии защитить рогами своего теленка, и ее могут осилить только два волка, нападая на нее с двух сторон.

Оставляя на стадо одного, максимум двух производителей, нганасаны остальных быков кастрируют. Кастрация делает оленей более сильными и выносливыми.

Кастрируют быков-двухлеток весной или осенью. Кастрирование производится двумя способами: яички либо вырезаются ножом, либо раздавливаются зубами. Старых оленей не кастрируют, так как считают, что они после этого нередко гибнут.

Некоторые олени бывают потливыми, отчего мясо их приобретает дурной вкус и запах и годится в употребление лишь в вареном виде; однако эти олени наиболее выносливы и работоспособны.

Приучать оленей к езде начинают на третьем году; их дрессируют не только взрослые, но и дети, которые надевают на оленя недоуздок и, дергая за вожжу и погоняя хореем, приучают их поворачиваться то в ту, то в другую сторону. Верховой езды на оленях нганасаны не знают и зимой и летом ездят только на нартах. Лишь у вадеевских нганасанов можно иногда встретить верховых оленей, купленных у долган или у якутов, так как сами нганасаны приучать оленей к верховой езде не умеют. Кроме того, слабосильный нганасанский олень вряд ли сумел бы выдержать всадника.

В отличие от долган, нганасаны управляют запряженными оленями с левой стороны; вожжа у них называется insude bьnь. В ездовую нарту запрягают двух—четырех оленей, редко — пять. Встарину, когда в оленях ощущался недостаток, в нарту запрягали лишь одного оленя. Передовиком или управляемым оленем обычно бывает бык, поэтому и наголовник его делается больше, чем у пристяжных — важенок.

Наголовник (*fute*) передового оленя представляет две узкие пластинки из мамонтова клыка или распиленного надвое оленьего рога. Левая пластинка прямая, делается длиннее правой, изогнутой. Обе они имеют на концах отверстия, через которые пропускается длинный ремень, соединяющий концы правой и левой пластинок, образуя кольцо — наголовник. Последний надевается на морду оленя так, чтобы пластинки его как раз приходились над бровями. Наголовник укрепляют при помощи особого ремешка и костяной или деревянной застежки на затылке, у основания рогов. К концу длинной надбровной пластинки привязывается ременная вожжа (рис. 21, *а*, 22, *а*).

Пояс (kamar*u*pt*u* — рис. 21, *б*), охватывающий грудь оленя, делается из полосы сыромяти или черного сафьяна, шириной до 40 см. У щегольской упряжки конец пояса с левой стороны свешивается почти до земли. С левой стороны пояса передового оленя прикрепляется сделанный из кости и рога держатель вожжи (bьnьb*a*ba), предохраняющий ее от волочения по земле. Он представляет выем, в который вкладывается середина вожжи. К левому концу пояса пришивается на коротком ремешке медное или железное кольцо, имеющее привязанную деревянную или костяную застежку для пристегивания правого конца пояса, на котором делается особый вырез или же с внутренней стороны пояса пришивается ременная петля. К этому

кольцу привязывается, кроме того, ременный потяг для волока нарты (рис. 21, *д*). Лямка (fudar — рис. 21, *в*, 24, б) состоит из полосы сафьяна или двух камусов, пришитых друг к другу своими широкими концами, с петлями на узких концах. Левый конец лямки пропускается между передними ногами оленя, и оба конца вместе пристегиваются к кольцу с нижнего края пояса. Чтобы лямка не поднималась, ее затягивают под грудью особым ремешком (*sukudь bьnь* — рис. 21 и табл. 9, *I*).

Рис. 21. Оленья упряжь. *а* — наголовник; *б* — пояс; *в* — лямка; *г* — наголовник пристяжного оленя; *д* — постромки крайней оленьей упряжи; *е* — постромки среднего оленя упряжи.

У пристяжных оленей пояса и лямки те же, что и у передового оленя. Наголовники пристяжных оленей вместо узких налобных пластинок имеют две широкие нащечные, сделанные из кости или рога. Эти наголовники соединяются ремнями или железными цепями с поясом левого оленя. Ременные потяги, шириною около 2 см, служат для прикрепления оленей к нартам. Длинный потяг (*suong*) соединяет с нартой двух крайних оленей и пропускается через крайние блоки (*ngangupse nufa*). Короткий потяг (nakurьptasa) соединяет нарту с пристяжными средними оленями при помощи блоков, вдетых на большой потяг. Нащечники наголовников как мужской, так и женской оленьей упряжи обильно украшаются гравированными орнаментами (рис. 22 и 24).

В аргише под задние (грузовые) нарты запрягается обычно по два оленя, на которых надеваются лишь одни лямки без поясов, и короткие поводки их наголовников привязываются к задникам передних нарт. В более

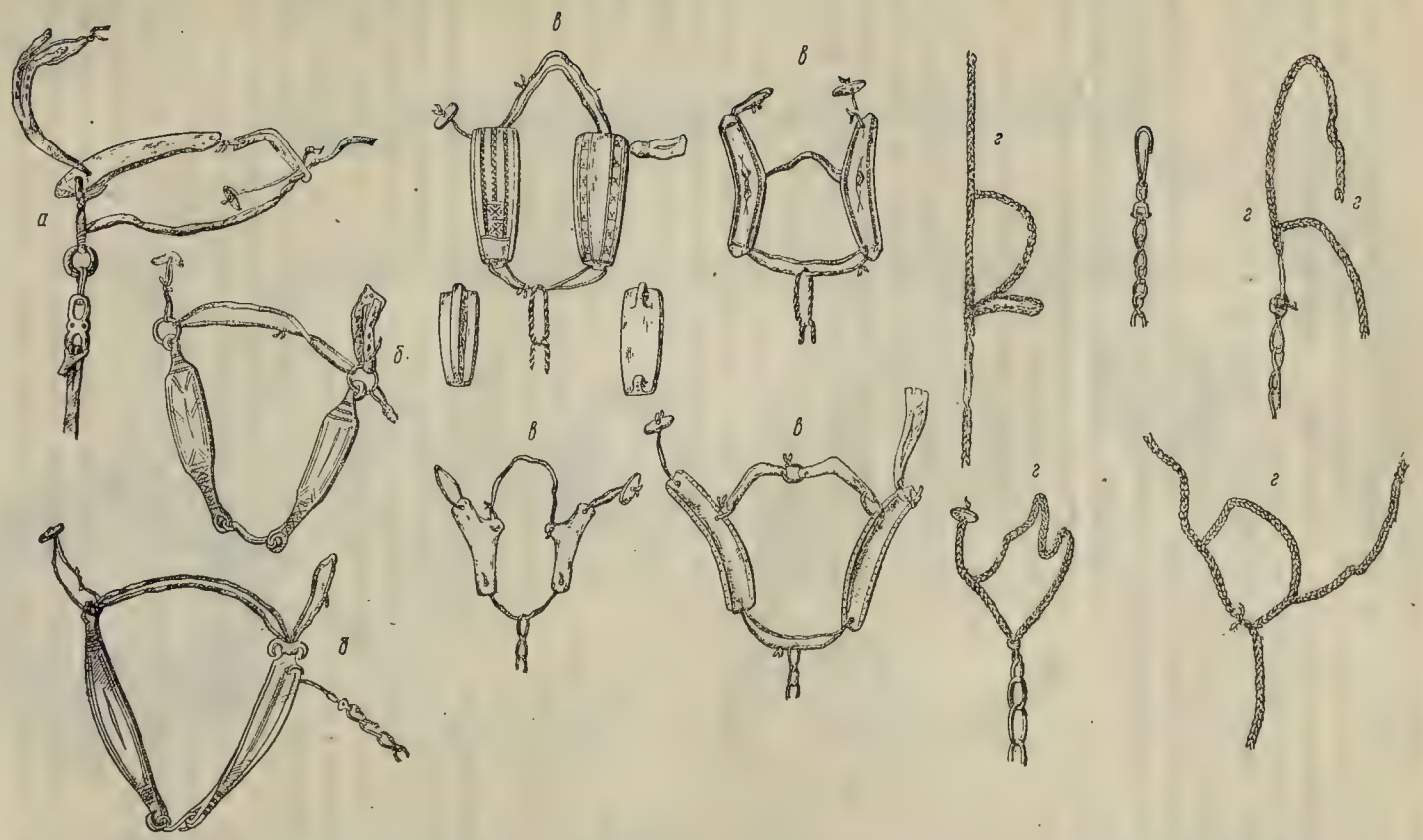


Рис. 22. Виды оленьих наголовников. *а* — наголовники передового оленя с костяными налобниками; *б* — наголовники с железными нащечными пластинками; *в* — наголовники оленей женского каравана; *г* — то же, плетеные из оленьих сухожилий.

зажиточных хозяйствах ременные поводки наголовников заменяются железными самодельными цепями, имеющими продолговатые витые звенья (рис. 22). Обычно у большинства задних упряжных оленей аргиша наголовники не имеют нащечных пластинок и состоят из веревок, плетеных из оленьих сухожилий (рис. 22). Иногда нащечные пластинки делаются из железа и украшаются медной инкрустацией (рис. 22, б). У женских и грузовых нарт блоки делаются особой формы (рис. 23, а).

Нганасанские нарты бывают четырех типов: 1) легковые, 2) аргишные женские или грузовые, 3) для перевозки чума и домашнего скарба и 4) для перевозки челноков. Кроме того, у нганасанов встречаются грузовые нарты „турку", покупаемые на факториях.[1]

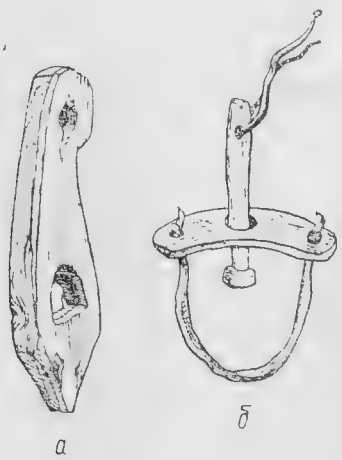


Рис. 23. *а* — Блок женской нарты (дл. 26 см); *б* — подвижной ошейник для привязывания собаки.

Легковые нарты бывают двух видов: 1) ездовая нарта (in*s*uda kanta — рис. 25, *а*) такой же конструкции, как долганские olok *h*ьrga с передком (tundьrtь) и задником из узких досок с четырьмя или пятью копыльями (kanda*ng*uoj), поставленными на полозья (*ng*ang*t*umi) с наклоном назад и в стороны для придания нарте устойчивости, и 2) ездовая нарта (ire*n*ka — рис. 25, *б*) на трех низких, прямо поставленных копыльях. На in*s*uda kanta чаще ездят мужчины, и поэтому к ней с правого бока привязывают ружейный чехол из сафьяна. Ire*n*ka встречается и у долган. Вследствие легкости она употребляется нганасанами главным образом при летней езде. Зимою же на ней ездят вне аргиша почти исключительно женщины.

Второй тип санок — женские (*ngad*umie) и грузовые (kunsьma) — специально аргишные, употребляются только зимой и встречаются, насколько мне известно, только у нганасанов (рис. 25, *в*). По конструкции оба вида сходны и отличаются друг от друга лишь нарядом и украшениями. И женские, и грузовые нарты имеют по три копыла на высоких скошенных ножках для предохранения их от снежных заносов. Боковые стенки короба нарты (bajka), сделанные из комля дерева, имеют на задней стороне Г-образный изгиб, для чего используется естественная изогнутость комля. С западной стороны нарты к этой изогнутой части пришиваются ремешком доски, образующие высокую закругленную спинку. Передок также делается закругленным и высоким. Для большей устойчивости полозья нарты расставляются, вследствие чего передние концы боковых стенок сиденья (по местному русскому — „байка") несколько отводятся в стороны по сравнению с шириной короба. Боковые стенки короба тонкие и снабжаются по краям

[1] См. нашу работу „Оленеводство у долган". Сов. этнография, 1935, № 4—5, стр. 196.

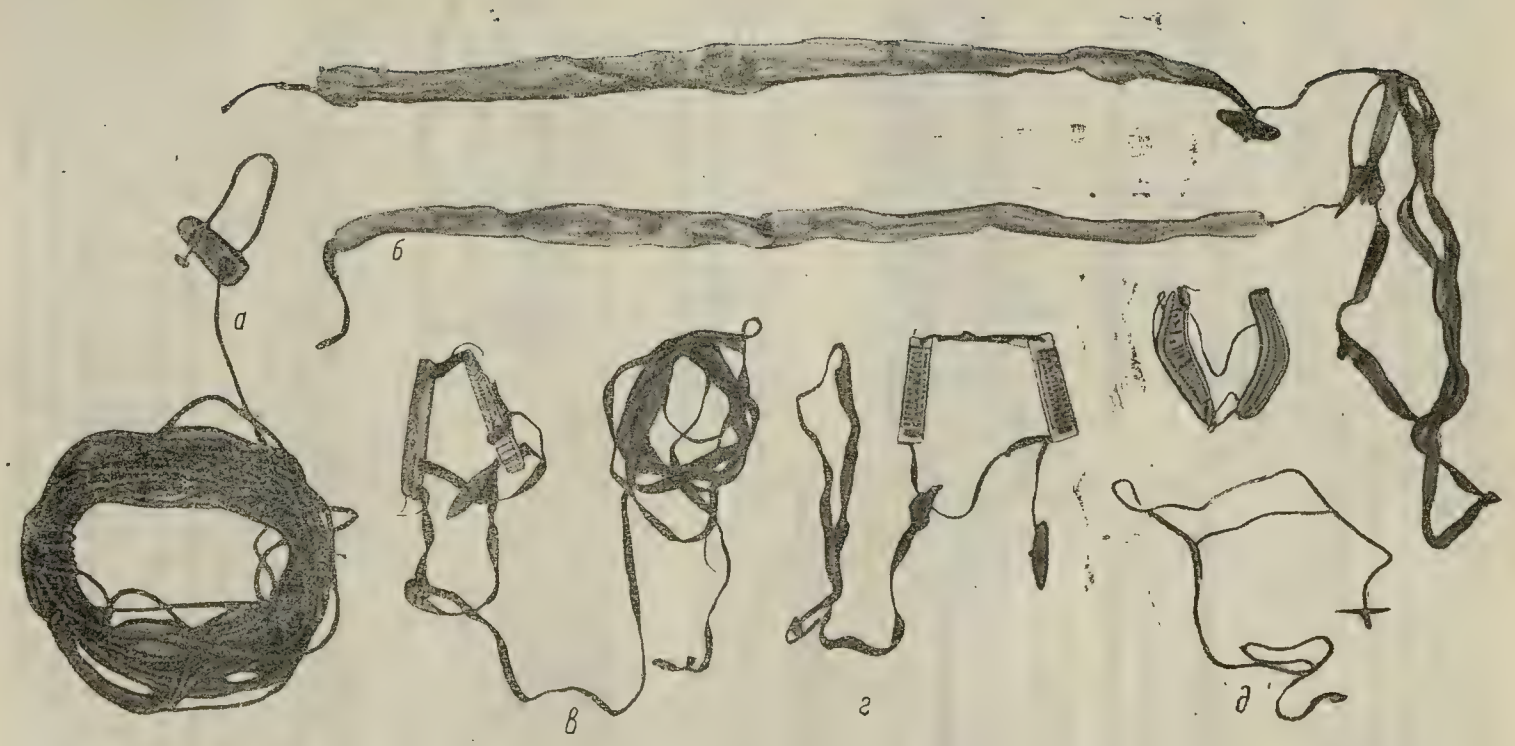


Рис. 24. Части оленьей упряжки. *а* — аркан для ловли оленей; *б* — лямки из камусов для задних оленей каравана; *в* — *г* — наголовники с вожжами для передних оленей; *д* — наголовник заднего оленя женского каравана и таковой же из сухожилий.

толстыми кромками с отверстиями для верхних концов ножек копыла. Полозья в нижней своей части, на которые устанавливаются ножки копыльев, имеют утолщение, постепенно исчезающее по изгибу и вновь появляющееся на верхних концах там, где вставляются байки и поперечина.

Нарта *ngadu*mie покрывается сверху меховым пологом (*jufu*), обшитым по краям апликацией из цветных сукон и широкими ровдужными кистями,

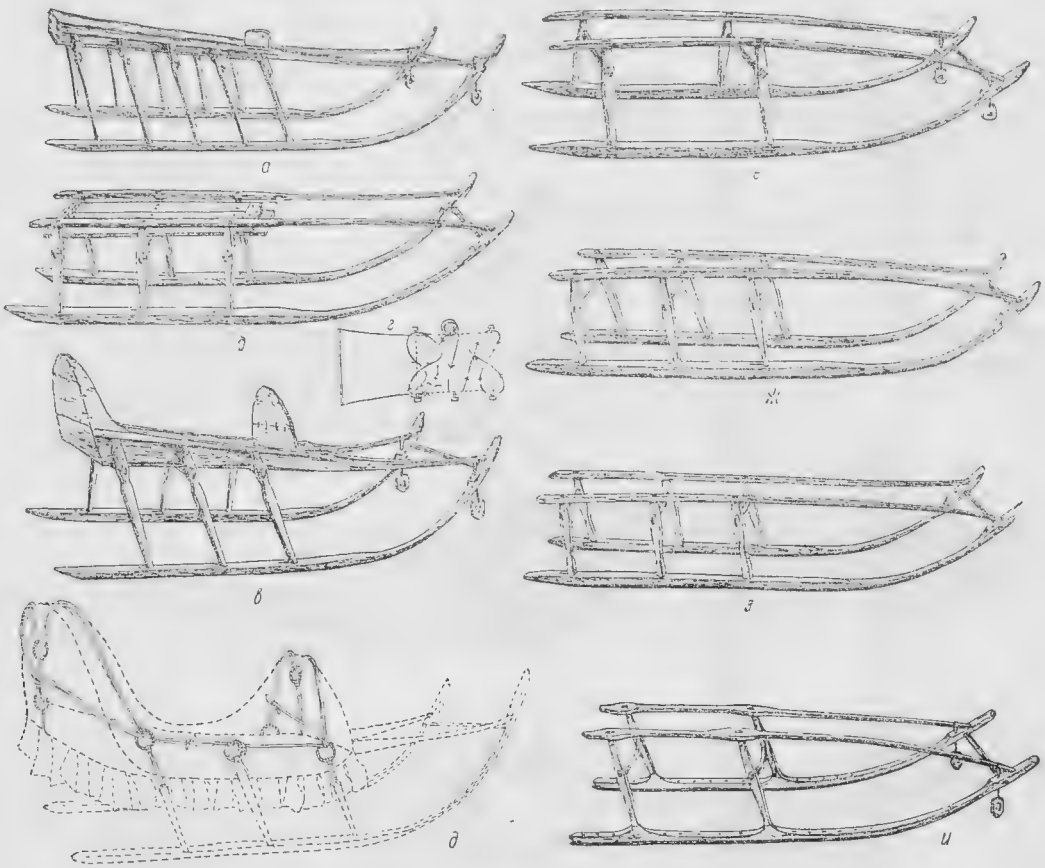


Рис. 25. Различные типы нарт. *а, б* — ездовые нарты; *в* — женская и грузовая нарты; *г* — схема увязки грузовой нарты; *д* — схема вязок чехла женской нарты; *е, ж, з* — нарты для перевозки принадлежностей чума; *и* — нарты для перевозки ветки.

окрашенными в красный цвет. Сверху на полог надевается чехол из белой материи, который привязывается к нарте вместе с пологом при помощи семи медных или железных колец или блях, через которые пропускаются ремешки, окрашенные в желтый цвет (рис. 25, *д*). Полог раскрывается с левой стороны. В большие морозы женщины, садясь на нарту, закрывают голову и спину пологом, оставляя открытыми лишь руки для управления оленями и лицо (табл. 20). Полог в этих случаях заменяет предохра-

няющий от пурги совик, который женщины не носят. Сиденье женской нарты покрывается ковриком из оленьих шкур. Женская нарта употребляется лишь при аргишной езде, а потому за нею всегда следуют вереницей привязанные за повода олени с грузовыми нартами. Упряжь свадебной и погребальной женской нарты делается особенно нарядной. Пояса шьются из цветных сукон с апликацией, лямки — из окрашенной в желтый цвет кожи с кистями из белого песцового и черного собачьего меха, называемыми „шмелем" (fi*lt*ire), так как они напоминают пестроту последнего. Передняя перекладина нарты украшается плетеными кистями из окрашенных ремней (табл. 36).

В грузовые нарты (табл. 9, *2*) складывается вся нарядная и запасная одежда, приданое взрослых дочерей, запасы муки и других про-

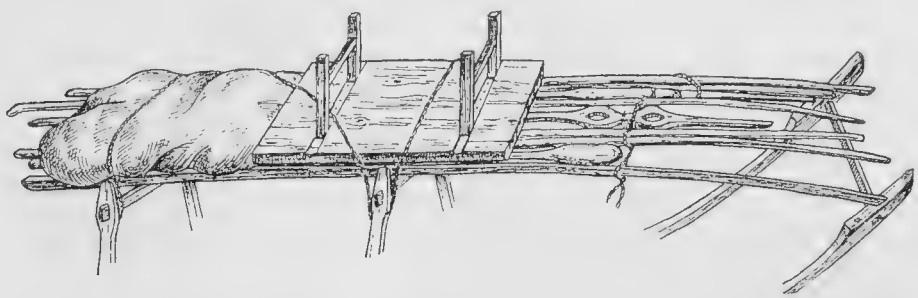


Рис. 26. Способ укладки груза на нарту для перевозки принадлежностей чума. Сзади, завернутые в нюк кухонные принадлежности, в середине привязан стол в перевернутом виде. Настил нарты заменяют уложенные в один ряд жерди чума.

дуктов; все это кладется в форме горбыля, непроницаемого для снежных заносов, и закрывается особым покрывалом (fant*u*j), сшитым из оленьих камусов (табл. 9, *3*), причем особенно ценится покрывало из белых камусов. Груз (*t*erad*ь*) перевязывается раз навсегда установленным способом с помощью длинной веревки, плетеной из расщепленных волокон сухожилий (рис. 25, *г*). Середина веревки прикрепляется к ножке среднего копыла с левой стороны, и груз перевязывается в обе стороны. Такой способ представляет большие удобства, так как, зная, в какой половине находится нужный вам предмет, вы можете достать его, не разрушая при этом всей упаковки. У женских и грузовых нарт блоки имеют изогнутую форму.

Третий тип нарт употребляется зимой и летом для перевозки шестового чума и вещей домашнего обихода, например постелей, женской одежды, считающихся нечистыми; их поэтому никогда не кладут в другие нарты. Нарты третьего типа отличаются большой легкостью, так как дощатый настил сиденья у них заменятся жердями чума, плетеными цыновками юрты и т. д. (рис. 26).

Первый вид нарт этого типа (*nguu*se) имеет два копыла и служит для перевозки жердей чума (рис. 25, *е*). Второй вид (ke*ng*dusa) имеет три копыла и служит для перевозки нюков и постелей (рис. 25, *ж*). Наконец,

третий вид (tuobuo) делается по конструкции более массивным, имеет три копыла на низких ножках и употребляется для перевозки дощатого настила чума (рис. 25, з).

Четвертый тип нарт употребляется специально для перевозки веток (рис. 25, *и* и 27) и представляет двухкопыльную нарту на высоких ножках без сиденья. Байки в этих нартах заменяются тонкими брусками, передние концы которых упираются в верхнюю, загнутую часть полозьев. Ножки у копыльев вставляются с наклоном назад и во внутрь таким образом, чтобы верхние края нарты вплотную прилегали к бортам ветки. Верхние концы ножек имеют отверстия, через которые пропускается веревка для привязывания ветки. Вязки у копыльев имеют вырезы, по форме совпадающие с кривизной дна ветки. Такие же нарты имеются и у долган.

При езде оленей погоняют хореем (suo*ng*ka), длинной палкой, имеющей на переднем конце костяной кружок (lapsada), предохраняющий оленя от ранений, на заднем — железное копье для втыкания хорея в снег. Короткие хореи считаются неудобными, так как при внезапной остановке на них можно наколоться. Наиболее излюблены березовые хореи, прямые и без сучьев, привозимые с Енисея, равные по стоимости одному оленю (100 руб.).

Для ловли оленей употребляется аркан (tansa) — веревка, сплетенная из ремней, длиной 25—30 м (рис. 24, *а*). Конец аркана вдевается в костяную пластинку с двумя отверстиями, и к нему привязывается костяная шпилька, удерживающая его от выпадения. Аркан приготовляют петлей, которую надевают и затем наматывают на локоть левой руки; часть витков без петли перекладывается в левую руку. Свободный конец аркана с петлей бросают правой рукой на голову намеченного оленя, стараясь зацепить его за рога. Если приходится ловить много оленей, аркан бросают, не сходя с нарты, на которой ездят посреди стада.

Когда у оленей спадают рога, ловить их арканом становится трудно, и тогда для ловли применяют другой способ. Два или три человека, объезжая стадо на нартах, с помощью собак загоняют оленей в одно место, держа в руках растянутый аркан. Мужчины берут конец аркана, заходят с ним в стадо и, хватая оленей за шеи, привязывают их особым узлом к аркану, штук по 12 (табл. 10, *1*). При таком способе ловли экономится много труда и времени. Пойманные олени подводятся к грузовым нартам, и на них надевают наголовники, которые всегда висят на задних спинках этих нарт. Чтобы запрячь оленей в нарту, ее приходится подтаскивать к ним.

Если пойманный олень упирается ногами и пятится назад, арканщик, перехватывая веревку руками, приближается к оленю, схватывает его за шею и отводит к месту упряжи.

Большую помощь в собирании стада и в ловле оленей оказывают оленегонные собаки из породы коротконогих северных лаек, белой масти, несколько напоминающие песцов (табл. 10, *2*). Достаточно пастуху крикнуть, как собаки сразу же сгоняют в одно место всех разбредшихся оленей. Нганасаны поставляют оленегонных собак своим соседям — долга-

нам и северным якутам, которые покупают нганасанских собак за большую цену. Этих собак обычно привязывают внутри чума или к нартам при помощи подвижных блоков (рис. 23, *б*).

Олени, в зависимости от своего назначения, внешнего вида и возраста, носят различные названия. Kar*t*aga — олень с ветвистыми рогами, k*u*sega — с близко сдвинутыми рогами, lalujka — с широкими рогами, k*u*ma — с рогами без разветвлений, k*u*maku — с рогом, направленным вперед, b*ang*ka — однорогий, moluoja — с обломанным рогом, seluoku — сбрасывающий кожу с ро-

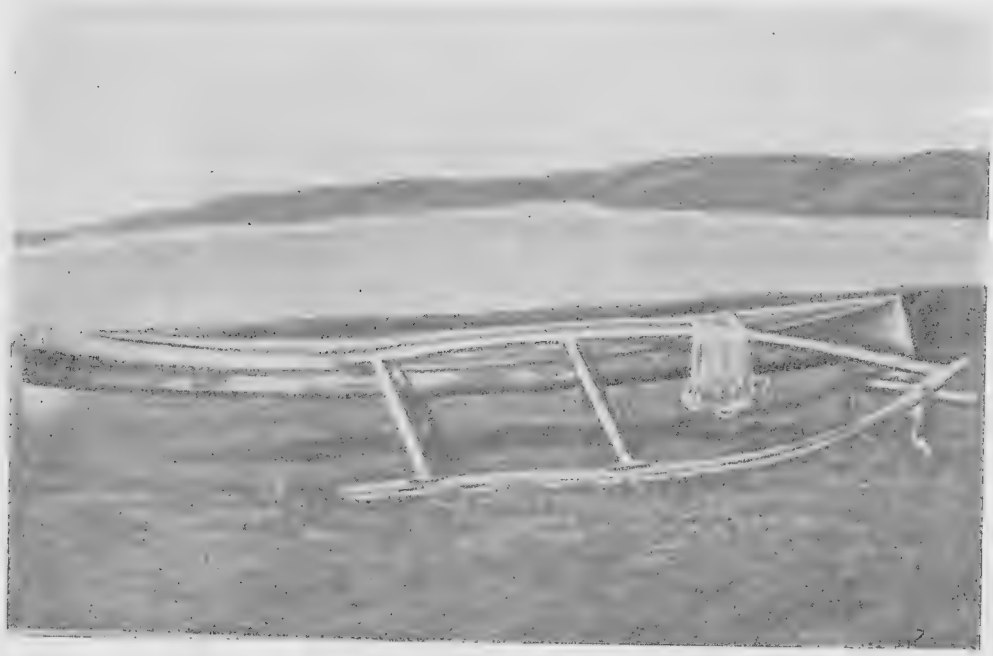


Рис. 27. Ветка-однодеревка якутского типа на специальной нарте. Вертикальные линии на носу ветки обозначают стоимость ее в оленях.

гов, t*ang*kaga — упряжной, *t*eras*ь* — верховой, *ng*eru*ong*ku — олень легковой упряжи, *ng*adasi — аргишный и jefie — старый олень. Mo*jь*da*ngku* — олень трехлетний, *ng*akuruta — четырехлетний, *t*atamta — пятилетний, sambamta — шестилетний, jojbaku — самец-однолеток, *sь*raku — самка-однолетка. Самец-производитель называется kurie. Кроме того, оленям дают прозвища, обычно по именам тех людей, у которых их приобретают, или же говорят: сын или дочь важенки такой-то масти. Нганасаны различают пять мастей: malieku — пестрые, fie*ng*e*ng*ku — черные, s*ь*ra*ng*ku — белые, s*ь*rajkuo — серые и tuojakuo — рыжевато-черные олени.

У нганасанов олени метятся двумя способами: тамгой на шерсти (зимой) и, кроме того, фигурным вырезом на ушах. Последний способ более надежен, так как с очередной линькой тамга на шерсти исчезает. Однако

зимняя метка тамгой имеет то преимущество, что принадлежность оленя тому или другому хозяину узнается по ней издалека. Иногда несколько оленей в стаде совсем не отмечают, и это служит им отличием от всех остальных — меченых. Тамги оленя передаются по наследству от отца к младшему сыну. Другие дети, отделяясь от отца, должны придумывать себе новые тамги. Купив оленя, хозяин вырезает на его ушах свою метку; при этом старая метка зачастую вырезается совсем, в результате чего у некоторых оленей остаются от ушей одни лишь основания.

Скопление большого количества оленей в одних руках приводило до революции к классовому расслоению нганасанов. Имевшие много оленей получали возможность охотиться на более далеких расстояниях, там, где зверь еще не был вспугнут; кроме того, многооленные хозяева отдавали своих оленей в пользование беднякам на год за кабальную плату в размере одной песцовой шкурки, стоимость которой равнялась 5 руб., при цене оленя в 10—15 руб. (стоимость важенки до революции).

Совсем обедневшим семьям олени давались в безвозмездное пользование на определенный срок. Но если за это время с оленями что-либо случалось, пользовавшиеся ими обязаны были уплатить хозяину их стоимость полностью или частично. Такого рода формы вспомоществования ставили бедняков в материальную зависимость от зажиточных. Последние часто эксплоатировали бедняков, посылая их на своих оленях возчиками грузов, причем совершенно не оплачивали их труд. Возчики-бедняки должны были довольствоваться тем, что они кормились за счет хозяина оленей.

Владельцы многочисленных оленных стад большею частью пользовались наемными пастухами. Нанимали пастухов на год, считая год по-нганасански, т. е. на лето или на зиму. За год пастуху платили двумя оленями; он обязан был за это не только пасти стадо, но в свободное от пастьбы время охотиться на диких оленей, сдавая всю добычу хозяину. Последний обеспечивал его лишь одеждой и пищей. Если олень погибал или терялся по недосмотру пастуха, хозяин мог взыскать с него стоимость оленя. Надо сказать, что у нганасанов олени гибнут меньше, чем у долган. Массовые падежи случаются лишь иногда зимой при гололедицах, когда из-за твердого наста олени не в состоянии доставать ягель из-под снега. Эпидемия сибирской язвы и копытница случаются очень редко. Летом бывают случаи отравления оленей каким-то ядовитым растением — у них вздуваются животы, и они гибнут. Мясом таких оленей нганасаны не пользуются и берут от них только шкуру.

ОРУДИЯ И ПРОЦЕССЫ ПРОИЗВОДСТВА

Техника у нганасанов, по сравнению с их соседями-долганами, стоит на более низком уровне и заключается в обработке дерева, кости, железа и кожи.

Все производство носит почти исключительно потребительский характер, обслуживая внутрихозяйственные нужды. Поэтому не может быть и речи о профессионалах-ремесленниках. Почти каждый в своем хозяйстве является одновременно и мастером по обработке дерева, и кузнецом, хотя нередко выделяются наиболее способные в какой-либо одной отрасли, например хорошие мастера по выделке нарт, плетению арканов и т. д. Сколько-нибудь развитого общественного разделения труда у нганасанов не имеется.

В хозяйстве нганасанов большое значение имеет разделение труда между полами. Один вид работы выполняется только мужчинами, другой — только женщинами, причем женские работы еще недавно считались для мужчин зазорными. Мужчины занимаются обработкой дерева, кости и железа, а также плетением арканов и сетей, женщины — шитьем и выделкой шкур.

Для различных поделок из дерева чаще всего употребляется лиственница, ибо она являетея единственным видом дерева, растущего в лесотундре. Из нее делают нарты, подполозники, челаки (блоки), чумовые шесты, блюда для еды, ложки, коробочки и пр. Береза покупается в государственных торговых организациях и идет главным образом на выделку полозьев грузовых нарт типа „turku".

Орудиями для обработки дерева служат: топор, нож, сверло, шило (tata), иногда пила-ножовка (*n*ger*h*e). Топоры и пилы только привозные; первые иногда якутского изделия.

Топор (toboko) и нож (k*u*m*a*) являются наиболее универсальными орудиями, причем последний в нганасанском хозяйстве зачастую заменяет собою пилу и рубанок. Держа его за обух, лезвием, как ножом, сглаживают поверхность дерева, а также обтесывают доски, достигая при этом большого мастерства. Ввиду отсутствия пилы деревья не распиливаются, а разрубаются топором косыми затесами с обеих сторон.

Нганасанские ножи имеют типичную форму, распространенную почти у всех народов Сибири, в виде узкого, длинного, заостренного клинка, удобного для просверливания отверстий. Стругают ножом в направлении от себя.

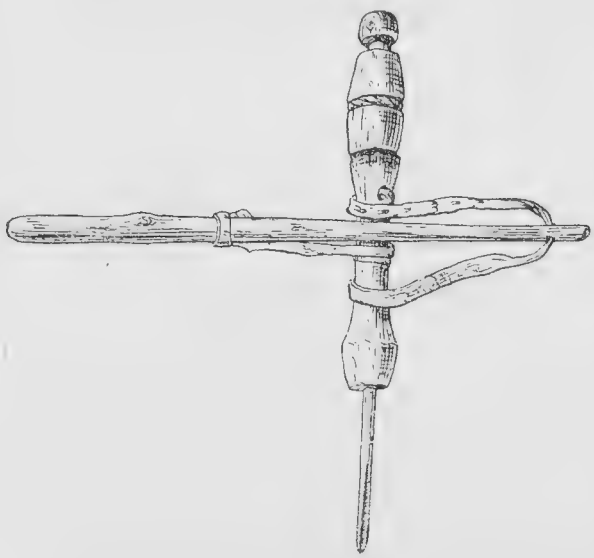


Рис. 28. Малое лучковое сверло.

Для сверления дерева употребляются лучковые сверла — большие (anik*a* *s*iedip*s*i) и малое (*nga*apsa), совершенно одинаковые по своему устройству и отличающиеся только размерами. В рукоятку сверла (fo*ng*kadu) вставляется железный желобовидный наконечник (*si*edipsi).

В средней своей части рукоятка имеет отверстие, через которое пропускается ременная тетива лучка. На ее верхнем конце имеется утолщение (с m*ung*kadu) с деревянным, свободно вращающимся кольцом (jijkudu), состоящим из двух половинок, соединенных ремневой вязкой (s*i*g*u*mut*u*), пропущенной по специальному желобку в середине. Лучок (jintada) делается из тонкой, слегка изогнутой палки с отверстиями по концам для привязывания тетивы (bьnьti), которая закидывается за рукоятку (рис. 28). Держа левой рукой кольцо, вращающееся свободно вокруг оси рукоятки, правой рукой водят лучком взад и вперед, приводя во вращательное движение самое сверло. Лучковое сверло удобно тем, что им можно сверлить как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении.

Большое сверло употребляется исключительно для высверливания больших отверстий при скреплении частей нарт. Маленьким сверлом высверливают мелкие отверстия, необходимые, например, для сшивания досок при выделке ящичков, задников и передков нарт. Большое сверло вместе с арканом является неизменным спутником каждого ездока на далекое расстояние на случай поломки нарты в дороге. Когда необходимо сделать лучковым сверлом большое отверстие, например на копыльях для концов ножек, про-

сверливают на близком расстоянии друг от друга несколько отверстий и стенки, отделяющие их, удаляют концом ножа.

Доски у нганасанов соединяются посредством деревянных гвоздей или сшиваются шнурками из оленьих сухожилий. При этом шнурок скручивается таким образом, что твердый сухой конец сухожилия в виде иглы оставляется для удобства продевания через отверстие. Других способов соединения досок нганасаны не знают. Крышки для коробок делаются без боковых стенок, в виде простой доски; шарниры заменяются вязками из сухожилий в двух или трех местах.

В свободное время мужчины обычно заняты изготовлением нарт. Зимой, когда стойбища находятся в лесотундре, мужчины исподволь заготовляют большой запас полозьев на все лето и осень, однако заменяют их только в тех случаях, когда они приходят в полную негодность. Нередко можно видеть полозья чуть ли не с десятками заплат, которые не разваливаются только благодаря подполозникам (табл. 10, *3*).[1]

При выделке нарты сначала заготовляются полозья. Сперва они обстругиваются топором, а затем — для придания им надлежащей формы — сглаживаются ножом. После этого делаются „байки" — боковые стенки короба сиденья, ножки и вязки копыльев. На ножках острием ножа размечают места для отверстий концов вязки, то же самое делают на байках и на полозьях для отверстий верхнего и нижнего концов ножек. На размеченных местах большим лучковым сверлом делают отверстия, которым концом ножа придают квадратную форму. После этого примеряют копылья, вставляют их в байки в полозья, затем отделяют полозья и вносят их в чум. В чуме тонкие концы полозьев нагревают над огнем очага и сгибают, употребляя в качестве упора вертикально поставленный топор. Согнутые полозья выносят на улицу и вставляют в них копылья с байками. Концы байков насаживают на согнутую часть полозьев и, чтобы те не распрямились, стягивают их веревками. Затем концы байков и полозьев просверливают, закрепляют деревянными гвоздями и снимают с них стягивающую веревку. После этого пришивают дощатый настил сиденья, передок и задник.

Хотя каждый мужчина умеет делать нарты, но между ними встречаются и признанные мастера этого дела, особенно по выделке женских и грузовых нарт. Стоимость легковой, грузовой и женской нарты равна цене одного оленя. Ire*ng*ka не продается, так как ее умеет делать всякий.

Из оленьего рога и мамонтовой кости нганасаны выделывают главным образом части оленьей упряжи (нащечники, застежки, держатели и т. д.), а также курительные трубки, палки для стряхивания снега с обуви. Орудием для обработки кости и рога служит только нож. Кусочки кости и рога,

[1] Подполозниками называются стесанные жерди, приколачиваемые деревянными шипами с нижней стороны полозьев для предохранения их от стирания при поездках по твердой и каменистой почве.

подлежащие обработке, для смягчения кладутся в теплую воду, затем обтесываются топором и отделываются ножом. Нащечники оленьей упряжи обильно украшаются гравировкой, производимой концом ножа. В углубления линий втирается грязь для получения черных узоров и красная краска — для получения красных.

Хотя у нганасанов имеются собственные термины для обозначения железа (jad*u*ja) и меди (basada*ng* — желтая медь, *n*orumu — красная), добывание их из руды им не известно. Таймырские нганасаны считаются лучшими кузнецами среди своих соплеменников, однако кузнечество их очень примитивно. Этим и объясняется тот факт, что подавляющее большинство железных предметов в хозяйстве нганасанов привозное: либо это русские фабричные изделия, либо якутские кустарные. Нганасанский кузнец имеет следующие инструменты: небольшой обыкновенный мех с дощатым овальным дном и верхом, с боковой кожаной обшивкой (ka*d*a), употребляемый и при раздувании огня в очаге, маленькие железные клещи (tuoptu), молоток (m*ь*a) и напильник, в редких случаях у кузнецов имеется наковальня, обычно же ее заменяет обух топора. Кузнечат нганасаны прямо на огне очага. Искусство припая и литья им не известно (табл. 10, *4*).

Из железа нганасаны изготовляют трубки, игольники, крюки для вытаскивания мяса, крючки для прочистки трубок от золы, оленьи нащечники, цепочки для оленьих наголовников, ножи и огнива (рис. 29).

Трубки выделываются из старых ружейных стволов, игольники — из кусочков листового железа или меди, сгибаемых в трубочку и украшаемых насечками. Витые звенья цепей оленьих наголовников для женской упряжи изготовляются следующим образом: двое берут щипцами докрасна раскаленный железный прут, и один из них скручивает его до тех пор, пока железо не остынет. Огниво и ножи делаются обычно из железных частей капкана. Нганасанское огниво по своей форме несколько напоминает эвенкийское, но отличается от него тем, что несколько закруглено снизу. Мешок для трута подвешивается отдельно. Ножи нганасаны вытачивают при помощи напильника из бруска железа. Эта работа очень трудоемкая и зачастую длится по нескольку дней. Инкрустация по железу делается медью, изредка серебром; техника при этом та же, что и у долган.[1] Из желтой листовой меди вырезывают подвески для женского комбинэ и, кроме того, выделывают ножны. И те и другие украшаются штампованными узорами. Штампы изготовляются главным образом из обломков железных ножей (рис. 30).

Следует указать еще на один способ инкрустации, встречающийся, насколько мне известно, только у нганасанов. Он состоит в том, что желтую листовую медь чрезвычайно тонко инкрустируют красной медью и серебром в виде вклепанных кружочков различной величины, окаймленных

---

[1] Подробно описана в нашей работе „Техника у долган". Сов. этнография, 1937, № 1, стр. 121—122.

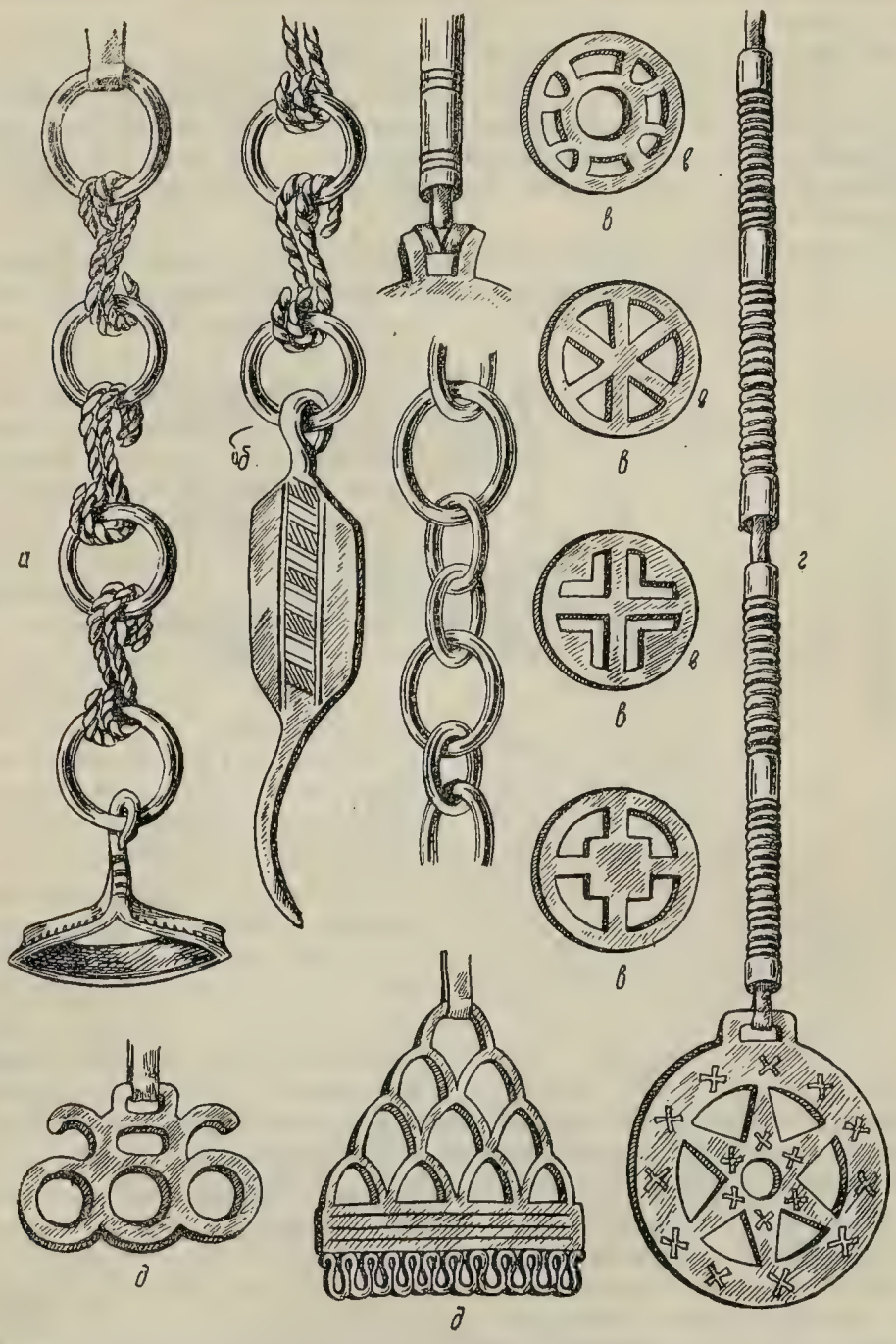


Рис. 29. Металлические изделия. *а* — железное огниво на цепи из медных колец; *б* — железная ковырялка трубки; *в*, *д* — образцы медных блях — женских подвесок, прикрепляемых к нижнему концу игольника, состоящего из медных трубочек, вдетых на ремешок (*г*).

гравированным орнаментом. Этим способом инкрустируются исключительно медные ножны.

Из других металлов, употребляемых иганасанами для инкрустации, следует отметить олово, которым украшают женские курительные трубки из мамонтовой кости и деревянные черенки ножей. Узор вырезается ножом, затем черенок или трубка обвязываются ровдугой или бумагой и под нее наливается расплавленное олово. Образующиеся при этом неровности сглаживаются ножом.

Кузнечные принадлежности, за исключением меха, хранятся в деревянных самодельных коробках, мелкие железные вещи — в шкурках гагары и уток, заменяющих мешочки (табл. 11, *1*, *2*).

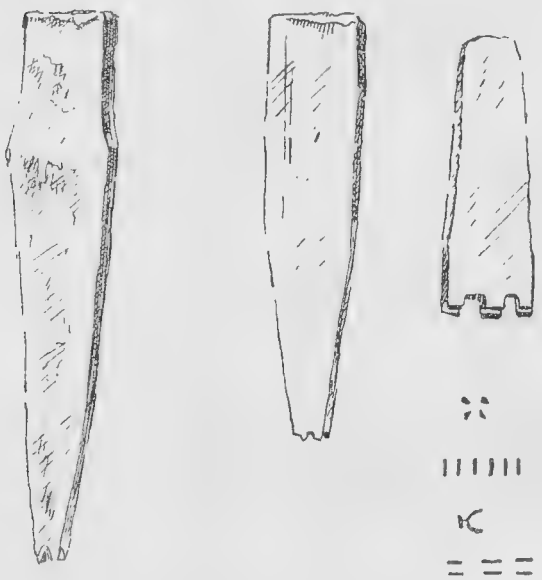


Рис. 30. Железные штампы для выбивания узоров на медных пластинках (дл. от 2.5 до 7 см).

Плетением арканов из кожаных ремней занимаются только весной, с наступлением светлых дней. Шкура при этом снимается с оленя „чулком“, и с нее соскабливается мездра и шерсть. После этого из нее вырезается винтообразно-тонкий ремень, который затем разделяется на две равные части. Каждая часть складывается вдвое и наматывается с концов на деревянные иглы, т. е. на палочки длиной до 30 см, имеющие в нижней части утолщения, а в верхней — продольную прорезь для вкладывания ремня, чтобы он не распускался. Каждый ремень одновременно наматывается на две иглы с таким расчетом, чтобы на каждую иглу приходилось равное количество мотков (табл. 11, *3*). Когда ремни намотаны на иглы, оставшиеся ненамотанными средние части ремней привязываются крестообразно к палочке, которую прикрепляют неподвижно, большей частью к жердям для вешания котлов. Переставляя иглы с намотанными на них и предварительно смоченными ремнями, начинают плести аркан, постепенно, по мере надобности, распуская ремни (табл. 11, *4*).

Когда плетение закончено, поперечную палочку срезают с обеих сторон, оставляя только маленькую шпильку, и аркану дают просохнуть, растягивая его между нартами. Стоимость аркана равна стоимости одного оленя (100 руб.). Точно так же плетутся веревки для манщиков и сети для ловли диких оленей.

Из оленьих сухожилий женщины сплетают очень прочные веревки для увязывания груза на нарте. Для этого сухожилия предварительно расщепляются на волокна, целый ворох которых женщина кладет рядом с собой. Плетение сухожилий производится ею на руках. Из волокон женщина свивает три коротких шнурка, концы которых соединяет вместе одним узлом и дает их кому-либо держать; после этого она начинает их плести, прибавляя по пучку сухожилий к каждому из трех жгутов. Когда веревка станет

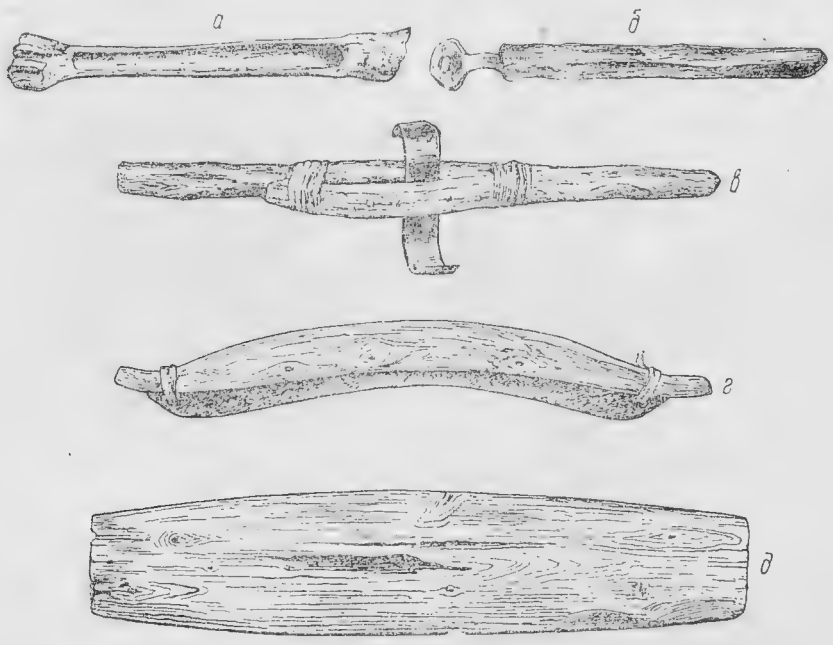


Рис. 31. *а* — Скребок из ножной кости оленя (дл. 33 см); *б* — круглый железный скребок (дл. 33 см); *в* — железный изогнутый скребок (дл. 49 см); *г* — железный скребок в виде клинка (дл. 51 см); *д* — кроильная доска (дл. 50 см).

длиннее, дальнейшее плетение женщина производит уже одна, придавливая конец веревки левым коленом к полу.

Плетением сетей занимаются исключительно мужчины (табл. 11, рис. 5). Сети плетут из покупных ниток при помощи костяных или деревянных игл (рис. 16, *в*, *г*), на которые наматываются нитки. Для плетения сетей употребляются также пластинки, служащие меркой для определения величины ячеи. Пластинки эти имеют на конце круглое отверстие и надеваются на мизинец.

Для обработки оленьих шкур употребляются четыре вида скребков (три железных и один костяной неолитического типа) (рис. 31).

Скребок первого типа (mara) — длинное железное лезвие, вставленное в вырез прямой деревянной рукоятки. Второй тип (baka) представляет

узкий клинок, концы которого загнуты в противоположные стороны. Скребок этот вставляется в середину горизонтальной рукоятки и в отличие от всех других имеет два лезвия. Когда одно лезвие затупится, рукоятку поворачивают и начинают работать другим лезвием. Такой скребок встречается

Рис. 32. *а* — скобление кожи двухсторонним скребком; *б* — скобление кожи круглым скребком.

иногда у якутов и долган, у которых он носит название „самоедского". Третий тип скребка (muorutsa) — полукруглая железная пластинка, насаженная на вертикальную рукоятку. Четвертый (bieda) состоит из ножной кости оленя, срезанной с одной стороны.

Рис. 32а. „Лбы" — шкурки с голов диких оленей, для удобства просушки, пришитые одна к другой.

Кроме описанных скребков, необходимой принадлежностью при обработке шкур является длинная, узкая, несколько вогнутая доска (рис. 31, *д*).

Оленья шкура обрабатывается у нганасанов следующим образом. Сначала она расстилается по земле и сушится на солнце (табл. 12, *1*); зимой шкуру высушивают в чуме, подложив ее между шестами. Шкуры телят подвешиваются весной на палках у нарт (табл. 12, *2*). „Оленьи

лбы“[1] (tuoja) и камусы сушат, прикрепляя их к плоским предметам — к донцам корытцев, к столешнице и т. п.

Когда шкуры (kufu) обрабатываются с шерстью, пленку мездры снимают с сухой шкуры скребком первого типа. При этом женщина садится, вытянув ноги, и кладет доску со шкурой таким образом, чтобы нижний конец ее упирался в ступни, а верхний—в живот; затем, водя скребком от себя, она

Рис. 33. Скобление кожи костяным скребком.

начинает соскабливать со шкуры пленку мездры. Вслед за этим шкуру со стороны мездры смазывают при помощи клубка шерсти жидкой кашицей из разжеванной вареной печени оленя. Наконец, шкуру сворачивают и кладут, примерно, на полдня, после чего скребком второго типа (*б*) соскабливают с нее печень следующим образом: женщина опускается на колени, придавливает ногой один конец шкуры и, натягивая левой рукой ее противоположный конец, соскабливает с нее засохшую печень правой рукой (рис. 32, *б*). После этого шкура подвешивается внутри чума, где она подвергается действию дыма, а затем разминается руками.

[1] Шкура, снятая с головы оленя (местное русское название).

Камусы в некоторых случаях также размягчаются оленьей печенью, но их предпочитают обрабатывать главным образом рыбьей максой.[1] При отсутствии рыбы хозяйки сетуют о том, что камусы остались необработанными. „Щетки" с оленьих ног намазываются оленьей или рыбьей печенью, которая затем снимается скребком третьего типа, после чего они разминаются руками.

С оленьих „лбов" пленка мездры снимается скребком „вака" (рис. 32,*а*) и печенью не обрабатывается. Чтобы „лбы" как следует продымились, их пришивают один к другому в виде длинной полосы и подвешивают внутри чума (рис. 32,*а*).

Весьма трудоемок процесс выработки ровдуги (замши). Со шкуры, предназначенной для ее выделки, соскабливают сперва пленку мездры скребком „вака", затем смазывают ее оленьей печенью и, завернув, оставляют дня на два. Когда печень достаточно впитается, ее удаляют обычным способом скребком третьего типа; пока шкура еще влажная, с нее снимают шерсть до корней при помощи скребка вака или костяного скребка, который для этого считается более пригодным (рис. 33). Проделывают эту операцию стоя. Шкуру натягивают на длинную доску, которую упирают одним концом в землю, другим — в живот, и соскабливают с нее шерсть по направлению от себя. После снятия шерсти шкуру просушивают и продымливают в чуме. Затем ее вывешивают вне чума, чтобы она подверглась воздействию весеннего воздуха (ровдугу выделывают только весной) и стала светлой. Иногда для придания ровдуге большей белизны ее кипятят после обработки вместе с оленьим мозгом, который предварительно заворачивают в кусочек замши и подвешивают к жердям внутри чума, где он висит до тех пор, пока не сгниет. На выделку ровдуги идут только самые лучшие шкуры оленей.

Как мы видели, во всех случаях обработки кожи ее подвергают дымлению, так как продымленная кожа не боится сырости и после высыхания не теряет своей мягкости и эластичности.

[1] Макса — рыбья печенка.

ЖИЛИЩЕ. УТВАРЬ. СТОЙБИЩЕ

Единственным типом жилища у нганасанов является ныне конусообразный переносный чум, имеющий большое распространение среди аборигенов Сибири. Но, по сообщению стариков, предки нганасанов жили ранее в землянках по реке и оз. Таймыру. Две или три семьи, объединившись, устраивали для жилья лачуги из привозного сплавного леса и больших камней, которые сверху обкладывались дерном. Топливом всю зиму служил тальник, заготовленный для этой цели в большом количестве в течение лета. Обитатели этих землянок занимались подледным рыболовством.

В отличие от долган, которые любят устраивать свои стойбища (*maj*ь) в укрытых от ветра местах, нганасаны устанавливают свои чумы на высоких сопках, чтобы их не могло занести снегом. Межхолмистые впадины являются хорошим укрытием для оленей. Осенью стойбища предпочитают устраивать возле рек и ручьев, чтобы в темные ночи охотники, следуя по ним, могли найти свои чумы. Общий вид зимних и летних стойбищ дан на рисунках и фотографиях (рис. 34 и табл. 12, *3*).

Нганасанский чум (*ma*) имеет конусообразную форму, причем основание его, обычно (но не всегда), образует круг. При малом количестве обитателей или когда в чуме проживает всего лишь одна семья, ему придается в основании эллипсоидальная или яйцевидная форма, и тогда очаг помещается не в центре чума. В правой половине от входа, более просторной, размещаются люди, левая (меньшая) половина оставляется пустой.

Самый маленький чум, который мне удалось видеть, имел в диаметре (по удлиненной стороне) 2.5 м, самый большой—9 м.

Шестовой чум, хорошо приспособленный к перевозкам, весьма прост по своей конструкции и чрезвычайно легок. Остов его состоит из длинных жердей (*n*gu), которых в большом чуме бывает до 60, расставляемых в виде конуса и покрываемых сверху „нюками" (jiej) — особыми покрышками, сшитыми из оленьих шкур.

Вожак аргиша — домохозяин или, в его отсутствие, домохозяйка, приезжая первыми на место стойбища, отмечают центр (место очага — *n*gatь) своего будущего чума; зимой это большой ком снега, летом — камень, дерн или же пешеходный посох. Идущие сзади аргиша, зная место чума, сообразно этому расставляют свои нарты. Если кто-либо по ошибке проедет по намеченному для чума месту, последний с него переносится, так как прежнее место уже считается осквернённым. Зимой место для чума очищается от снега деревянной лопатой (kajbu), края которой для прочности обиваются иногда жестью; летом площадку под чум очищают от камней, а растущий на ней тальник выдергивают.

По прибытии на стойбище караваны с вереницами женских и грузовых нарт (suojundu) расставляются перед входом чума в два ряда в виде расходящейся аллеи, всегда имеющей направление на юго-восток. Если путь перекочевок лежит не на юго-восток, аргиши при остановках поворачиваются полукругом в сторону юго-востока. Расставив аргиши, мужчины и женщины распрягают оленей. Затем женщины подтаскивают к месту чума нарты с нюками и шестами и располагают их по кругу. Зимой в центре будущего чума кладут в ряд два или три полена и на них железный лист очага (tori *ngutu*). По правую и левую сторону от входа настилают доски (loj*tu*); в пространстве между досками и стенами чума раскладывают цыновки из хвороста (tuola), на которые кладут сперва ковры из оленьих шкур (fuonsu), а затем постельные принадлежности. На пол ставится различная утварь и посуда.

После этого берут две основные жерди (рис. 36). Одна из них имеет на верхнем конце два или три отверстия разной величины, другая — столько же зарубок, соответствующих размерам отверстий первой жерди. Размеры чума зависят от того, в какое из отверстий первой жерди вставлена своим концом вторая жердь: нижние отверстия дают больший диаметр основания, верхние — меньший. Обе основные жерди, соединенные таким образом, устанавливаются, образуя как бы арку с острой вершиной. К этой вершине приставляются затем по кругу остальные жерди чума, образующие его конусообразный остов. В верхней части остова оставляют отверстие для выхода дыма, которое кругом покрывается полуистлевшими, ненужными в хозяйстве лоскутками кожи, поскольку в этом месте они очень быстро выгорают.

Раньше для этой цели имелись специальные покрышки (*n*afidindi), сшитые из шкурок молодых рогов диких оленей. Эти лоскутки поднимают вверх, прицепив их к концам длинных жердей, и, чтобы они не сползали вниз, придавливают свободными жердями.

Рис. 34. Общий вид зимнего стойбища (по снимку Н. А. Остроумова, из коллекций Красноярского музея).

Покрыв верхнюю часть остова, начинают покрывать его нижнюю часть большими нюками. Нюки бывают из шкур и из парусины. На верхних углах эти нюки имеют „кармашки", в которые вставляются концы жердей, поднимающие их вверх. Вынимают жерди из кармашка, придавливая другой жердью верхний край нюка (рис. 35). Каждый большой нюк по бокам имеет короткие вязки, которыми он привязывается к жердям чума. Зимой чум покрывается двумя рядами нюков: внутренний ряд — шерстью внутрь, наружный — шерстью наружу. Чтобы снег не приставал к шерсти нюков, снаружи чум покрывают полотнищем, сшитым из мешков. Эта покрышка чума придавливается в нескольких местах шестами или жердями, предназначенными для отопления, или запасными копыльями. Затем чум связывают по кругу

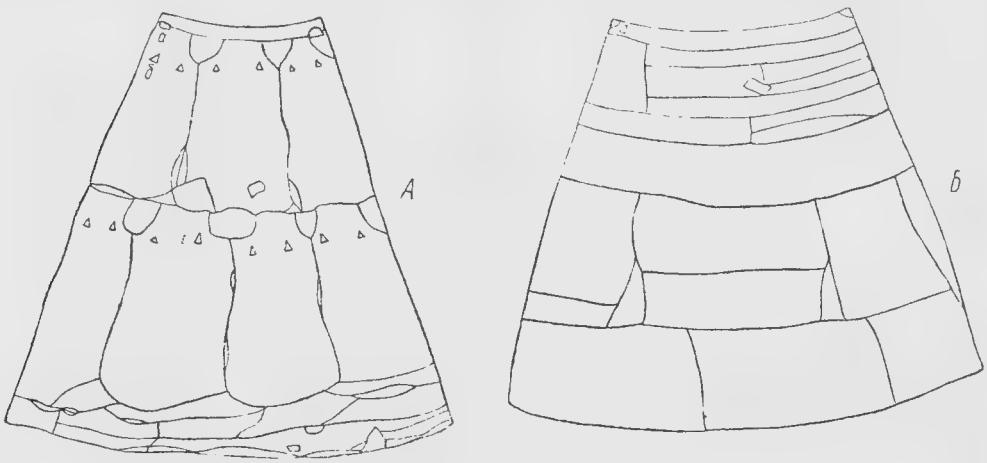


Рис. 35. *А* — нюк из шкур (*а* — кармашки для поднятия нюка вверх при помощи жерди; *б* — украшения из оленьих ушей, пришитых в виде кистей); *Б* — нюк из парусины.

длинной веревкой, идущей от жерди, стоящей у входа, чтобы нюки не раздувало ветром. Все стадии устройства чума отражены на помещаемых фотографиях (табл. 13, *1*, *2*). В чуме вадеевского нганасана Уранника Окуо, (в котором я провел более года), имевшем 7 м в диаметре, покрышками служили зимою 8 больших нюков: 4 внутренних и 4 наружных. Когда чум бывает готов, его зачастую для большей прочности придавливают сверху стоймя поставленными нартами, в которых перевозят жерди и нюки.

У летнего чума вход закрывается выпущенным вперед концом нюка, у зимнего — узкой и длинной „дверью", сшитой из оленьих шкур мездрой к мездре. Один край двери вкладывается между концами наружного и внутреннего слоя нюков и крепко придавливается жердью. Дверь с обеих боковых сторон несколько выше середины имеет по ровдужной петельке. За одну из них привязывается сухожильной веревкой свободный откидывающийся край двери (рис. 37). В зависимости от направления ветра, дверь открывается то с левой, то с правой стороны. Нижний край двери с вну-

тренней стороны подпирается поленом или палкой. Из боковой стенки товарного ящика устраивают снизу дощатый порог.

При устройстве остова чума, с одной стороны входа устраивается основная жердь с отверстиями; параллельно ей, на некотором расстоянии,— другая. К ним привязывают концы двух прямых палок, на которые подвешивают крюки для чайников и котлов; противоположные концы этих палок сходятся за очагом и привязываются к жерди.

Когда чум готов, вокруг него при помощи деревянной лопаты делают завалинку из снега (kajbida). Под завалинкой, против входа в чум, устраивают отверстие, обеспечивающее тягу.

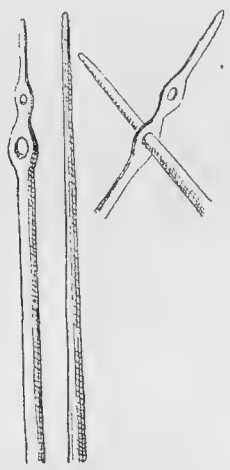


Рис. 36. Основные жерди чума.

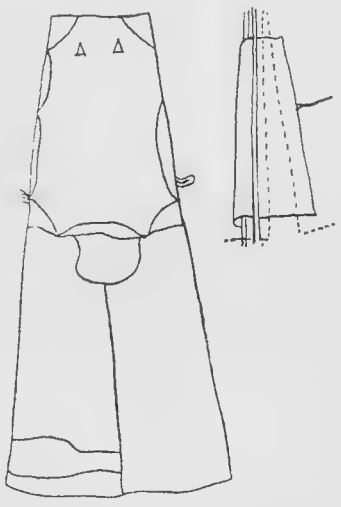


Рис. 37. Дверь чума и способ ее скрепления.

Несмотря на легкость своей конструкции, чум довольно хорошо противостоит зимним пургам. Во время сильной пурги устанавливают изнутри чума, с подветренной стороны, горизонтальную подпорку (kajkuj), удерживающую жерди от напора ветра. В Авамском районе бывают самые сильные пурги, причиняющие иногда большие бедствия. Мне передавали, что некоторые семьи гибли в пургу из-за того, что сносило их чумы.

На р. Большой Балахне 24 мая 1937 г. я был свидетелем особенно сильной пурги. Рано утром я проснулся от необычного шума. Чум наш все время дрожал, и за его стеной слышался вой бушевавшей пурги. К нижнему краю двери, чтобы она не раскрывалась, привязали топоры и другие тяжелые предметы. Верхнюю покрышку чума внезапно сорвало порывом ветра, и чум быстро занесло снегом. С утра до поздней ночи мы отлеживались без пищи под меховыми одеялами, так как выйти за продуктами к грузовым нартам не было никакой возможности. К счастью, ночью пурга улеглась.

Когда зажгли огонь в очаге, снег, накопившийся вверху чума, стаивая сбегал вниз по жердям, образуя внутри чума лужи.

Нюки прилегают к земле неплотно и поэтому изнутри их закладывают старой одеждой, лишней обувью и шкурами.

В центре чума располагается очаг (tori). Зимой он состоит из железного листа, положенного на два или на четыре полена. Над ним подвешиваются деревянные и железные крюки для котлов и чайников. Деревянные крюки имеют нечетное число отверстий (3, 5, 7 и 9), через которые пропускается поперечная палка для подвешивания крюка. В зависимости от отверстия, через которое она пропущена, крюк над очагом либо приближается к огню, либо удаляется от него. Железные крюки делаются в форме буквы S из узких железных полосок, которыми обиваются ящики (рис. 38). Одно время после революции из Красноярска привозились крюки, сделанные из согнутых железных прутьев, по форме своей напоминающие деревянные (рис. 38, *г*).

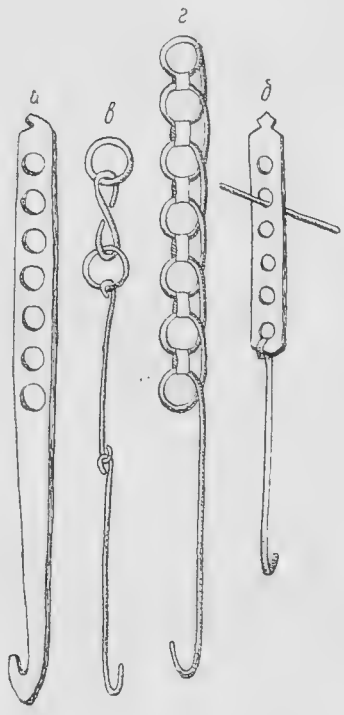


Рис. 38. *а, б* — деревянные крюки для подвешивания котлов над очагом (*а* — дл. 89 см, *б* — дл. 70 см); *в* — железный самодельный крюк (дл. 70 см); *г* — то же, привозной из Красноярска, русской работы (дл. 90 см).

Полоса земли, не покрытая досками, идущая от дверей чума к противоположной стенке, является как бы линией, разделяющей чум на две равные части (если он круглый). Прямо от входа — до очага и за очагом раскладываются дрова. Если дров много, то это представляет известное неудобство, так как при входе в чум можно запнуться и упасть или же порвать мягкую обувь об острые сучья. За очагом (*sang*) обычно ставятся большие котлы с водой и вареным мясом. По обеим сторонам входа и за очагом привязываются собаки, которых в холодное время совершенно не выпускают из чума (рис. 39).

Щенят, днем разгуливающих свободно по постелям, на ночь, чтобы они не беспокоили спящих, кладут в мешок, из которого их вытряхивают с наступлением утра (рис. 40).

В каждом чуме живет от двух до пяти семейств, и в зависимости от этого видоизменяется внутреннее устройство самого чума. Если в чуме живут две семьи, одна из них поселяется по правой, другая — по левой стороне от входа. Справа поселяется семья более уважаемого и старшего соседа, который является как бы хозяином всего чума; как правило, семья соседа, поселившегося слева, без ведома правого соседа ничего не пред-

Рис. 39. Внутренний вид зимнего чума. Слева направо: за очагом против входа место хранения котлов и чайников — стоят два котла, в одном голова оленя; на железном листе горит огонь; по обеим сторонам входа привязаны собаки; от входа, в виде дорожки до очага, разложены дрова; над очагом на крюках висят котел и чайник; за очагом сидят две женщины, одна из которых чистит мерзлую рыбу для строгания; в середине чума сидят мужчины; у входа на правой стороне женщина курит табак; у очага, на досках, покрывающих земляной пол, стоит чайник.

принимает. У самого входа располагаются места для женщин (batu),[1] там же находятся ящики с отделениями внутри для чайной посуды, столики на низких ножках или заменяющие их доски, дневная провизия и различные мелкие вещи. Рядом с местами для женщин в середине располагаются места для сиденья и спанья мужчин и гостей (nin*derde*), за очагом — места для женщин и девушек, дочерей хозяина (batu). Если в чуме живут четыре семьи, то площадь его делится на четыре равные части. У семей, живущих

Рис. 40. Женщина, вытряхивающая утром щенят из мешка.

во второй половине чума, женщины и домашняя утварь находятся на сторонах, противоположных входу, мужчины помещаются в середине, между женскими местами (рис. 41).

Центральным местом в чуме является очаг, благодетельную роль которого не трудно оценить после жестокого мороза. Вечером, когда вся семья в сборе, мужчины, голые, в одних натазниках, греются у огня. Разводят огонь женщины, при этом в качестве растопки употребляют гнилое дерево (*пьfuoma*), которое летом всегда возят с собой. Чтобы сэкономить гнилушку, стараются сохранить огонь до утра. Для этого сгребают горячую золу и придавливают ее сверху тяжелым камнем. При том исключительном уменьи и ловкости, с какими нганасанские женщины разводят огонь, достаточно, чтобы в золе сохранился до утра хотя бы один тлеющий уголек.

[1] Отсюда, ввиду бывшего у нганасанов запрещения называть жену по имени, муж называл ее batunije — около входа (сидящая).

Вадеевские нганасаны разводят огонь при помощи трута (*tu*), который они предварительно поджигают спичками, сравнительно недавно вошедшими в обиход.

Трут приготовляют из листочков полыни, подсушенных над огнем на сковородке и смешанных с углем. Другой вид трута (*nomo*) представляет пушок карликовой ивы. По словам нганасанов, этот трут они заимствовали у долган. При отсутствии трута нганасаны высекают огонь прямо над углями.

Когда чумы зимой стоят в лесотундре, огонь в очаге горит целый день, но уже в марте, при откочевывании нганасанов на север, в безлесные места, огонь разводится в целях экономии лишь 2—3 раза в день и только для приготовления пищи. В мае или в конце апреля у малооленных хозяйств обычно кончается запас дров, и они вынуждены обращаться за топливом к более обеспеченным соседям. С весны и по декабрь нганасаны отапливаются одним лишь тальником, который разгорается чрезвычайно медленно и дает едкий дым, разъедающий глаза. Его разжигают обычно при помощи маленьких мехов, предназначенных для этой цели (рис. 42). Тальник выкапывают из-под снега и выдергивают руками, что представляет весьма тяжелую работу для женщин. Поскольку без огня в чуме бывает очень темно, днем, во время работы, дверь чума откидывается, и температура внутри чума снижается до уровня температуры наружной, но мороз не пугает нганасанов: мужчины во время дневок всю свою работу выполняют на улице, находясь там с утра до позднего вечера, женщины работают при раскрытых дверях в своей домашней одежде, маленькие дети голышом выбегают то и дело наружу или ползают по холодному полу чума.

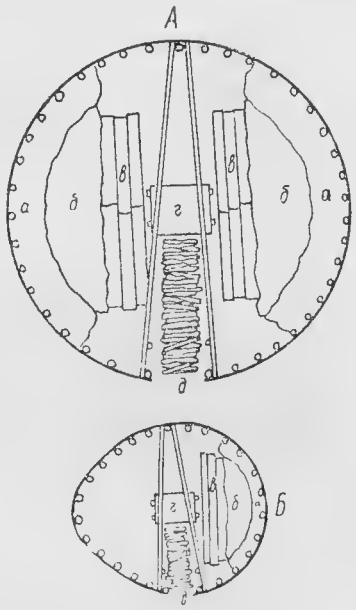


Рис. 41. Планы зимних чумов круглых в основании (*А*) и овальных в основании (*Б*). *а* — свернутые постели; *б* — настил из шкур (поверх плетеного настила); *в* — настил из досок; *г* — очаг; *д* — дрова.

Летние чумы, в которых нганасаны живут с мая по декабрь, обладают еще большей портативностью, чем зимние. Добрую половину жердей зимнего чума, цыновки, коврики и доски, покрывающие пол, оставляют на местах весновок. С собой берут по одному или по два старых нюка с облезлой шерстью. В летних чумах огонь разводится прямо на земле. В отличие от зимних чумов, которые представляют сравнительно сносное укрытие от холода, летние чумы, в которых живут до декабря, очень холодные. Нижние края летних нюков, как правило, ничем не придавливаются, так что холодный пронизывающий ветер, столь обычный для Таймыра, беспрепят-

ственно гуляет внутри чума. Кроме того, летние нюки бывают сплошь да рядом дырявыми, и сквозь них просвечивает небо. Особенно неудобно жить в летних чумах осенью, когда льют проливные дожди, продолжающиеся иногда целыми неделями. Изо дня в день приходится ходить в промокшей одежде и обуви, а просушить их при скудном огне, даваемом тальником, невозможно. Немудрено, что среди нганасанов много ревматиков.

Рис. 42. *а* — мех для раздувания огня очага (дл. 30 см); *б* — женщина раздувает огонь. Над очагом слева вялится юкола, справа нанизанные на нитку гусиные грудки.

В летнем чуме, в зависимости от направления ветра, вход переносится то на южную, то на северную сторону. При этом один вход устраивается там же, где и у зимнего чума, другой — с противоположной стороны, там, где сходятся палки для подвешивания крюков. По бокам основной жерди, к которой привязываются эти палки, устраиваются два смежных входа, из которых один ведет в правую, другой — в левую половину чума (табл. 12, *4*). Люди, вошедшие через один из этих входов, обязаны через него же и выйти. Нарушение этого правила считается у нганасанов грехом.

Как мы уже говорили, нарты, которые при перекочевках возят за собой женщины (табл. 13, *3*), устанавливаются перед каждым чумом в виде расходящейся аллеи, в строгом, раз навсегда установленном порядке, в каком они следовали и в пути (рис. 43). Если в чуме проживает несколько семейств, то нарты устанавливаются в два параллельных ряда. Такое расположение экономит время при запряжке, так как нарты не приходится

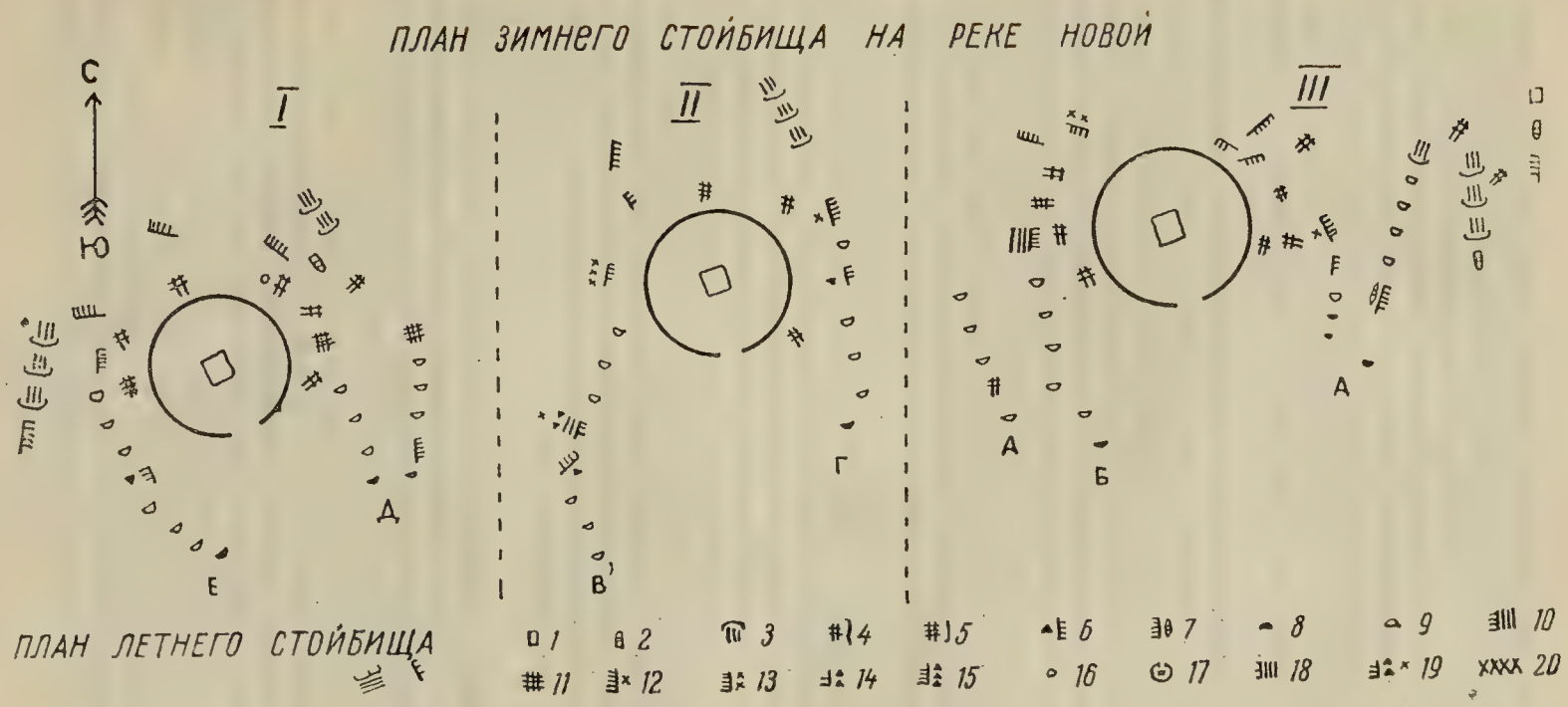


Рис. 43. План зимнего стойбища за р. Новой (4 мая 1937 г.) и летнего стойбища на р. Большой Балахне (в июле 1937 г.). *А* — нарты семьи Уранника; *Б* — нарты семьи Джатобие; *В* — нарты Бульчу; *Г* — нарты матери жены Бульчу; *Д* — нарты Тыймы; *Е* — нарты семьи Сидиптие. Старший в стойбище Уранник.

1—нартяной чум. *2*—кошевки. *3*—кошевки с дровами. *4*—нарты без настила. *5*—нарты для перевозки нюков и жердей чума. *6*—нарта с домашними святынями. *7*—нарта с веткой. *8*—женские нарты. *9*—грузовые нарты. *10*—нарты с дровами. *11*—нарты без настила с запасными (копыльями). *12*—нарта с кухонными принадлежностями. *13*—нарта со льдом для питьевой воды. *14*—нарта с копыльями. *15*—нарта с запасными нюками. *16*—человек, отесывающий копылья. *17*—чум. *18*—нарта с запасными копыльями. *19*—нарты с копыльями для санок домашних святынь. *20*—хворост для отапливания.

заново переставлять. В передней части каждого ряда находятся женские нарты для езды хозяйки чума и ее дочерей с привязанными сзади вереницами грузовых нарт, на которых уложены приданое дочерей, запасы одежды и продуктов. В конце каждой вереницы санок устанавливают нарты с домашними святынями, так называемые „шайтаньи нарты". Возле самых чумов расставляют пустые нарты из-под нюков и жердей чума, идущие в аргише за „шайтаньими нартами". В стороне устанавливаются кошевки с дровами. Легковые нарты (мужские и женские) для одиночной езды оставляются за чумами.

С приближением поры перекочевок на север охотники начинают ездить по направлению предстоящего пути кочевания в погоне за дикими оленями, уходящими на север. При этом застреленных диких оленей оставляют на предполагаемом пути предстоящего аргиша, чтобы потом использовать их мясо, которое, замерзая, хорошо сохраняется. На пути к местам весновок аргиши оставляют небольшие вязанки жердей, чтобы при возвращении по этому пути осенью было чем отапливаться.

С окончанием периода отела важенок нганасаны, у которых основным занятием является охота, например вадеевские, начинают расселяться по отдельным чумам. Летом редко можно встретить стойбище, состоящее более чем из двух чумов.

Все лишние вещи, вместе с зимней одеждой и нюками, оставляют на местах весновок, складывают в женские и грузовые нарты, покрывают сверху старыми задымленными нюками, не пропускающими воду, и крепко увязывают (табл. 14, *1*). Все меховые вещи перед тем просушивают на солнце (табл. 14, *2*). Громоздкие вещи, вроде больших железных или медных котлов, оставляют под нартами на земле в опрокинутом виде. Нарты устанавливают в ряд; чтобы полозья их не гнили, под них подкладывают жерди. Перед отъездом хозяйка обходит нарты и, ударяя каждые из них палкой, просит не сердиться, так как их оставляют не навсегда, а только до осени, когда к ним снова вернутся и привезут в качестве гостинца кусочки оленьего жира.

На летних стойбищах отсутствуют высокие женские и грузовые нарты, и это сразу бросается в глаза. Летом, во время охотничьего сезона, стойбище принимает характерный вид: стоящие вокруг него нарты бывают сплошь увешаны кусками мяса убитых диких оленей.

Осенью, когда возвращаются к местам весновок, пустые нарты доотказа нагружаются вяленым мясом, шкурами и другой продукцией охоты, так что сами охотники зачастую бывают вынуждены итти пешком. Осенью на стойбищах нарты располагаются иначе, чем летом. Их уже не расставляют в виде аллеи, а ставят параллельно друг другу по обеим сторонам входа в чум и огораживают пустыми нартами из-под нюков и жердей чума, чтобы кладь не могли есть олени.

При летнем кочевании впереди каравана с посохом в руке идет мужчина, хорошо знакомый с данной местностью. За ним следуют пешком

несколько мужчин с собаками и гонят стада свободных оленей. При летних кочевках стараются вести аргиши по мокрым местам, заросшим травой (*n*geruo), либо по ложбинам, заполненным остатками снега, так как тут легче скользят полозья санок. Особенно трудно бывает вести аргиши по глинистому грунту (saturamuo), так как тогда часто обрываются постромки. Концы оборванных постромок, если они мокрые, чтобы не развязались, связывают узлом вместе с пучком травы. При переправах через реки нарты с легким грузом ставят прямо на ветку, с тяжелым — сперва разгружают поклажу и перевозят ее частями (табл. 14, *3*). Оленей с запряженными пустыми нартами тянет за поводок человек, сидящий в ветке.

Вот как описывают свои прежние перекочевки сами нганасаны:

„По словам моего отца, люди встарину были бедными, только самые богатые имели по 10 оленей. Летние аргиши всего-то состояли из двух-трех грузовых нарт, куда впрягалось по одному оленю. В одну нарту складывались принадлежности чума, в другую — ветка, в ней сеть для гусей, махавки и рыболовные сети. Ходили больше по озерам. Кончался сезон ловли гусей, начинались поколки. Вот теперь здесь нет дикого (речь идет о Большой Балахне), тогда его везде было много. Увидит охотник несколько штук оленей — посылает свою собаку. Она загоняет их в озеро, где охотник, подплывая на ветке, закалывает их копьем. Вот и еда. Не бывало зверя — голодали по нескольку дней. Чтобы не умереть с голоду, собирали корни растений и питались. И теперь среди малооленных губских нганасанов бывают случаи голодовок. Ружей тогда не имели, употребляли луки. Встарину промышляли диких оленей сетями всего только три охотника: двое лежали у сетей, один загонял. Если в семье бывали женщины, они тоже участвовали как гонщики оленей по указаниям мужчин. Стоя на отведенном им месте, они кричали и размахивали одеждой. Не всегда мужчины бывали предводителями аргишей. Когда наступал охотничий сезон, мужчины уходили на охоту, и впереди аргишей шла женщина, хорошо знающая местность. У моего отца было семь человек детей — пять дочерей и два сына: я да мой брат.

Когда мы оба были маленькими, отец брал на охоту с собой старших дочерей своих, мы же оставались с матерью одни, и путеводительницей всегда бывала старшая сестра отца, женщина уже пожилая, хорошо знающая местность. Встарину летом, по утрам, встав от сна, натощак шли ловить оленей. Кончив ловить, перед самым аргишением, все усаживались в круг, ели кусочки вареного мяса или жира и запивали их холодной водой. Ели только два раза в день — утром и вечером. Вечером ели мясо или рыбу, делали похлебку из крови. Особенно ценилась похлебка из гусиной крови и сердец, считавшаяся очень вкусной“ (Ураяник Окуо, вадеевский нганасан).

Во время стоянок день распределялся приблизительно так. После того как установлен чум и все вещи разложены, женщины разводят огонь. Зимой, пока закипает чайник, едят мерзлое мясо или мерзлую рыбу, при этом

обязательно чистят рыбу женщины, а стругает мужчина. По словам нганасанов, после холодного мяса и рыбы хорошо пьется чай. Летом, если есть мука, выпекают лепешки, а зимой, чтобы с холоду не возиться со стряпней, довольствуются сушками или сухарями. После чая до вечера занимаются различными домашними делами. Вечером варят ужин (обычно мясо и чай) и ложатся спать. Во время дневок мужчины на целый день уезжают охотиться, оставляя женщин заниматься домашними делами.

ПИЩА

Предания нганасанов полны сообщений о голодовках. Встарину, при малом количестве оленей, орудия охоты у нганасанов, как мы знаем, были весьма примитивны и ограничивались только луками, махавками и рыболовными костяными спицами; сети для охоты на диких оленей, по словам самих нганасанов, появились значительно позже. Они возникли в результате весьма удачной охоты, так как требовали для своего изготовления большого количества оленьих шкур. Прежде самым тяжелым временем года считалась весна — апрель и май, период с момента ухода диких оленей на север и до появления рыбы и прилета птиц. Население, терпя большой недостаток в пище, бывало вынуждено кормиться мышами и съедобными корнями зонтичного астрагала (*Umbellatus* Bge из семейства бобовых), которых выкапывали особыми лопаточками из оленьего рога или костяными навершьями (jumbitapsa) деревянных посохов (*tira* — рис. 44). Корни эти потреблялись как сырые, так и вареные.

Голод вынуждал нганасанов грабить своих южных соседей — долган и якутов. Вадеевский нганасан, старик Тыймы, рассказал мне следующее:

„Мой дед Нгойбо, как и все прочие нганасаны, жил в то время грабежом. Но он отличался тем, что нападая никого не убивал. В один голодный год Нгойбо, имея только одного оленя, на котором возил своих шайтанов, едва добрел до р. Новой, где растет островок леса среди тундры. Там он нашел кладовку одного якута, но, несмотря на голод, не разорил ее, а поселился рядом с ней в маленькой землянке. Возле кладовки лежало много луков от загородей на диких оленей с сухожильными тетивами. Чтобы не умереть с голоду, семья Нгойбо срезала тетивы у луков, варила их

и этим питалась. В это время приехал на собаках хозяин кладовки. Он отдал Нгойбо шейную часть туши дикого оленя. И когда Нгойбо отправился варить полученное мясо, якут стал нагружать из кладовки на свою нарту много рыбы. Нгойбо послал свою дочь присмотреть, много ли рыбы у якута. Вернувшись, дочь передала, что рыбы много. Нгойбо пошел к якуту и стал бить его. От удара в живот якут упал без сознания, тогда Нгойбо перетащил всю рыбу к себе в землянку. Через некоторое время якут очнулся, но, испугавшись, ничего не сказал и уехал к себе домой. Дело было к весне. Съев отнятую у якута рыбу, Нгойбо, следуя по р. Новой, поднялся вверх по льду р. Хатанги и нашел чум одного долгана. Последний оказался его приятелем, и Нгойбо прожил с ним вместе до самой осени. Осенью долган сказал Нгойбо: «Хотя я тебя и не гоню, но ведь я и сам человек многодетный, и потому несчитаешь ли ты более удобным пойти дальше вверх по р. Хете?». Нгойбо оставил долгана и со своей семьей отправился на Хету. По дороге они едва не умерли с голоду и остались живы потому, что нашли людей с Исаевского станка. Отец мой говаривал: «Такие смелые люди бывали только встарину, а теперь наши люди и голодные не сумеют пустить в ход руки»". Так старик Таймы закончил свой рассказ.

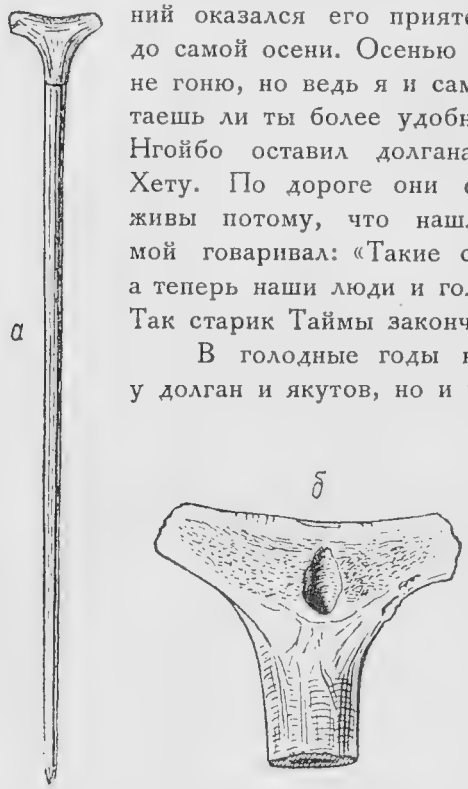


Рис. 44. *а* — пешеходный посох; *б* — навершье посоха из оленьего рога, служащее для выкапывания корней.

В голодные годы нганасаны отнимали оленей не только у долган и якутов, но и у своих сородичей.

Уранник Окуо, уже пожилой человек, рассказал мне такой эпизод:

„На Таймыре и сейчас живет одна шаманка с мужем. Ее муж был вадеевским нганасаном, но потом ушел к таймырским, где живет и по сие время. И вот весной муж ее от голода дошел до такой степени истощения, что перестал даже вставать с постели. В это время на озерко, находившееся около самого чума, спустились два гуся. Не будучи в силах встать, нганасан зарядил ружье и отдал его жене. Последняя, стоя в дверях чума, выстрелила и убила одного гуся. Этим она спасла мужа от голодной смерти. Я, помню, тогда еще был подростком. Мы встретили их. Мой отец пособил им пятью оленями".

Существующая и ныне неразборчивость нганасанов в пище является несомненным следствием пережитых ими некогда тяжелых голодовок. То же самое следует сказать об их исключительной бережливости к продуктам питания. Весной, когда нуждающиеся в пище приходят за помощью к более обеспеченным соседям, им уделяют крайне мизерную долю: две-три сушки

или кусочек мяса, величиной с кулак. Но никто на это не обижается, так как продукты питания в это время года являются большой ценностью и дороги всем и каждому.

Весной и ранним летом, в начале сезона охоты, когда мужчины уходят из дому на несколько дней, женщины, остающиеся в чуме, стараются сэкономить продукты питания и едят мало. Но зато летом или осенью, когда мяса и рыбы много, все стараются наесться до отвала. Особенно этим злоупотребляют женщины, наедающиеся в отсутствие мужей мясом гусей и диких оленей до рвоты. То и дело они пьют чай. Иногда в течение дня происходит восемь, а то и девять чаепитий.

На весну, которая считается наиболее тяжелым временем года, нганасаны стараются сделать необходимый запас продуктов питания. Например, мой хозяин Уранник, поехав однажды в феврале высматривать свои пасти, убил заодно трех диких оленей, однако мяса их он с собой не привез, а оставил его лежать на месте про запас. Когда в марте мы стали откочевывать на север, это мясо было нами найдено, и мы смогли им воспользоваться. Конечно, такой способ запасания мяса ненадежен. При удачной охоте излишком вяленого мяса и юколы запасаются на будущую весну. Эти продукты складываются на льду озера или реки холмиком, который обкладывается со всех сторон кусочками льда, забивается снегом и заливается водой.

Подобные „ледники“ делают также и другим способом. Когда лед замерзнет не толще чем на четыре пальца, из него вырубают пять пластинок, шириной в полтора метра, длиной в два—два с половиной. Эти пластинки переносят на двух палках на гладкий лед озера или реки и делают из них ледяной ящик. Швы стенок ящика заливают водой, которая быстро замерзает. В такой ящик складывают запасы продуктов и сверху закрывают пятой пластинкой льда. В таких ледниках продукты хорошо защищены от нападения хищников: волков, песцов и особенно белых медведей.

„Ледники“ первого типа менее надежны. Во время моего пребывания у вадеевских нганасанов Дютадие Нерго, откочевывая на зиму к лесотундре, уложил про запас несколько сотен рыб, но ледник он сделал недостаточно хорошо: весной вся его рыба была съедена белым медведем.

Пища у нганасанов по преимуществу мясная или рыбная. У таймырских нганасанов летом преобладает рыбная пища. Употребляется главным образом мясо диких оленей; домашних убивают в самых крайних случаях. Их убивают посредством удушения: два человека затягивают аркан на шее оленя (табл. 14, рис. *4*). Если оленя убивает один человек, то он крепко затягивает ему шею и рот концом аркана и оставляет его в таком положении. Несчастное животное задыхается не сразу и долго мучается. Удушение домашних оленей является несомненным пережитком прошлого, так как еще до недавнего времени считалось грехом проливать их кровь.

Свежуют оленя только мужчины. Сначала отделяют голову, затем передние и задние ноги вместе с камусами; сделав разрез вдоль живота,

сдирают шкуру, надавливая с одного бока кулаком; дойдя до позвоночника, тушу поворачивают и сдирают шкуру с другого бока. После снятия шкуры тушу разрубают на две части по линии грудной клетки. Затем отделяют грудинку (sinsieda), снимают отдельно семь нижних ребер по линии бедреной кости (kojьda), спинную кость вместе с тазовой (tьjbuda) и шеину (suonсьa) (рис. 45). При свежевании оленя все части туши разрубаются и разрезываются большим ножом без помощи топора. Даже кости ног, из которых затем извлекается мозг, раздробляются ударом обратной стороны ножа. Вымя оленя (*nengse*) съедается в сыром виде, причем молоко из него высасывается. Сердце, почки, печень, сухожилия ног, легкие, головной и костяной мозг и язык также поедаются сырыми. Мозг и язык считаются у нганасанов излюбленным лакомством. Кровь оленя наливается в его желудок или мочевой пузырь.

На месте в первую очередь потребляют наиболее тяжелые кости, например позвонки, ребра и т. д., чтобы не возить с собой лишний груз. Стремясь сэкономить топливо, нганасаны варят мясо только до образования на нем наружной корки, в середине же оно почти всегда оставляется сырым, а зимой даже мерзлым. Мясного навара (bьa) нганасаны не пьют за исключением бульона, получаемого от вываривания размельченных костей.

Все части оленя идут в пищу (табл. 15, *1*), не исключая утробного плода и содержимого желудка, так называемого „моняла" (*t*ajba). Зимнее моняло, по словам нганасанов, лучше летнего, поскольку последнее бывает горьким, так как олени в это время года питаются тальником. Моняло едят как сырым, так и копченым или же вареным, вместе с кровью. Коптят его два-три дня, подвешивая над очагом. Весьма лакомым блюдом нганасаны считают окологлазный жир оленя, который они накапливают в в оленьих желудках; если это накопление происходит летом, то жир в скором времени становится горьким, что, по мнению нганасанов, только улучшает его вкус. Этот жир едят в вареном или сыром мерзлом виде, нарезая его мелкими кусочками.

В качестве почетного угощения гостям преподносятся вареная половина тазовой кости, грудинка и копчиковая кость вместе с поясничными позвонками. Жировые отложения на пояснице оленя (*suum*), часто толщиной до пяти пальцев, снимаются отдельно и потребляются в сыром или вареном виде, нарезанными на кусочки. Кишки оленя лишь слегка очищаются от содержимого и варятся.

Летом мясо диких оленей консервируют, провяливая его на солнце (табл. 15, *2*). Такое мясо носит название *t*iribi. Предварительно оно нарезается на большие куски и развешивается на нартах, поставленных друг на друга. Куски эти зачастую бывают слишком толстыми, и потому мясо внутри их, не провяливаясь, подгнивает. Такое мясо (kofuo) едят только в вареном виде. Часть оленьей туши нарезается тонкими ремешками (beridi) и подвергается со всех сторон равномерному провяливанию. Вяленые ремешки нарезаются затем мелкими кусочками, кладутся на шкуры,

разостланные на солнце мездрой вверх, смешиваются с жиром и подвергаются в таком виде окончательному провяливанию. Полученное мясо (*ng*ilimie) потребляют с чаем взамен сухарей.

Длинные мышцы со спины оленя провяливаются отдельно (*dj*e*t*e) и считаются у нганасанов весьма лакомым блюдом. Таким же лакомством является для них сырое мясо оленя, прокопченное над огнем очага. Называется оно sar*ud*ma. Несколько особый привкус имеет мясо диких оленей-быков во время гона. Из оленьей крови варится похлебка на мясном

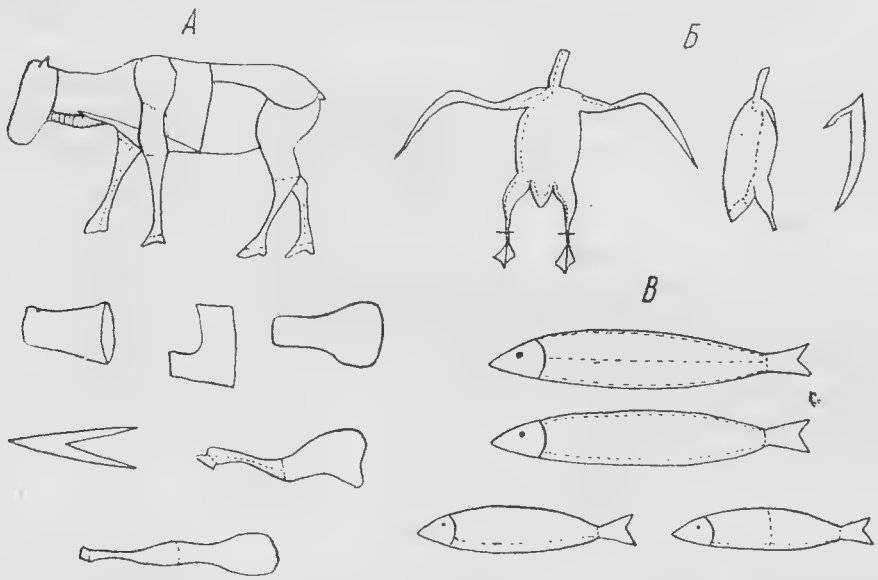


Рис. 45. Схемы разделки оленя (*А*); гуся (*Б*) и рыбы (*В*).

отваре (jama); иногда к ней прибавляется мука. Зимой кровь консервируют, замораживая ее глыбами, и, по мере надобности, отрубают от нее куски для варки похлебки. По словам нганасанов, кровяная похлебка является лучшей пищей для охотников. Охотник, поевший утром хотя бы немного похлебки, целый день чувствует себя сытым. Жир от мясного навара снимается ложкой и также замораживается. Затем он раскалывается, подобно сахару, на кусочки и потребляется вприкуску с чаем.

Обглоданные кости нганасаны не выбрасывают, а когда их накопится достаточно, разбивают их на мелкие кусочки обухом топора на камне и вытапливают из них жир (latь dir) (табл. 15, *3*). Вываренными костями кормят собак. Бульон, полученный от навара костей, очень вкусен; нганасаны снимают с него ложкой жир, который хранят в сосудах из оленьих желудков и мочевых пузырей. Мозг ножных костей растапливают вместе со спинным мозгом и получают весьма ценимое нганасанами кушанье (kojmuo dir).

Внутренний жир (sielaga) оленя варят, затем смешивают с мелко нарезанными кусочками брюшины и мяса и набивают им оленьи мочевые пузыри.

Для нганасанов деликатесом является мясо дикого оленя, которого они оставляют на месте охоты на некоторое время невыпотрошенным. Мясо это вскоре же начинает портиться и приобретает неприятный вкус. В вареном виде оно бывает темным, жир на нем обычно зеленоватого цвета.

У живых оленей летом срезают молодые неокостеневшие рога (menie) и едят их целиком, предварительно опалив на них шерсть. Если эти рога в какой-то степени уже окостенели, то с них снимают лишь шкурку, которая также употребляется в пищу.

В еде еще до недавнего времени существовали у нганасанов различные запреты, большей частью религиозного характера. Например, женщинам до весны запрещалось есть голову и язык дикого оленя. Тот, кто был излечен шаманом от болезни сердца, давал зарок не есть сердце; излеченный от болезни глаз не ел глаз оленя и т. п.

В летнее время большим подспорьем в хозяйстве нганасанов служит мясо диких гусей, которых за один раз добывается сотни и тысячи штук. Разделку их, во избежание порчи мяса, необходимо производить в очень короткий срок, и вся эта тяжелая работа ложится на плечи женщин. Только в редких случаях, когда гусей бывает слишком много, мужчины помогают женщинам выщипывать перья. Пух и перья в хозяйстве нганасанов не используются.

Очистив гуся от перьев, с него снимают кожу, делая при этом надрез вдоль всего тела; затем из него вынимают внутренности и жир, после чего отделяют мясо от грудной кости вместе с мускулами крыльев и отрезают шею. Спинку делят пополам; мясо, прилегающее к дужке, снимают отдельно. Голова, шея и лапки, а также внутренности гуся идут в пищу в тот же день в вареном виде. Кишки распарываются ножом, очищаются от содержимого и варятся. Остальные части гуся вялятся на солнце, как и оленье мясо, но, в отличие от него, употребляются в пищу только в вареном виде.

Гусиная кожа нарезается на мелкие кусочки так: женщина садится, вытянув вперед ноги, и кладет на них доску. Концами ног она крепко прижимает поставленный вертикально железный крюк для вытаскивания мяса из котла, на который надевается конец гусиной кожи. Левой рукой она притягивает кожу к себе, а правой режет ее сперва на ленточки, а затем на мелкие кусочки (рис. 46). Из этих кусочков вытапливается жир (*d*eptu dir), хранящийся в посуде, изготовляемой из телячьей шкуры или из желудка оленя (табл. 16, *1*).

Жир хранят также в пищеводе и дыхательном горле оленя и в гусиных лапках (рис. 47, 48), для, чего из них предварительно удаляют кости.

Шкварки, полученные после вытопки жира, съедаются тут же. Из шкварок, поджаренных с мукой или мелко нарезанными рыбьими тещ-

ками, приготовляется кушанье kasika. Кости гусиных папоротей нанизываются по несколько штук и варятся. Из них дети высасывают мозг. Из вяленых гусиных грудок приготовляют кушанье jutemie или lьptьtinde. Для этого их растирают в порошок и смешивают с гусиным или рыбьим жиром.

Уток добывается сравнительно немного, и поэтому мясо их не заготавливается впрок, а сразу же идет в пищу, тем более что сезон охоты на них совпадает с наиболее голодным временем года — весной. Мясо куропаток, на которых также охотятся весной, потребляют только в вареном виде, но кишки куропаток с их содержимым едят сырыми.

Рис. 46. Способ разрезывания гусиной кожи.

Из птичьих яиц жарят яичницу (mana dir) на оленьем или гусином жиру, причем испорченные яйца также идут в пищу.

Из хищных животных нганасаны едят мясо медведя и волка, изредка — песца. Особенно вкусным и нежным считается у них мясо молодых волчат.

Рыбу нганасаны потребляют почти исключительно в сыром виде. Мерзлую рыбу зимой стругают (jakьratь — рис. 49), летом ее едят живой, нарезая тешку и спину двумя длинными кусками, бока — двумя широкими пластами. При строгании рыбы ее хребтовая часть и тешка вырезаются и, будучи разделены на равные мелкие кусочки, съедаются присутствующими лишь под конец.

Вялсная на солнце рыба называется юколой (jukkala или faka — табл. 16, *2*, *3*). Приготовляют ее так: у рыбы отрезают голову, а саму ее разрезают на две равные части вдоль спины до хвоста. С внутренней стороны, в целях лучшего провяливания, на ней делаются надрезы, и в таком виде она развешивается на нартах. Перед употреблением в пищу

Рис. 47. Посуда для хранения топленого жира. *а* — малый желудок оленя; *б* — желудок кунжи; *в* — мочевой пузырь оленя; *г* — пищевод оленя; *д* — шкура оленьего теленка; *е* — целиком снятая кожа кунжи; *ж* — сосуд из гусиной лапки.

юколу приносят в чум и вешают ее над огнем. Пока закипит чайник, она успевает прокоптиться и отчасти прожариться. Зимой юколу хранят в размельченном виде.

Из рыбьих отбросов (внутренностей и костей) вываривают жир (kolь dir), который хранится в оленьих желудках, в желудках и целиком снятых шкурах кунжи (рис. 47), а также в мочевом пузыре оленя и его пищеводе (рис. 47, е).

Иногда при большом количестве рыбьего жира его хранят в шкурах оленя-двухлетки. Смешав размельченную юколу с жиром, получают

Рис. 48. Наливают жир в желудок оленя.

варку, которую также хранят в оленьих желудках. О степени удачи в рыбной ловле принято судить по количеству оленьих желудков, наполненных варкой или жиром.

Икру (*t*irimie) едят в сыром, вареном и вяленом виде. Вяленую икру размельчают в порошок и смешивают с жиром. Из свежей икры, сваренной в жиру, приготовляют кушанье, называемое *d*anda.

Варят рыбу нганасаны сравнительно редко. Перед варкой они разрезают большие рыбы пополам, у маленьких снимают два широких пласта с боков; тешку при этом нганасаны съедают сырьем. Обычно варят рыбу в одном котле с мясом, но чтобы она не разварилась, ее кладут поверх кусочков мяса. Соли нгасаны не употребляют совершенно.

Из муки, замешанной на воде, изготовляют лепешки (kiriba) (рис. 51). При этом скатывают колобок, величиною с голову, расплющивают его

Рис. 49. Женщина чистит ножом мерзлую рыбу.

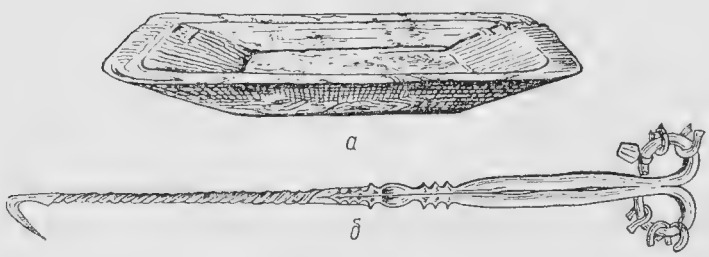


Рис. 50. *а* — деревянный лоток для еды (дл. 51 см); *б* — железный крюк для вытаскивания из котла вареного мяса (дл. 50 см).

и плоской стороной ставят к огню. Когда на колобке образуется корочка, ее срезают широким ножом в виде тонкой лепешки и поджаривают на рыбьем жиру или же на покупном коровьем масле. Чтобы нож не приставал к тесту, его смачивают слюной.

Кроме лепешек нганасаны едят также сушки и сухари, причем предпочитают ржаные. Муку иногда жарят и едят ее, насыпая в чай. Чай пьют кирпичный, заваривают его очень густо в больших чайниках, не выбрасывая старых выварок, так что иногда последние занимают чуть ли не половину чайника.

У нганасанов ни одна еда не обходится без чаепития. Чтобы лучше пилось, перед чаем рекомендуется поесть холодной строганины. Водку нганасаны очень любят и пьянеют от нее быстро. Нганасану достаточно выпить одну рюмку, чтобы начать петь песни и буянить. Пьяные у нганасанов в прежнее время отождествлялись с прорицателями, к их разговорам внимательно прислушивались, и они истолковывались как пророчества.

Рис. 51. Женщина размешивает из муки тесто для лепешек.

Из наркотиков нганасанам известен только табак. Его нюхают, закладывают за щеки и курят из железных или костяных трубок. Из трубок вынимают нагар и закладывают его за щеку. Курят табак и мужчины, и женщины, а еще недавно курили даже дети 3—4 лет.

У сына Уранника на верхней губе выступили язвы. Отец объяснял это употреблением никотина, от чего якобы гниют губы. По словам Уранника, люди от этого нередко умирают.

Авамские нганасаны размельчают листовой табак, смешивают его с трубочным нагаром и жиром, разводят в воде и это месиво закладывают за щеку. При этом за щеку они также кладут пучок собачьей шерсти, выдернутой из опушки своей малицы и скатанной шариком.

В качестве посуды нганасаны употребляют деревянные лотки, покупаемые у долган, вареное мясо достают из котлов железными крючками (рис. 51, *а*, *б*). Чай нганасаны пьют либо из покупных чашек, либо из жестяных банок и других сосудов, заменяющих чашки. Еще до недавнего времени посуда нганасанами никогда не мылась, и из нее ели не только люди, но и собаки. Стеклянная и фаянсовая посуда заворачивается в тряпки и хранится в коробках с небольшими ячейками.

ОДЕЖДА

У нганасанов почти вся одежда шьется из оленьих шкур. Зимние шкуры с длинной шерстью идут на шитье зимней верхней одежды, летние шкуры с короткой шерстью и шкурки телят — на шитье летней домашней одежды. Из камусов шьются рукавицы и обувь. Из ровдуги или замши изготовляются женские комбинэ и мужские натазники. Нитки приготовляются из оленьих сухожилий тут же, во время шитья. Обычно швея кладет рядом с собою пучек сухожилий, откуда, по мере надобности, отделяет волокна и сучит из них на щеке, правой ладонью, нитки. Чтобы они не раскручивались, швея смачивает их слюной, пропуская между губами (рис. 53). Сухожильные нитки (*seti*) получаются двух сортов: грубые и тонкие; по своим качествам последние мало отличаются от покупных.

Нганасаны никогда не употребляют тканей на одежду, за исключением цветных сукон (ta*ng*aka), из которых шьются нарядные танцовальные и погребальные одежды и делаются кантики. Излюбленными цветами у нганасанов являются белый, красный и черный.

Ножницами нганасаны работать не умеют. При шитье они нарезают шкуры широкими ножами фабричного изделия (kor*u*psek*u*m*a*), употребляемыми у нас для резки хлеба. Кроят шкуру на специальной кроильной доске (*n*gelь) (рис. 52) и только со стороны мездры, чтобы не повредить ворса. Удачный подбор ворса делает места соединения двух кусочков шкуры со стороны шерсти совершенно незаметными. При шитье нитку никогда не наставляют, конец ее заузливается, и шить начинают другой ниткой. Сукно для кантиков также нарезают ножом, причем не поперек, а вдоль куска, узкими и длинными полосками. Техника шитья кантиков следующая: узень-

Рис. 52. Нарезание кожи.

Рис. 53. Сучение нитки на щеке.

кая полоска сукна вкладывается между краями двух кусочков кожи таким образом, чтобы один край ее со стороны шерсти выступал в виде узенькой линии. Один общий шов со стороны мездры соединяет все три слоя (два — кожи и один — сукна).

Кроме кантиков одежда украшается апликацией и раскраской; раскрашивается главным образом ровдужная одежда. Черные части апликации

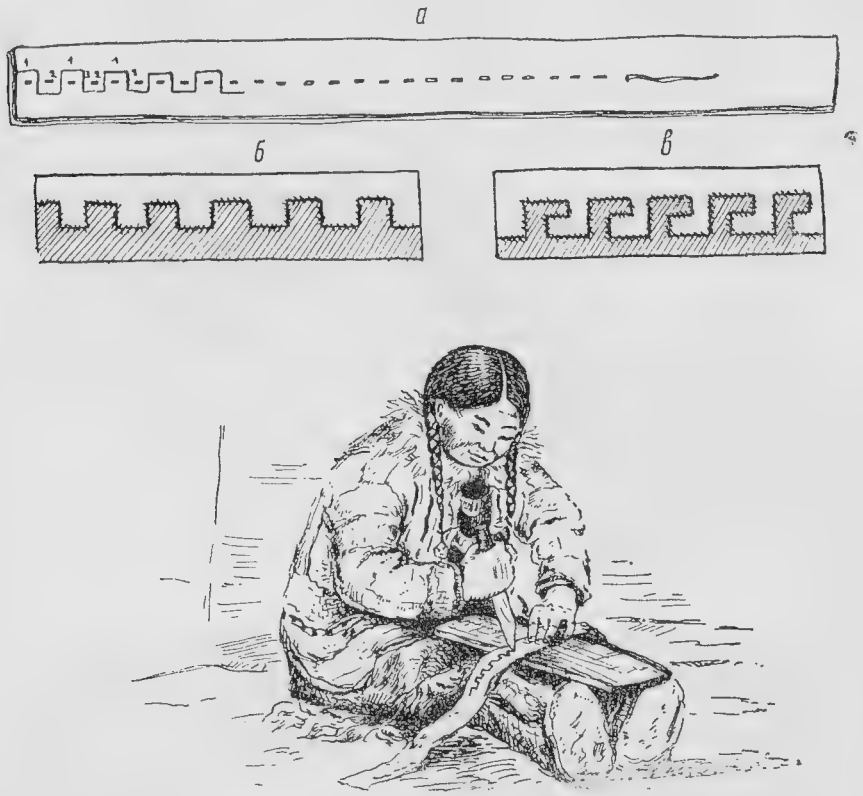


Рис. 54. Нарезание орнамента из кожи и сукна острым концом ножа. *а* — накладываются один на другой два равных лоскутка кожи или сукна разных цветов и, чтобы они не съезжали при вырезывании узора, посредине пристегиваются ниткой. Цифрами показано последовательное направление движения острого конца ножа. После резки получаются четыре полосы, которые сшиваются вместе таким образом, чтобы зубцы орнамента одного лоскутка входили в вырез другого (*б*, *в*).

изготовляются из черного сафьяна, кожи или сукна. Женщина вырезает их острым концом ножа на кроильной доске без всякой предварительной разметки или трафарета (рис. 54). Из одной ленты, благодаря единой линии выреза, идущей по середине, получаются две совершенно одинаковые полосы узора, которые должны точно совпадать своими зубцами при апликации. Это достигается тем, что две полосы различных цветов накладываются друг на

друга и сшиваются вместе одним швом, идущим по середине; таким образом, вырезаемый узор делается сразу на двух полосках. Полоски эти затем распарываются, и полученные четыре ленточки с узорными краями складываются попарно (зубцы с зубцами) и соединяются при помощи мелких стежков.

Для окраски кожи в черный цвет употребляется графит (nijkada), в красный — охра (juoru) или покупной сурик. Краску разводят в воде; размазывают ее при помощи клубка оленьей шерсти. Тонкие линии наносятся на кожу специальными палочками (fuga) краской, растертой на плоском камне и разведенной слюной. Тонкими красными и черными линиями окаймляются швы из подшейного оленьего волоса (bej), имеющего в настоящее время только декоративный характер. С верхней стороны шва проводится красная линия, с нижней — черная. При шитье пучок подшейных волос оленя перевязывается по середине лоскутком ровдуги, и из него, по мере надобности, выдергивают по нескольку волосков, которые смачиваются во рту слюной и прикладываются к поверхности кожи. Пучки эти прикрепляются одним стежком по середине, затем перегибаются, и полученный двойной пучок пришивается к коже винтообразным швом при помощи сухожильных ниток; каждый следующий пучок своей серединой прикрепляется к концу предыдущего. По окончании шитья кончики волос и ниток срезаются ножом. Искусная швея делает места соединения пучков подшейного волоса совершенно незаметными для глаза (рис. 55, *А*). Мешки для ног при езде на нартах часто украшают штампованным орнаментом в виде крестиков и звездочек, который наносится специальными деревянными печатками (рис. 55).

Швейные принадлежности хранятся в сумках (*ng*amasa), сшитых из горизонтально расположенных оленьих камусов (рис. 56).[1] В этих сумках хранятся баночки из-под монпансье или консервов с бусами, серьгами и различными запасными женскими украшениями, а также меховые лоскутки, из которых наиболее мелкие нанизываются заботливыми хозяйками на нитки (forumuo). Кроме того, в сумках хранятся оленьи сухожилия, лоскутки красного и черного сукна и т. п.

Нужно иметь поистине громадное терпение, чтобы составлять ту мелкую мозаику из кусочков кожи, какую делают нганасанские швеи, не оставляющие при этом ни одного, даже самого мизерного лоскутка неиспользованным.

Нганасанская одежда весьма своеобразна и по своему виду сильно отличается от одежды соседних народов.

Наиболее оригинальной представляется нганасанская обувь (fajimu), больше нигде не встречающаяся, насколько мне известно. Она не имеет выемов в подъеме и представляет как бы цилиндрический чехол, сообщающий ноге вид передней конской ноги (рис. 57, *б*, *в*, *г*, *д*; табл. 23). Зимняя обувь шьется исключительно из белых камусов; на мужскую, с длинными

[1] На эвенкийских сумках эти камусы расположены вертикально.

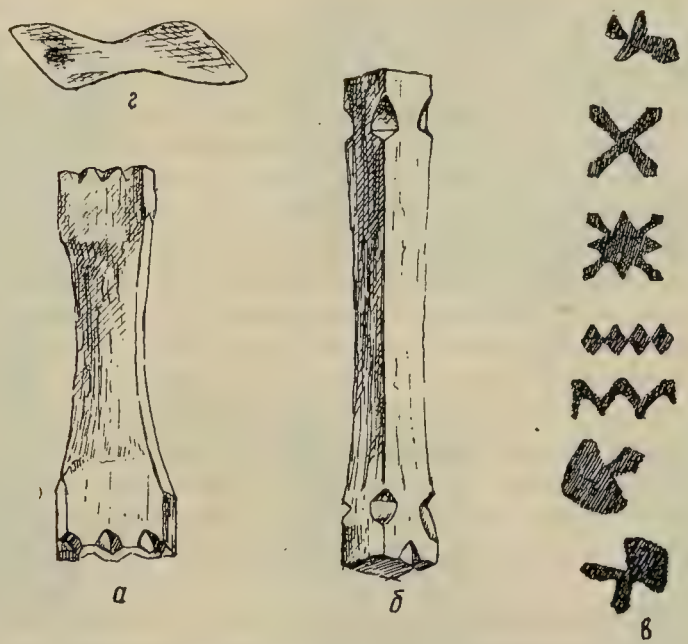
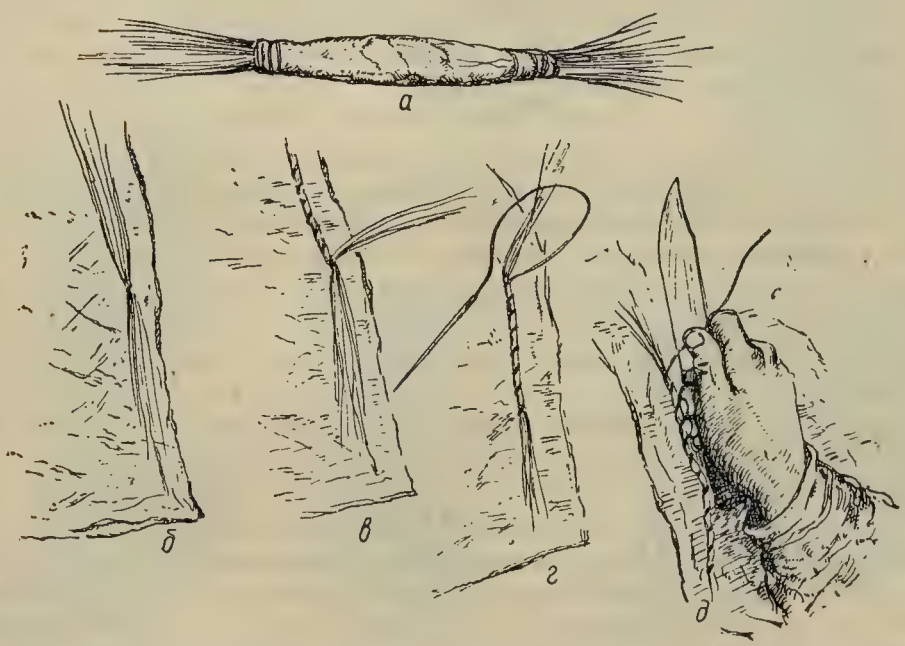


Рис. 55. *а, б* — деревянные штампы для нанесения орнамента на ровдуге (дл. от 5 до 10 см); *в* — палочки для нанесения краски тонкой линией (дл. 4 см).



Рас. 55А. Способ подшивки подшейного оленьего волоса. *а* — пучок подшейного волоса, завернутый в кусок ровдуги и связанный по концам; швея по мере надобности выдергивает по нескольку волосков из пучка; выдернутые волоски закрепляются посредине сухожильной нитью (*б*), затем сгибаются (*в*) и прошиваются винтообразным швом (*г*), и конец сухожильной нитки разрезается ножом (*д*).

голенищами, идет восемь камусов, на женскую — меньше, так как голенище ее короче. Все отдельно скроенные части обуви сшиваются друг с другом в строгой последовательности. Сначала вырезается длинный клин передней части правого бакаря (обуви), затем шестиугольный лоскуточек передка; одновременно с этим вырезаются те же части и для левого бакаря. Шестиугольник пришивается к нижнему концу длинного клинышка правого бакаря, затем — левого. После этого вырезаются два боковых клинышка обоих бакарей и т. д. Оба бакаря таким образом шьются одновременно, так как соответствующие части обоих по своей форме и величине должны быть строго одинаковыми. Одна деталь служит здесь как бы меркой для другой. Отдельные парные детали бакаря вырезают из одного куска кожи, складывая его пополам, чтобы получились одинаковые фигуры.

Подошвы для бакарей делаются из оленьих лбов или из камусов, шерстью наружу. Так как последние бывают очень скользкими, то шерсть на них подрезают в виде ступенчатых зарубок. Наиболее прочными считаются подошвы, сделанные из оленьих щеток (рис. 57, *е*); их можно носить больше года.

Мужские бакари шьются всегда выше колен. Под коленями и с передней стороны голеней они имеют по паре вязок, которыми подвязываются к поясу. Зимние бакари надеваются на теплые чулки, сшитые из оленьей кожи и по своей внешней форме точно соответствующие бакарям. К чулкам охотника над коленной чашечкой иногда пришивается лоскуток меха, чтобы при стрельбе „с колена“ колени его не замерзали (рис. 57 *в*). На шитье пары чулок идет целиком одна шкура оленя.

Вместо штанов нганасаны носят короткие натазники: наружные — из кожи мехом внутрь; внутренние, заменяющие кальсоны, — из ровдуги (табл. 22). К тем и другим спереди пришиваются ровдужные кисти (*d*jato), раскрашенные черной и красной красками и вышитые подшейным волосом оленя. У нарядных ровдужных натазников передние швы декорируются нашивками из белого подшейного волоса, обведенными с одной стороны красной, с другой — черной линиями. Нганасанские натазники не имеют пояса; спереди они доходят только до нижней части живота и плотно стягиваются вздежкой.

Поверх мехового натазника нганасаны надевают пояс из сафьяна или ремня (tula), с двумя медными кольцами по бокам. К правому кольцу подвешивается огниво (tuuj), к левому — нож в ножнах, а рядом с ним — сшитый из кожи футляр для длинной железной трубки (fa boba). Нижние концы ножен и футляра для трубки соединяются ремешком, посредством которого они привязываются к ноге. К этому же кольцу прикрепляется кожаный кисет (bobiej) с железным крючком для очистки трубки от нагара (ki*ngng*a). К поясу же, как было указано, привязываются и голенища мужской обуви (рис. 58).

Мужская верхняя одежда — малица носит у нганасанов название l*u*. На ее изготовление идет одна черная или одна белая шкура оленя или поло-

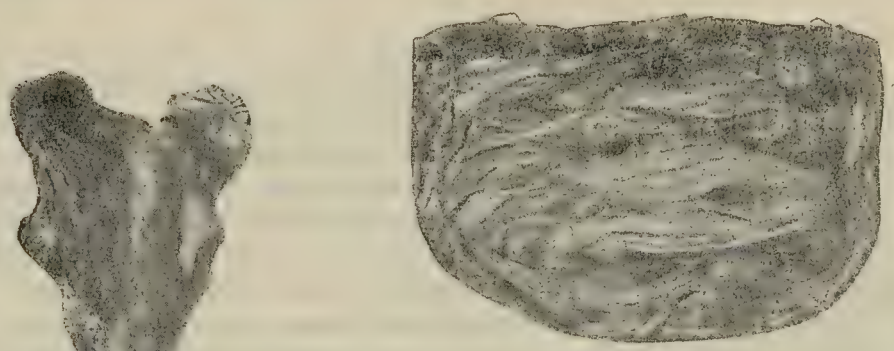


Рис. 56.

Рис. 56. Сумка из оленьих камусов (дл. 63 см).

Рис. 57. *а* — камус оленя; *б* — мужская меховая обувь; *в* — мужские охотничьи меховые чулки; над коленом пришит кусок оленьего меха, чтобы не было холодно ноге при стрельбе из ружья с колена; *г* — летняя мужская обувь из ровдуги; *д* — женская летняя обувь из ровдуги; *е* — подошвы зимней обуви из „щеток" с ноги оленя.

вина черной и половина белой шкуры, а также белые шкурки с брюха четырех оленей (fbra). На lu употребляются только летние шкуры или шкурки пыжика с короткой шерстью, напоминающий собою плюш. Малицы бывают будничные и нарядные; последние всегда орнаментированы. Передняя сторона малицы шьется из белой шкуры, спина — иногда из черной, с отдельными белыми вставками. Грудь окаймляется узкими полосками из черного меха в виде линий, которых на будничной малице бывает три, на нарядной — две; середина между ними украшается узорной апликацией, идущей параллельно черным полоскам. Боковые клинья спереди имеют форму усеченных

Рис. 58. Кожаный мужской пояс. *а* — нож в ножнах; *б* — чехол для курительной трубки; *в* — трутница; *г* — ремень для подвязывания к бедру ножен и чехла трубки, чтобы они не болтались; *д* — огниво на ремешке.

прямоугольных треугольников. Ниже пояса малица обшивается в виде колец белыми шкурками с живота оленя. Швы, соединяющие эти кольца, обшиваются красными и черными кантиками из сукна (табл. 24, 25, 26, 27, и рис. 67, *А*). В нарядных малицах средняя полоса кольца украшается, кроме того, апликацией. Подмышками вставляются ровдужные ластовицы, выкрашенные в нарядных малицах охрой.

Середина спины будничной малицы состоит из квадратного куска кожи (в нарядных малицах этот кусок обрамляется апликацией), который с нижней стороны несколько ушивается посредством выточки. Делается это во избежание образования на спине складок. Рукава состоят из кусочков черной и белой кожи; на нарядных малицах рукава сверху, снизу и по середине имеют по два шва, делящие их на две равные части; каждая из них шьется из различных кусков кожи, по расцветке не совпадающих. Обшлага делаются из ровдуги, окрашенной охрой и орнаментированной подшейным волосом.

Задняя часть капюшона вырезается в виде полукруга с двумя выступами, образующими его боковые части. Спереди над головой вставляется лоскуток кожи в форме усеченной пирамиды, соединяющий боковые части капюшона; передняя часть капюшона составляется из двух кусочков кожи, напоминающих по своей форме треугольник с усеченной вершиной. Края лицевого отверстия капюшона плотно стягиваются при помощи ремня вздежкой.

Нганасанская малица (*lи*) состоит из двух частей, надеваемых одна на другую. Верхняя, короткая, шьется шерстью наружу и надевается на нижнюю, более длинную, обращенную шерстью внутрь. Подол летней, короткой

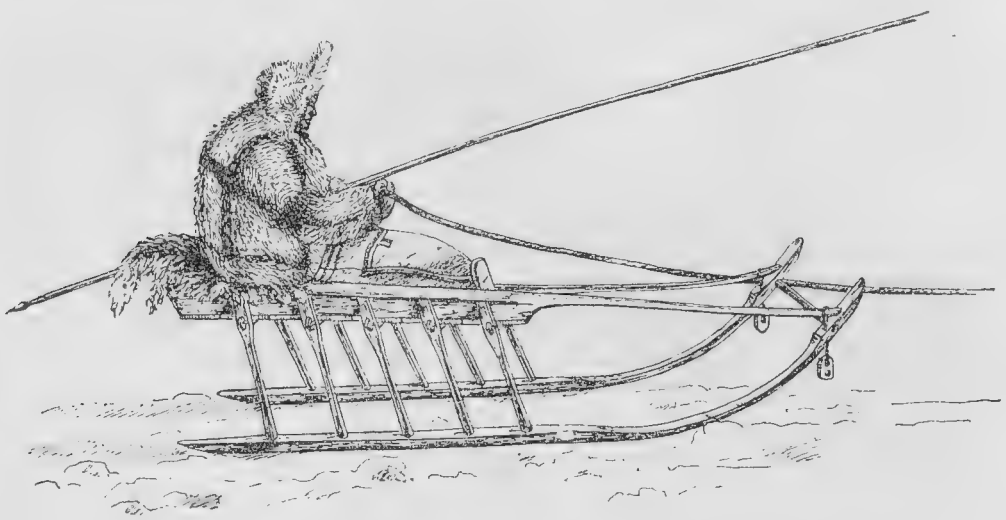


Рис. 59. Способ использования мужчинами ножного мешка при езде на нартах. Ездок закладывает согнутые ноги в мешок.

части малицы по краю обводится полоской красной охры, шириною с палец, подол нижней — охрой и графитом и, кроме того, расшивается подшейным волосом.

Обе части малицы, верхняя и нижняя, обшиваются по подолу белой собачьей шкурой. На затылке капюшона и на спине малицы пришиваются раскрашенные ровдужные кисти, которые вырезаются из квадратного куска ровдуги, орнаментированного линиями из охры и графита и разрезанного затем ножом на тонкие полоски.

Малица служит только домашней одеждой. При поездках поверх нее надевается совик (fie — табл. 17, *1*, *2* и рис. 67, *Б*), на шитье которого идет одна зимняя пушистая шкура оленя и восемь лоскутков оленьей кожи с брюшной стороны. По своему покрою совик очень сходен с *lи*. Передняя часть его выкраивается их трех частей: центральной (квадратной) и двух боковых, близких по форме к треугольнику. Ластовицы делаются из белого

меха и поэтому не выделяются на общем фоне так, как на малице. Спереди на капюшоне пришивается в виде султана олений хвостик (*sungnguku*).

Охотничий совик шьется из белых (под цвет снега) оленьих шкурок, и к его капюшону султан не пришивается.

Летний совик, являющийся дождевиком, по своему покрою весьма напоминает охотничий (табл. 17, 3). Чтобы он не промокал, шерсть на нем до половины подрезается ножом.

К мужской одежде относится также кукуль (*mьli* — табл. 21). Шьется он из двух шкур и представляет мешок для предохранения ног от мороза при езде на нартах (рис. 59 и 69, *E*). Верхняя сторона кукуля разрисовывается и расшивается подшейным волосом оленя.

Нижняя женская одежда состоит из комбинэ (fonie — табл. 18, *1*, *2*, и табл. 30), на изготовление которого идет одна ровдуга. Последовательный процесс шитья комбинэ показан на чертеже (рис. 68). Спереди комбинэ украшается по середине широкой полосой охры; охрой же раскрашиваются спереди штанины. На грудь привязывается от пяти до семи полулунных пластинок из желтой меди со штампованными узорами. Каждая штанина украшается спереди семью медными трубочками с медными кольцами. С правого бока на цепочке из больших медных колец привязывают железное огниво на витой железной цепочке, крюк для очистки трубки от нагара, игольник с кисетом для табака, представляющим собою расписной мешок, расшитый бисером. С левого бока подвешиваются на ремнях медные трубочки, внутри которых хранятся иголки. Трубочки эти оттягиваются по ремню вверх и на освобождающуюся часть ремня втыкаются иголки, после чего трубочки снова надвигаются. К концу ремня, по которому скользит игольная трубочка, во избежание ее соскальзывания, привязывается медная бляха. К комбинэ спереди пришивается ровдужный пояс (завязывающийся сзади) с ниспадающими раскрашенными кистями. Концы штанин комбинэ завязываются посредством вздежек.

Женская зимняя обувь также шьется из белых оленьих камусов, но в отличие от мужской имеет короткие голенища, немного выше колен (рис. 69, *B*). Широкие полосы из черного меха по бокам и четырехугольная полоска меха с задней стороны над пятками отличают женскую обувь от мужской. Концы голенищ закладываются под нижние края штанин комбинэ и очень туго затягиваются под коленом вздежкой. Этим, по всей вероятности, объясняется и характерная походка нганасанских женщин с согнутыми в коленях ногами.

Поверх нижнего комбинэ надевается наружная одежда с разрезом (lifarie — табл. 28 и 29), на шитье которой идет одна белая оленья шкура и шесть полосок шкур с брюшной части оленя. Lifarie, в отличие от *li*, при отсутствии капюшона снабжена пушистым воротником (табл. 1, *2*). По покрою отдельные части ее полностью совпадают с частями мужской малицы, только передняя грудная часть делится разрезом на два отдельных

клина (рис. 69). Lifarie, как и мужская верхняя одежда, надевается на нижнюю шубу, обращенную мехом внутрь, которая несколько длиннее ее. Борта женской шубы (снизу до половины, а подол целиком) обшиваются двойной опушкой из белых собачьих шкур, подобно мужской верхней одежде (рис. 69, *Б*).

Летом женщины у lifarie часто снимают верхнюю узорную шубу и ходят в одной внутренней (рис. 60).

Капюшон у женщин заменяется шапкой (sьmu), напоминающей по своей форме капор. Обычная домашняя шапка состоит из белой оленьей шкуры с опушкой из черных собачьих шкур. На нарядной шапке белый верх украшается черными и красными кантами.

При зимних поездках поверх ровдужного комбинэ женщина надевает другое, обращенное мехом внутрь (табл. 31). На верхнем комбинэ металлические подвески отсутствуют; их заменяют узоры, наносимые черной краской и окаймленные шитьем из подшейного волоса. Верхнее комбинэ, как и нижнее, имеет спереди кисти, окрашенные в красный и черный цвета.

Рис. 60. Нганасанка в летней домашней одежде (снимок И. И. Балуева, из коллекций Красноярского музея).

При поездках поверх lifarie женщина надевает lun, одежду, соответствующую по своему назначению мужскому совику, по покрою же точно совпадающую с lifarie; изготовляется lun из одной оленьей шкуры и шести полос с брюха оленя (табл. 17, *4*).

Как lifarie, так и lun по бортам с обеих сторон имеют ровдужные вязки, заменяющие пуговицы. На спине пришиваются раскрашенные ров-

дужные кисти. К рукавам верхней зимней одежды (как мужской, так и женской) пришиваются варежки из оленьих камусов.

Летняя одежда нганасанов, по своему покрою точно соответствующая зимней, служит для предохранения от дождя и шьется из оленьих шкур с подстриженной шерстью.

Летняя обувь (мужская и женская) шьется из ровдуги; подошвы делаются из оленьих лбов или камусов, обращенных мехом наружу. Эта обувь надевается прямо на голую ногу. По середине подошв делаются отверстия, чтобы попавшая внутрь обуви вода могла свободно выливаться.

Кроме дождевиков и специальной летней обуви, летом используется также сильно поношенная зимняя одежда.

Летом со штанин комбинэ женщины отпарывают медные подвески, мешающие им при ходьбе.

На маленьких детей, независимо от их пола, надевают дома меховое комбинэ (minar) с вырезом сзади (рис. 61).

При поездках на мальчиков надевают совики с капюшонами и с наглухо зашитыми рукавами, сшитые из одной шкуры теленка, на девочек — одежду с капюшоном, напоминающую lifarie (рис. 62). Вместо шарфа маленьким детям на подбородок подвязывают кусок меха.

К женской одежде относится также и полог нарты, сшитый из трех шкур и трех ровдуг, заменяющий собою совик. Полог нарты открыт с левой стороны; по краям он обшивается суконной апликацией и ровдужными, раскрашенными охрой кистями. Он защищает от снежных заносов спину и голову сидящей на нарте женщины (табл. 20).

Весной для защиты глаз от снежного блеска нганасаны носят особые очки (sejmikundi), изготовляемые ими из согнутой металлической пластинки с двумя узкими прорезями.

Пластинка эта укрепляется на затылке при помощи ремешков. Иногда она заменяется двумя расплющенными серебряными рублями с горизонтальными прорезями посередине, вставленными в оправу из окрашенной кожи с бисерными нашивками (табл. 23).

С достижением совершеннолетия для каждого юноши и девушки шьется особая нарядная одежда из красных, черных и белых сукон, которые иногда украшаются медными подвесками. Для девушек, кроме того, шьются шапки из белых, красных и желтых сукон с песцовой опушкой и с высоким султаном, а также особые головные уборы, представляющие медные кольца с подвесками из бисера, завязывающиеся на затылке и под подбородком (табл. 32, 33, 34, 35 и рис. 63).

В нарядную одежду нганасаны одеваются на свадьбах и на „празднике чистого чума“; в нее обряжают также покойников. Описанная ранее нарядная оленья упряжь употребляется при запряжке оленей в свадебной процессии; ее также надевают на оленей, убиваемых на могиле покойника.

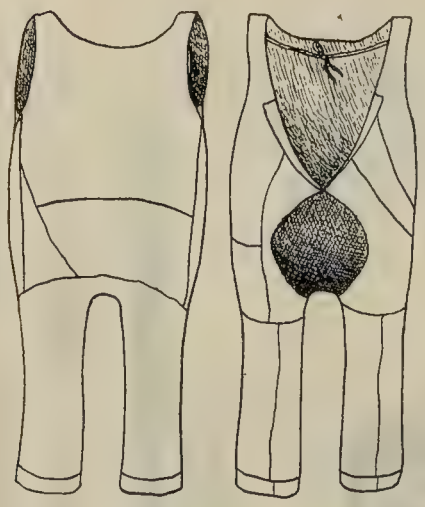


Рис. 61. Детское комбинэ.

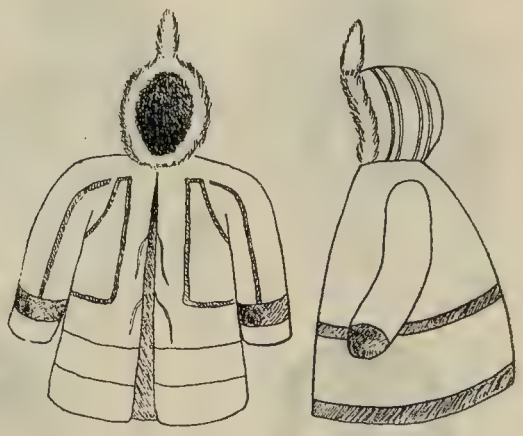


Рис. 62. Верхняя одежда девочки.

Рис. 63. Нганасанка в свадебном и погребальном головном уборе.

Рис. 64. Сооружение прически.

Рис. 65. Накосные украшения из металлических пластинок, пуговиц, денег и бус.

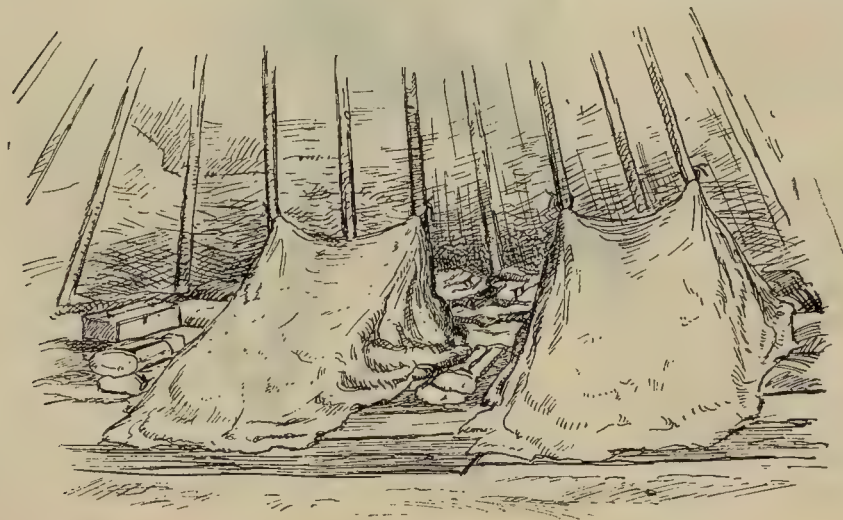


Рис. 66. Спальные одеяла—пологи.

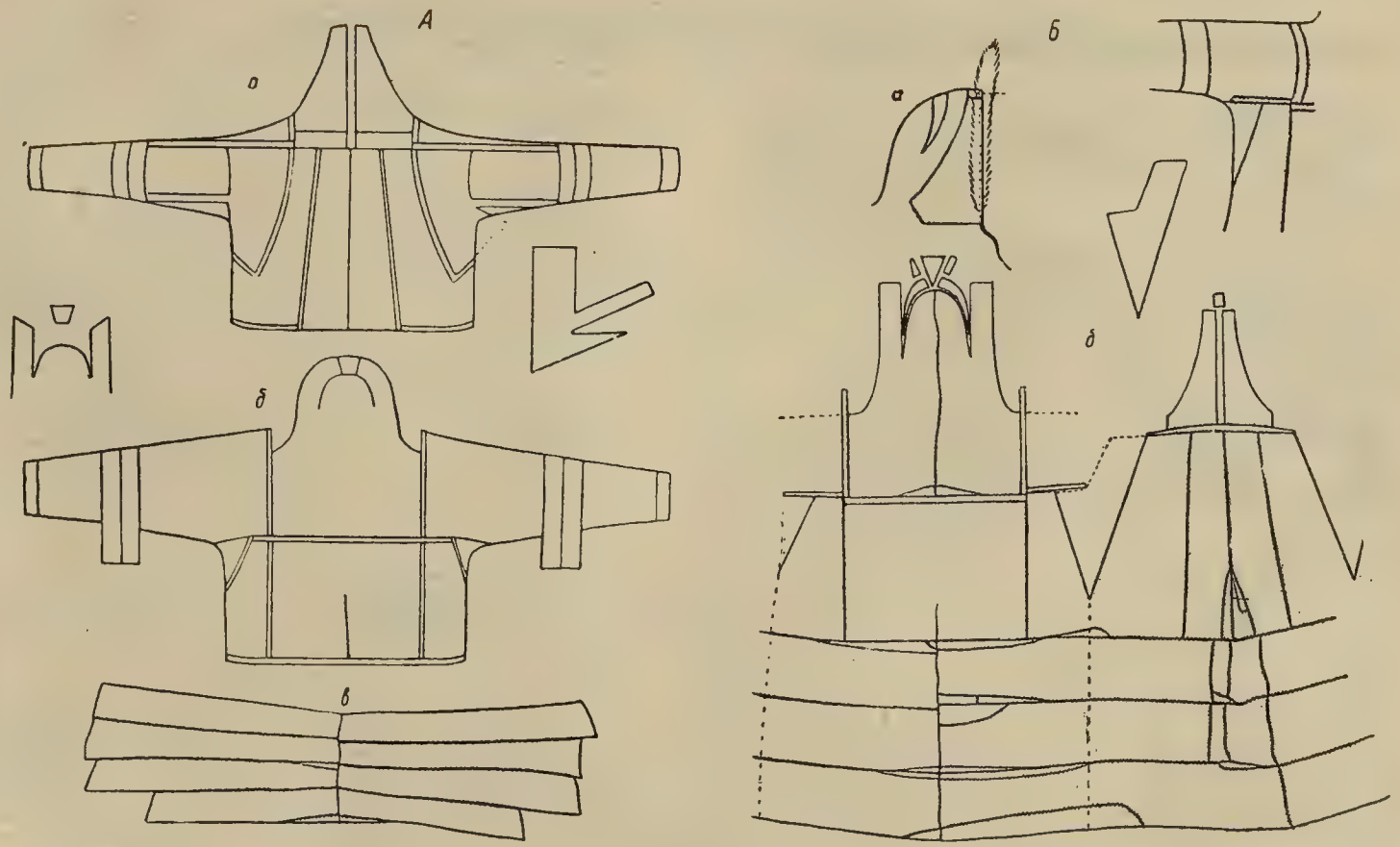


Рис. 67. Покрой мужской одежды. *А* — малица: *а* — перед, *б* — спина, *в* — подол; *Б* — совик: *а* — капюшон с султаном из оленьего хвоста; *б* — перед и спина в развернутом виде.

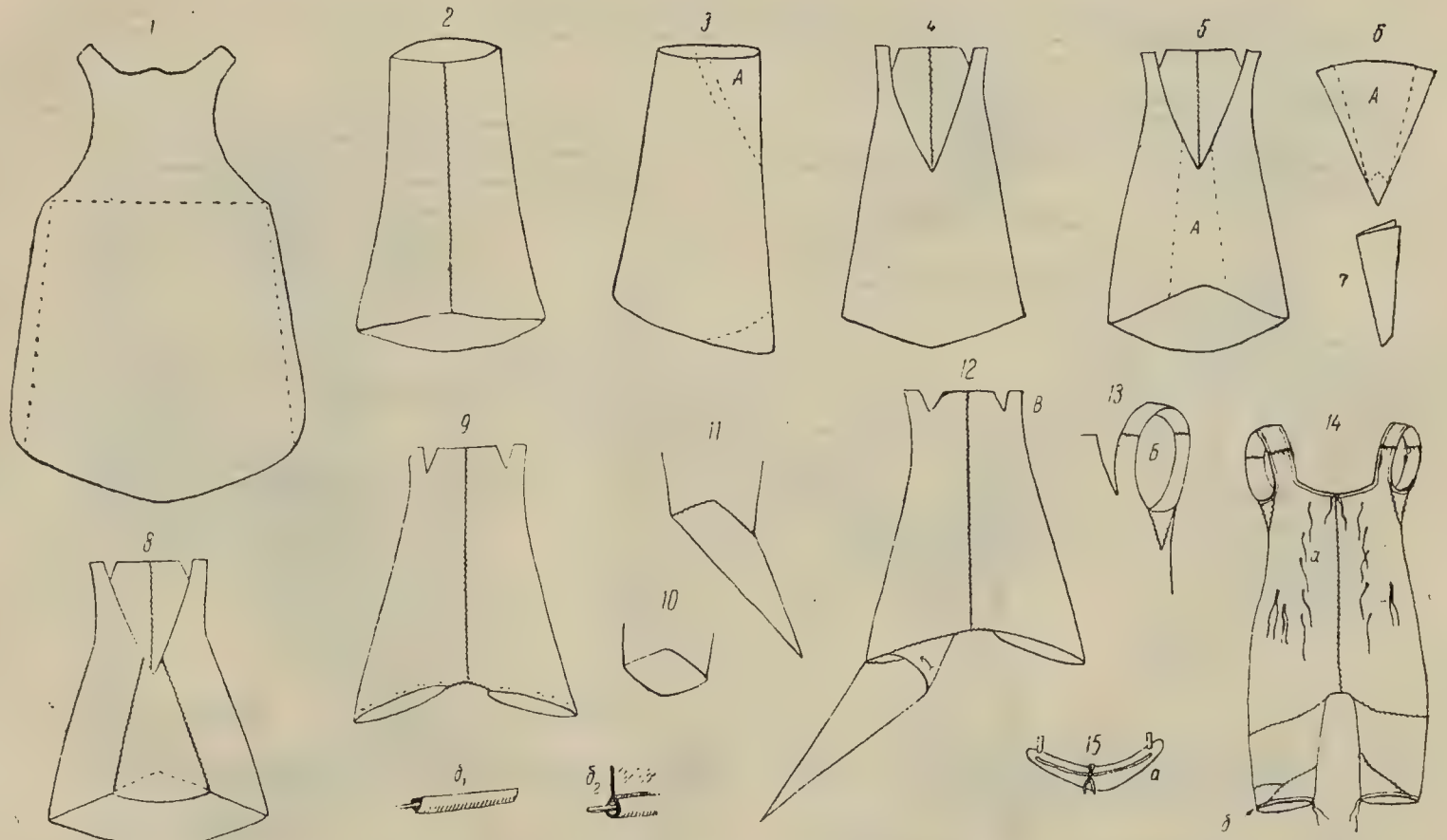


Рис. 68. Покрой ровдужного женского комбинэ (цифрами показана последовательность в шитье): *а* — способ подвязывания на грудь медных полулунных пластин; $б_1$, $б_2$ — вздежки в нижней части штанин.

Рис. 69. *А* — покрой женской внутренней одежды; *Б* — покрой женской верхней одежды; *В* — покрой женской зимней обуви; *Г* — покрой женских меховых чулок; *Д* — покрой подошвы из шкуры с головы оленя; *Е* — покрой мужского ножного мешка; *Ж* — покрой одеяла-полога.

Нганасаны (как мужчины, так и женщины) носят длинные волосы, которые перед причесыванием густо смазывают жиром и костным мозгом оленя, а затем разделяют посередине клинком ножа. У мужчин после этого волосы заплетаются в две косы, пропускаемые за ушами с правой и левой стороны; женщины, взяв пучок волос у начала пробора с обеих сторон, заплетают две косички, другие две косички они заплетают на пучке волос у верхнего края ушей. Косички от пробора и от ушей соединяются вместе концами. Затем они заплетают две большие косы и пропускают их за уши. К концам этих кос женщины привязывают металлические подвески и бусинки (рис. 64). То же самое подвешивают к своим косам и мужчины. Более нарядны женские подвески из медных пуговиц, вдеваемых в косу в двух или трех местах, к ушку которых на тонких ремешках привязываются медные пластинки с прорезями или мелкие серебряные монеты (рис. 65). Подвесками могут служить и случайные предметы, почему-либо понравившиеся женщине, например колесики от сломанных карманных часов, и т. п.

Постелями служат оленьи шкуры. Вместо подушек употребляется меховая одежда. Одеяло имеет вид полога, концы которого привязываются к жердям чума. Под одеялом спит несколько человек (рис. 66).

При расчесывании волос гребнем женщины кладут на колени доску или стол, а между ногами—тарелку с костным мозгом. Вычесывая на доску паразитов, они в то же время смазывают волосы мозгом или жиром с тарелки. Часто для вычесывания из головы паразитов вместо гребней употребляются пушистые заячьи лапки, которыми водят по волосам и на которые переходят паразиты, после чего их вытряхивают.

Из гусиных перьев нганасаны выделывают зубочистки, весьма похожие на наши; они их привязывают к концам ремешков вздежек, затягивающих капюшон малицы.

Судя по преданиям, до своего прихода на данную территорию нганасаны носили одежду, во многом отличную от современной; последнюю они, по их словам, заимствовали у своих соседей — энцев. В прежнее время, согласно преданиям, мужские парки были с разрезом, т. е. такие, какие носят теперь только женщины. Это лишний раз свидетельствует о том, что до своего появления на Таймырском п-ове нганасаны жили в южных районах Сибири, где еще до сих пор встречается мужская одежда с разрезом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

3

2

1 — нганасан Бентале Чуланчар (снимок И. И. Балуева, из коллекций Красноярского музея); *2* — нганасанка Сойтюр Турдагина (снимок И. И. Балуева, из коллекций Красноярского музея); *3* — ученики первой нганасанской школы на станке Летовье вместе со своими родителями (снимок И. И. Балуева, из коллекций Красноярского музея).

Таблица 2

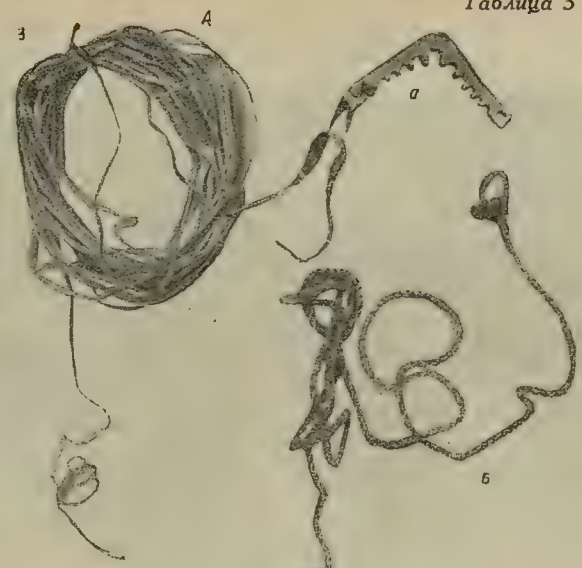
1

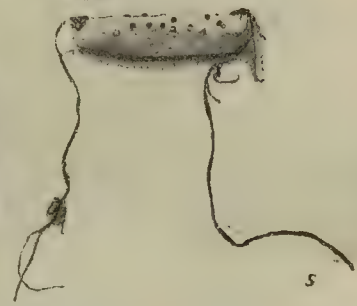
2

3

4

1—тип пешего охотника; *2*—примитивный охотничий шалаш из нарты, поставленной на бок; *3*—пугало над убитым диким оленем для предохранения его от чаек; туша оленя прикрыта шкурой, обложенной по краям кусочками дерна; *4*—охотники, высматривающие диких оленей (снимок И. И. Балуева, из коллекций Красноярского музея).





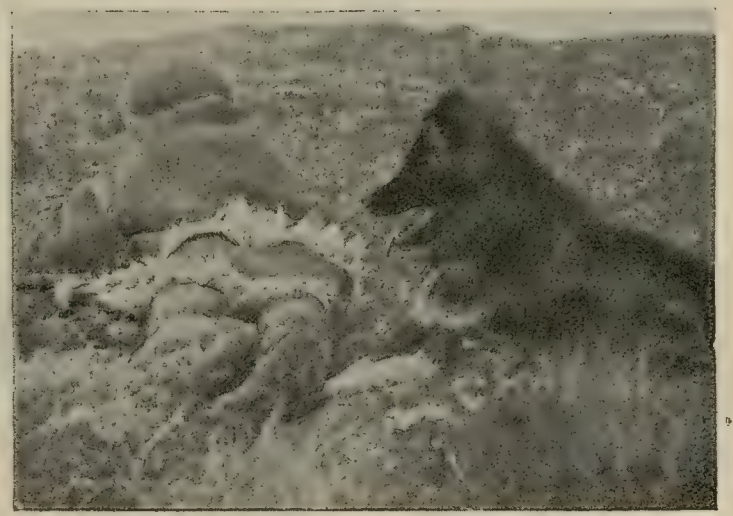
1—охотничий совик из белой оленьей шкуры со стриженной шерстью; *2*—подкрадывание к дикому оленю (снимок И. И. Балуева, из коллекций Красноярского музея); *3*—*А* — веревка для оленя-манщика (*а* — гребешок из оленьего рога), *Б* — сухожильная веревка на рога оленя-манщика; *4*—махавка из белых крыльев куропатки; *5*—жестяная пластинка для предохранения нижней губы от изъязвления.

Таблица 4

1

2

3



4

1—охотник, спрятавшись за глыбой снега, подстерегает диких оленей при загоне в сети; *2*—деревянная пасть для добывания песцов; *3*—настораживание капкана над гусиным гнездом; *4*—облавщик с собакой подстерегает диких гусей.

Таблица 5

1

2

3

4

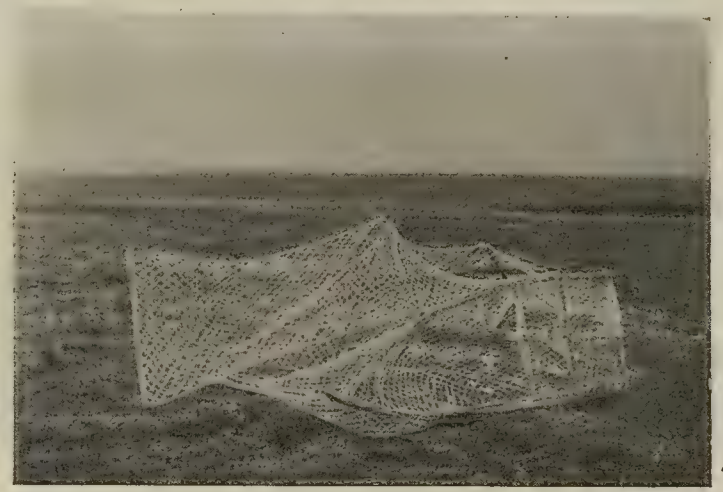
1—загоняют гусей в сети; *2*—свертывают гусям шеи; *3*—ищут с собаками спрятавшихся гусей; *4*—делят убитых гусей.

Таблица 6

1

2

3

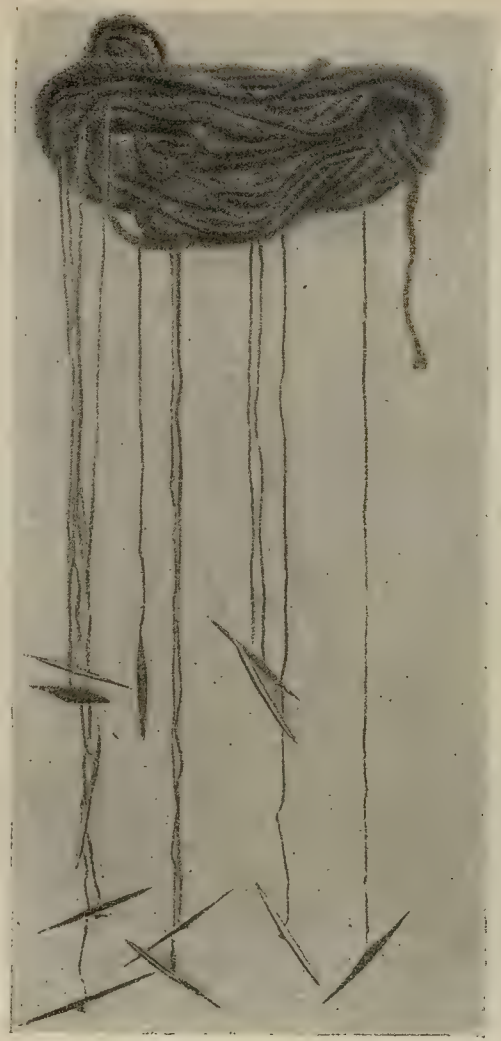


4

1—охотник, перетаскивающий свою долю убитых гусей; *2*—складывают гусей; *3*—огораживают сетями убитых гусей для предохранения их от чаек; *4*—ограда из сетей над гусями.

для предохранения их от чаек; 4—ограда из сетей над гусями.

Таблица 7



1

2

3

1—перемет из костяных спиц для ловли рыбы; *2*—расстилают сеть для просушки; *3*—подледный лов рыбы на реке Янгоде (снимок И. И. Балуева).

1

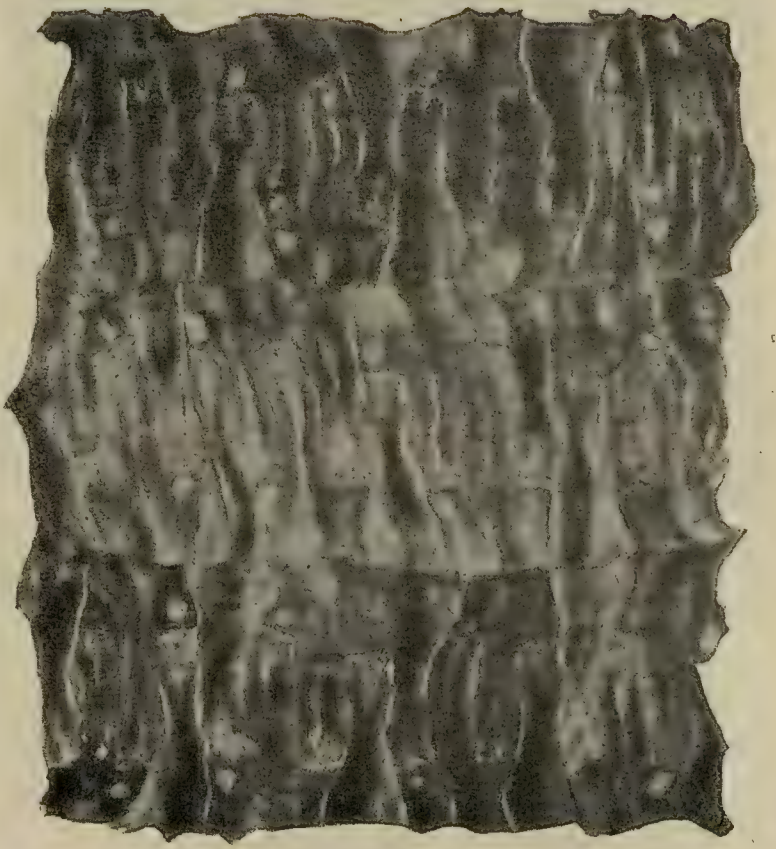
2

3

1—олени, выкапывающие ягель из-под снега; *2*—важенка с теленком; *3*—олень с колокольцем на рогах.

1

2



3

1—оленья упряжь; видны лямка и пояс; *2*—нарта с грузом; *3*—покрышка грузовой нарты, сшитая из камусов.

Таблица 10

1

2

3

4

1—олени, привязанные на один аркан; *2*—оленегонная собака; *3*—приделывание подполозника; *4*. Исправление ружья.

1

2

3

4

5

1—шкурка гагары; *2*—шкурка утки; *3*—спицы для плетения аркана; *4*—плетение аркана; *5*—плетение сети.

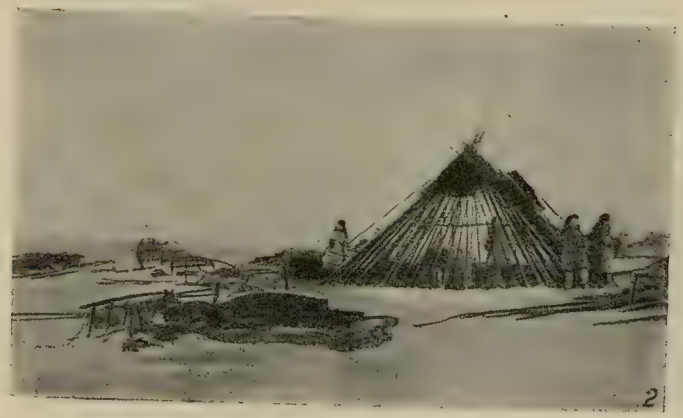
1

2

3

4

1—просушка оленьих шкур на солнце; *2*—просушка телячьей шкуры; *3*—общий вид летнего стойбища; *4*—летний чум с двумя входными отверстиями для левой и правой половины.



1—установка основных жердей чума; *2*—покрытие чума; *3*—зимний „аргиш" (караван) при перекочевках.

Таблица 14

1

2

3

4

1—нарты с зимней одеждой, оставляемые до осени в тундре; *2*—весенняя просушка зимней одежды; *3*—переправа через реку Балда-тари; *4*—убой оленя удушением.

1

2

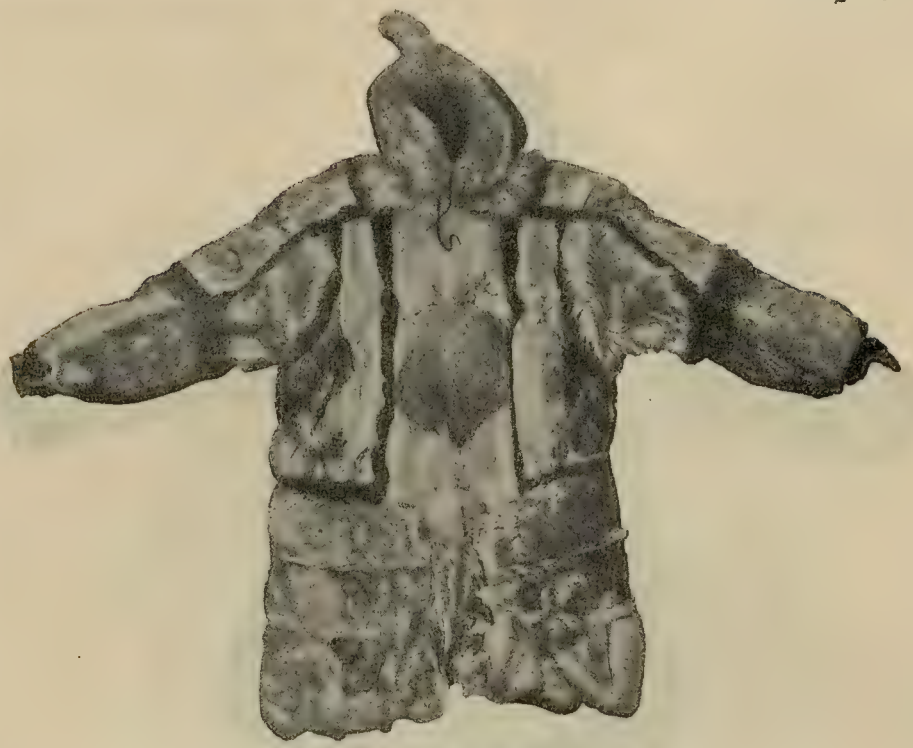
3

1 — продукты питания: *а* — корни растений, *б* — вяленые гусиные желудки, *в* — вяленые ребра дикого оленя, *г* — вяленые гусиные ножки, *д*—ножная кость оленя, *е*—гусиные папороти; *2*—развешивание кусочков мяса для вяления; *3*—разбивание костей обухом топора.

2

1 *3*

1—большой желудок оленя — сосуд для хранения жира; *2*—нарезание рыбы для вяления; *3*—развешивание юколы.

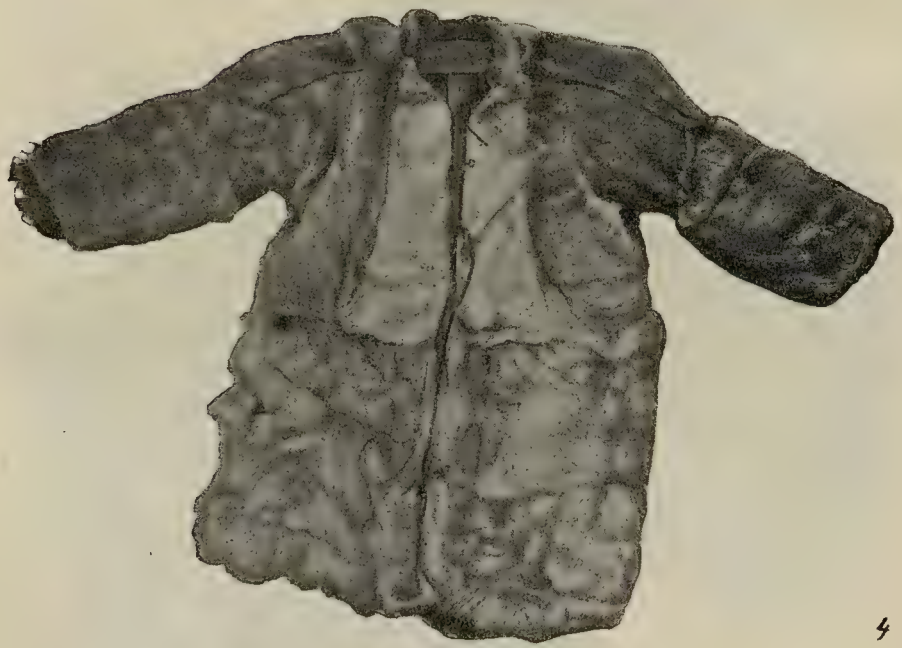


1

2

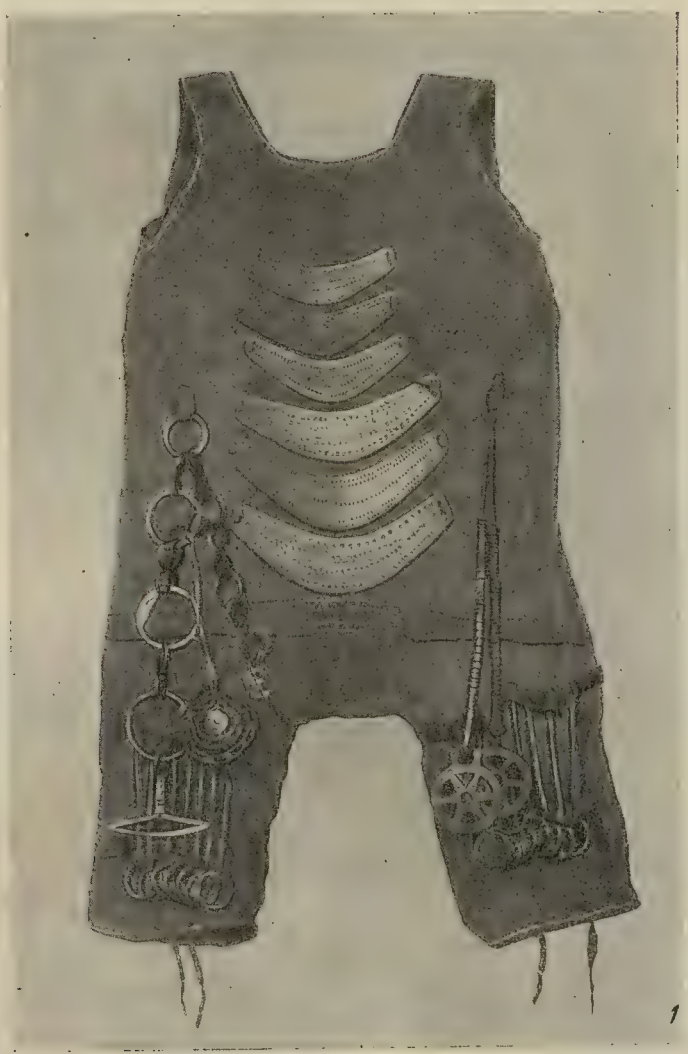
1—мужской совик (спереди); *2*—мужской совик (сзади).

3



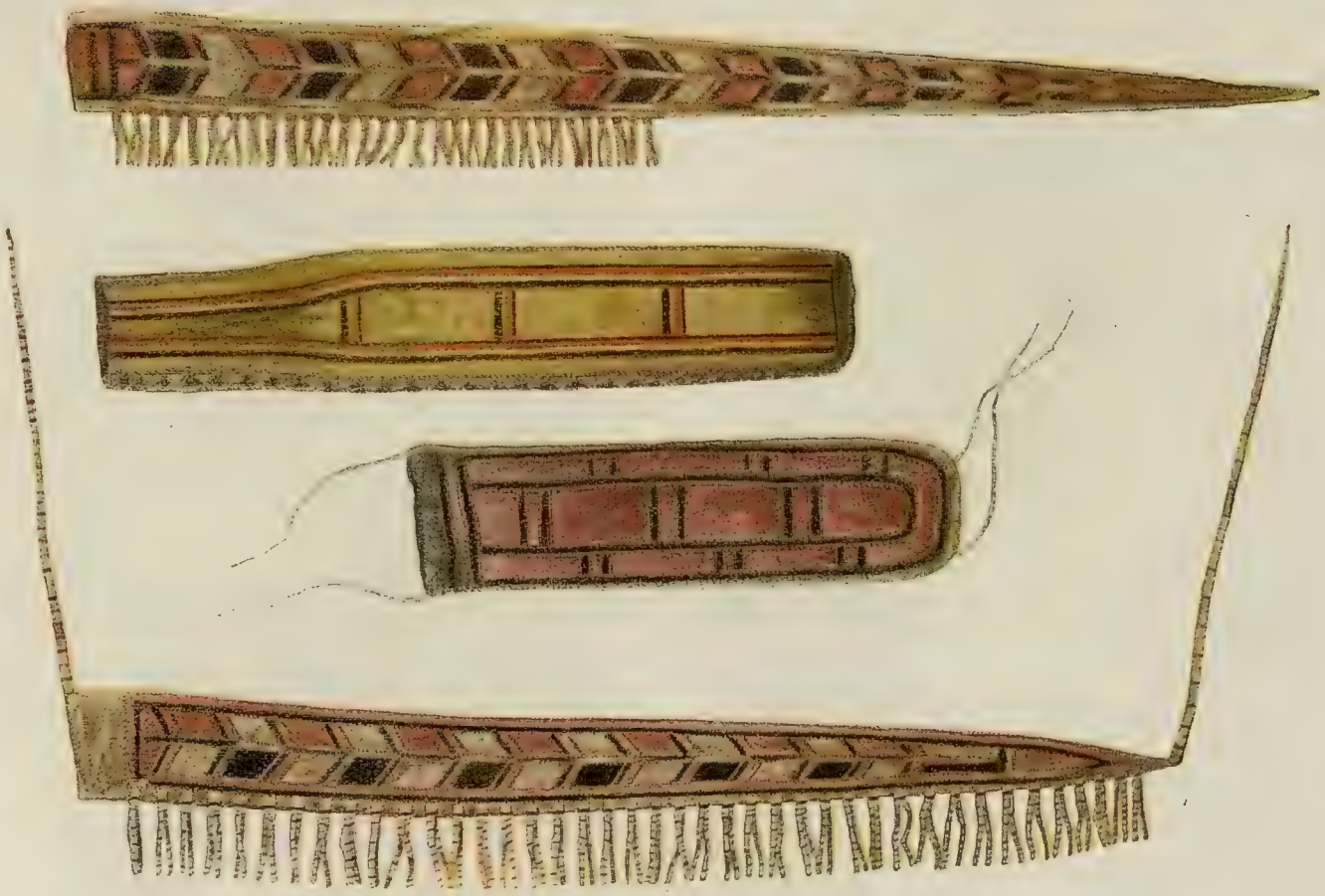
4

3—мужской летний охотничий совик; *4*—женская зимняя верхняя парка.



1—женское ровдужное домашнее комбинэ.

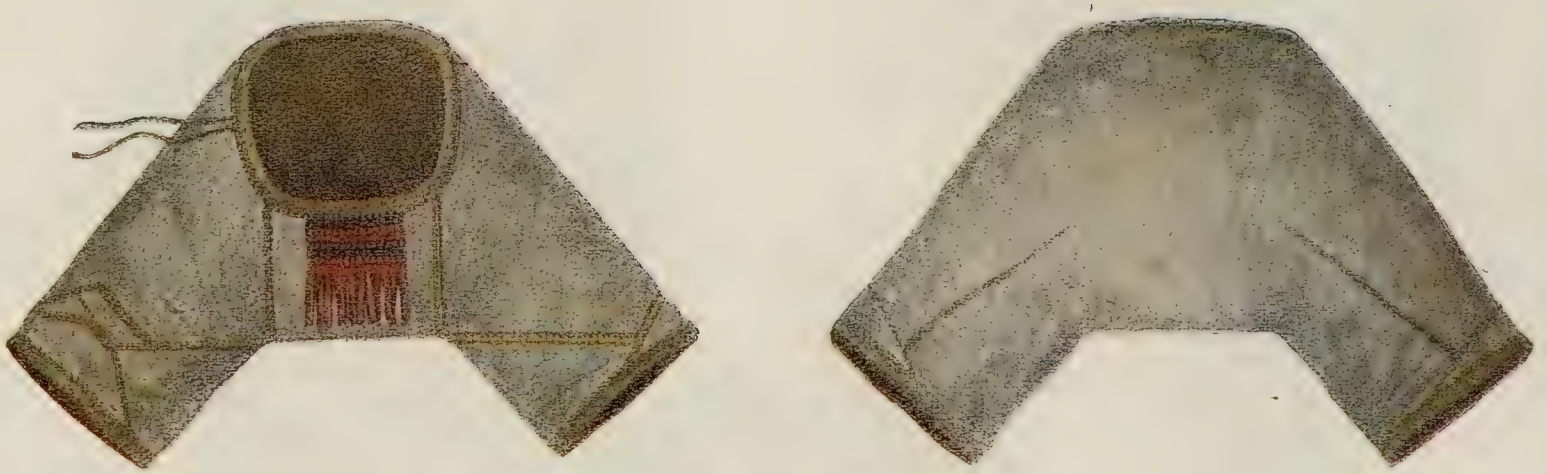
2 — девушка в домашнем комбинэ (снимок Н. А. Остроумова, из коллекций Красноярского музея).



а — налучник, не имеющий вязок, хранится в нарте; *б* — налучник с вязками; *в* — колчан, надеваемый на спину; *г* — колчан, хранимый в нарте.

Женщина в пологе нарты.

Ножной мешок.



Мужские натазники.

Снеговые очки и мужская обувь.

Мужчина в малице (вид спереди).

Мужчина в малице (вид сзади).

Будничная мужская малица (спереди и сзади).

Праздничная мужская малица (спереди и сзади).

Женщина в домашней одежде (вид спереди).

Женщина в домашней одежде (вид сзади).

Женское ровдужное комбинэ.

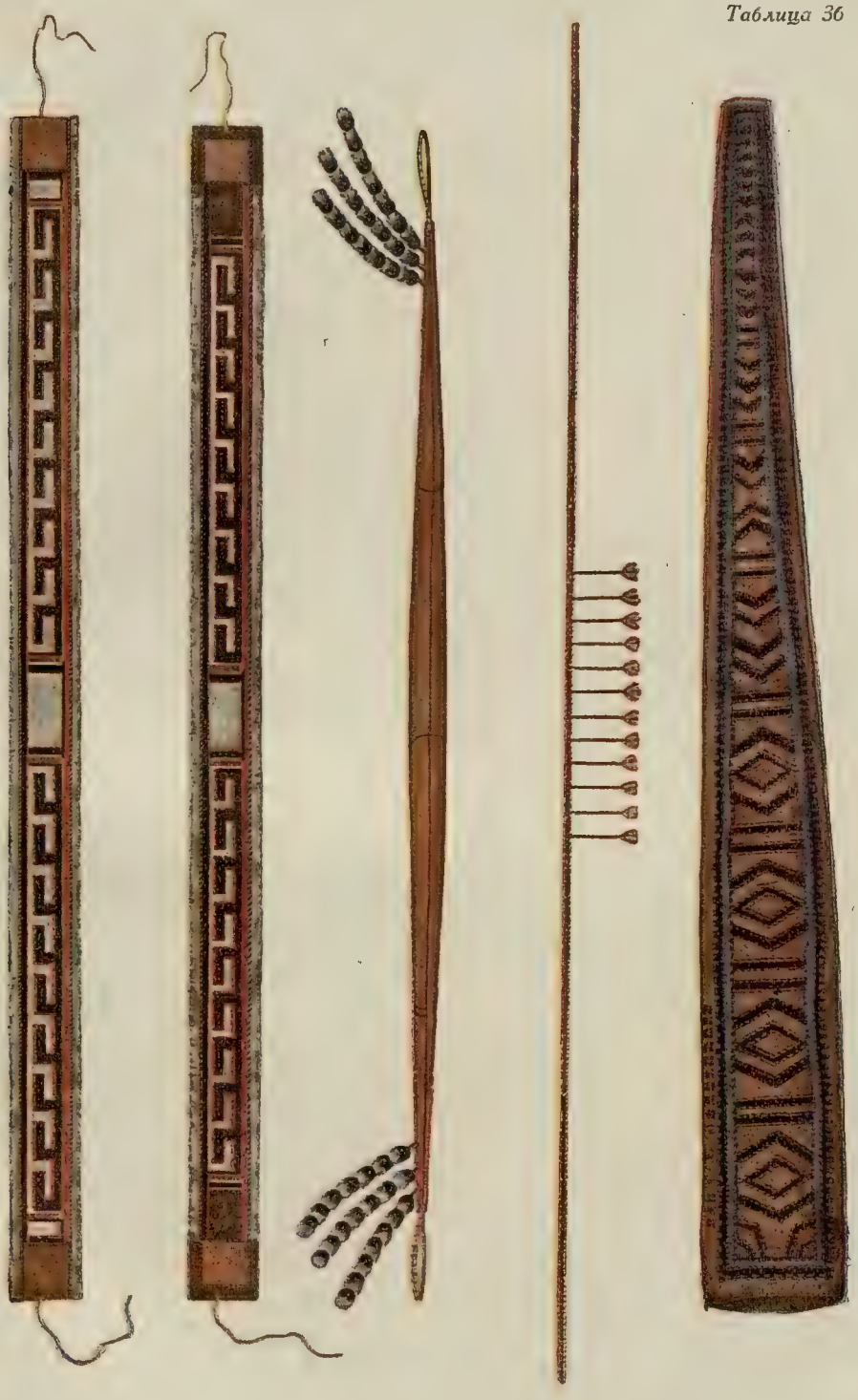
Женское верхнее комбине.

Мужская танцовальная и погребальная малица.

Женская танцовальная и погребальная одежда.

Женский танцовальный и погребальный головной убор.

Женский танцовальный и погребальный головной убор.



а *а* *б* *в* *г*

а — пояс упряжки „смертного“ оленя женщины; *б* — лямки „смертного“ оленя женщины; *в* — украшение нарты умершей; *г* — чехол погребального ружья.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Предисловие	5
Географическая среда. Историческая справка. Расселение	7
Годовой хозяйственный цикл. Охота и рыболовство	15
Оленеводство. Средства передвижения	55
Орудия и процессы производства	69
Жилище. Утварь. Стойбище	79
Пища	93
Одежда	105
Приложение	123

8069

Печатается по постановлению
Редакционного издательского совета
Академии Наук СССР

*

Переплет, титул, заставки, концовки, инициальные буквы и форзац художника *М. Разулевича*

Редактор издательства *А. И. Соболева*

Технический редактор *А. В. Смирнова*

Корректор *Ю. М. Северинова*

*

РИСО. АН СССР № 2366. Сдано в набор 10|III 1946 г. Подписано к печати 3-X 1947 г. Печ. л. 9¼ + 20 вкл. Уч.-изд. л. 13½. Тираж 3000. М-07165. Зак. № 701.

21-я типография им. Ивана Федорова треста „Полиграфкнига" ОГИЗ'а при Совете Министров СССР, Ленинград, Звенигородская, 11.

630 k 18

Ж-845А
Т. 3
1948